ОГЛЕДАЛО

ДОБРОДѢТЕЛИ И ВѢРНОСТИ,

ИЛИ

ЖАЛОСТНА ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ДРАГОЛЮБА и ЛЮБИЦЕ.

5 2285
Fl 7L 5
204B2

PIII 228

PhSCp III 231.1

ОРАНСАТ

РШ 228

ЧЕ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

Lehnhardt sc.

Повратисе сладка моя Лѣбице! –
погледай ме твогъ Драголѣба! –

P III 228
P19Cp III 231.1

ОГЛЕДАЛО

ДОБРОДѢТЕЛИ И ВѢРНОСТИ,

ИЛИ

ЖАЛОСТНА ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ДРАГОЛЮБА и ЛЮБИЦЕ

СОЧИНѢНО И ИЗДАНО

ІОАННОМЪ ЧОКЕРЛЯНЪ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
5185

МАТИЦА СРБСКА
323.

Tugend-Spiegel.

У БУДИМУ
Писмени Кр. Всеучилища Пешшанскогъ
1829.

Св. 764

5.11

823.

Благородной Госпожи

Катарїны Чокерлянъ

Супруги искусногъ Лѣкара Темишварскогъ
Господина

Георгїа Чокерлянъ,

посвящава.

Издашель.

Благородна Госпоже!

Мени Высокопочитаема Г. Сприно!

Іа непрестанно промишляваю-
тьи, како бы Вашымъ, мени
отъ могъ детинства указанымъ
Благодѣянїяма благодарнымъ
показати се могао, лишенъ от-
мѣнни дарова, умислїо самъ на-
стояще Дѣлце, аки први мои
трудова плодъ, Вашемъ, ме-
ни многопочйтаемомъ, посвя-
тити имену.

Тако примите ову мою кньи-
жицу съ онымъ усердїя знакомъ,
у Ваше премиле руке, съ ка-

ко-

ковымъ почитанїемъ Вамъ аки вѣчни залогъ, моегъ признателства на даръ приносимъ, съ тепломъ препорукомъ; да бы ме и у будуще Вашей благонаклоности препоручена имали. — А я тьу се потрудити моимъ повиновенїемъ свему соотвѣтствовати.

У Бел. Цркви 1. Марта. 1829.

покорный Сыновацъ.

I. Чокерланъ.

Предисловїе

Знаюћьи я, да су романтїческа списателя дѣла, добро от Србаля примлѣна, и доволно успѣла, зато самь и я овай писаня начинъ употребїо, — Г. Досїѳеа Обрадовича све вообще кньиге, у разговору и преповедкама состоесе, зато нѣгове кньиге

ге сваки радо чита, и уважа-
ва. —

Овай писаня начинъ благо-
потребанъ е, да се привлаче
срца къ читаню. Свакїй юно-
ша воли романтїческу повѣсть,
нежели Классическе Аупоре чи-
тати. — Зато е потребно да
имъ допустимо нравоучителне
романе читати, небыли како
зажелили и другу кньигу у ру-
ке узети, и таковымъ начи-
номъ мало по мало, возлюби-
тье ю чтенїе.

Тако

Тако прими мила юносте настояще дѣлце съ усердїемъ у твое сербске руке, кое ти я всеусердно, да се съ ньимъ ползуешъ, подносимъ. Я, ништа другого опъ тебе незакпевамъ: развѣ да ово внимателно читаюпьи наслаждавашъ се, и многимъ полезнымъ обучишъ, — сви совѣпи кои се Драголюбу подаю, да се тебе касаю, знай, да шпо е онъ спрадаюпьи препрпїо, пое све твогъ исправленїя ради, устроено. — Ту

пьешъ

тьешъ се научити разсуждава-
ти како у свакомъ дѣлу посту-
пати треба, видитьешъ како е
лепо кадъ младить ономy што
е добро, подражава, — позна-
тьешъ какве плоде приноси тру-
долюбїе, — увѣритьешъ са, да
сретьа наша не у богатству,
чести, и славы, но у задовол-
ству состои се. — Побуди-
тьешъ се любити ближнѣга, и
у кратко ретьи навикнутьешъ
се похвалномъ постоянству у
добродѣтели, кадъ прочиташъ

и

и у видишъ да е Драголюбъ мно-
га претрпїо, и свакояки прили-
лика за развратити се имао, но
при свемъ томъ, добродѣтели
вѣнацъ ненарушимъ, сохранїо. —

Читай повторително, и у
веселявай се кньижицомъ овомъ
кою ти горетьомъ србскомъ лю-
бовїю у твоя мила, и нѣжно-
сти полна, вручавамъ Обятїя,
— Све што годь памятидо-
споино и поучително у ньой
нашла будешъ, усели у твое
мла-

младо срце, и по ономъ животъ у строявай. — А я тьу се потрудити, да те пакъ чимъ новымъ скорымъ временомъ одрадуемъ.

твой любетьи те

Издатель.

Зора

Зора шопрвь шшо е плавиши, и шаму ношь-ну разгоняваши, движеніе злашны звѣзда пре-сшаяши, и сяина сребрносшь Месеца владѣніе свое надъ Вселеномъ губиши начала, царсшву-юшьой превеликои шишины, сама іошь звѣз-да Даніца, на поверхносши небесной, свѣш-лѣйшымъ своимъ блисшанѣмъ, цѣломъ Есше-сшву скоропришедши данъ, обешьаваше. — Ништа се друго чуши немогаше, развѣ по гдикое пшычице цвркушанѣ, коя расправля-юшьи перѣ, аки приуготовляваюшьи се за данъ, съ грапчице на грану, скакаше. — По-лумршвыми опъ далнѣгъ пушешесшвія упру-дьени членни, падне *Драголюбъ* на зелену шраву, поредъ едногъ холмишьа, ниже коегъ кришаловидни поточишь шушшаше, и коре-нѣ разны плодоносни древеса, заливаше. — Лад-на юшреня росса, коя е сва прозябенія овла-жила, ніе допусшила овомъ сшрадалнику ду-го почиваши. Топрвь шшо е сунце луче свое оп' востока на лице землѣ низспушшаши по-чело и преумилно поянѣ пшычица, ово по

МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

лугови, ово по древеси отъ ствію страна пре-
обладало, тргнесе младый *Драголюбъ*, отъ
сна, успане, додье на попокъ, у мысе, и
падне на колѣна съ воздвигнутымъ къ Небу
рукама, и свою ютреню молитву соверши —
утрудьенъ наравно, повторително пусти се
на землю.

Сладко поянѣ птыца, кое обычно свакогъ
увеселява, нѣму жалость причини, и тако
га смути; дае падши на землю, и сузама ли-
це свое орошаваюћи, плачевнымъ гласомъ о-
вако самъ собомъ говоріо: ахъ! благо Небо,
какво е твое опредѣленіе было? Кадъ си лю-
бовь у сердца смертныхъ вселило? еда за по-
даши имъ овогъ чувства сладость? или за и-
скуси твоя слабомоћьна созданія? — но
теби, кои таина нашегъ сердца помишленія
знашь, нису, искушенія, потребна, — тако
зашто намъ недозволишъ? да ову сладость
сви безизъятно уживамо. — Но О! худо мое
помишленіе! — шта я говоримъ? ніе то твое
преблаго Божество произволеніе, ты кое си
намъ земна блага даровало, желишъ да сви
люди она уживаю, и та уживаюћи, тебе
славе и хвале. Но то злоба, коя се свагда
твоіой вольи и правди проћиви, причинява, —
враждебни духъ нѣнъ найвећу радость у
томъ чувствуе, кадъ любовне или изъ злобе,
или друге кое причине ради, разстави може.

О! бѣданъ я, зашто самъ се родіо на
овай светъ? еда зато? да планета несрећна
надъ мојомъ главомъ, возиграва! — Многи
су,

су, а найвећа е часть люди остарила страшну страсть любови непознаваюћи, — зашто и на мене то жребіе непаде? да се у числу таковыхъ броимъ. — Та іошть ни цвећъ моє младости нисамъ достигао, шопрвь што самь у возрастъ ступіо, у девећнайстомъ момъ лѣту, ево шта ме нападе, и шта душу мою обезпокоява! — Срећьанъ е сваки, кои за любовь незна, срећьанъ самь и я быо, непознаваюћи ю. — Животъ ми се миліо, сви дни пролицалису ми весели, пріятно ми е препыштаніе, и спокоине ноћьи бывале су ми. Нигда печаль сердце мое нападала ніе, ништа е шуга у моіой внутренности царствовала. Садъ пакъ све што се тяготно назвати може, у моимъ персима обытава. Зрачно лице моє тако вене, као маиска Ружица, кою е при наилепшемъ развіяню, внутренѣ црвакъ подгрызао. — Чувства су ми сва изумерла, ништа я чувствуемъ кою нибудь радость овогъ света. — Видъ ми е тако помраченъ, да хотя све красоте овогъ света очима гледамъ, ничимъ манѣ я и тако смаштамъ, аки да ни су предамномъ: Све што ме е найпре увеселявало, садъ се у противно обратило, — зеленость древеса, и порфурно одѣяніе цветишта польски, чини ми се печалными флорови покрывено. — Поянѣ птыца позива ме на плачъ, а быстрина крустални изворишта, мутна ми проличе; а шуштанѣ, и любко медьу каменѣмъ жубоборенѣ водно, слушамъ я аки гласъ позывающи ме на воздиханія.

 Ахъ!

Ахъ! каменито сердце, како ше умилосшивши немого; да ми мою любезну пощадишъ, — ахъ! да се злоба пропивъ нѣ устремилаше, я бы срешне, и Богу угодне дне проводіо, задоволсшвомъ моимъ Ѳронове свію Царсшва приобрѣо бы овако обаче нишко несрешніи, и печалніи оп' мене на овомъ свешу ніе! — Како е печаль моимъ сердцемъ обладала, спокоисшвіе духа напусшило ме. Опъ оногъ часа живошъ ми е несносанъ, и само сунце сшихіа свѣшлѣйша, помрачеными лучами, надъ главомъ ми сіяши чинисе — Све е вешь за мене овогъ свеша изчезло, ниш' ме коя радосшь развеселиши може, — укрѣпи ми Боже! мою душу, да ово волненіе терпѣливо подносимъ. Садъ ушврди мое сердце, да оно любовномъ сшрасшію преобладано, непогине. — Духъ разума да ми недозволи до ногъ схудоумія дошьи: да шебе благо Божесшво увредимъ! —

Ово говорешьи обори главу къ земли, и шопокомъ суза лице свое омивши, одлакша мало себи, и повшоришелно заспи. Коликое сузне очи свое зашворіо, появила му се нѣгова любезна, за коіомъ онъ шужаше; обаче ни шако му ніе дано было, чувсшвомъ свое радосши наслаждаваши се, шопрвь онда, кадъ ю е рукама пригрлиши помисліо, гушшеръ едан' изъ подъ камена, поредъ коегъ онъ лежаше, изидье, и прешрчи му преко образа, на кое се *Драголюбъ* шргне, и свою любезну да е само на сну видіо, примѣши.

Ово

Ово нѣга тако у жалость погрузи, дае плачемъ изнемогше очи свое на ново сузама орошаваши почео. Ахъ! — Боже мои благій, говораше онъ плачевно, кад' ю е судбина отела, зашто ми поне шу радость ниси поклоніо? да се усну нѣколико минута съ моіомъ любезномъ, проразговарамъ. Ахъ! премило сокровище мое гдиси шы садъ? можда си у добокимъ волнама морскимъ погребена! — Кадъ бы я отомъ извѣщенъ быо, заиста ништа друго не бы ми пристояло; развѣ да и я момъ бѣдномъ животу, конацъ учинимъ. — Ако швое свѣтозарне очи овогъ свѣта дивоту невиде, нетреба ни мое да гледе, — Ако шебе на кругу земномъ не има, коя си имала за кога живити, зашто да живимъ я, кои самъ шебе ради родіо се, и дисао. — Но О! схудоумія моегъ, шта я реко? да се за ньомъ убиемъ? нешьу заиста нешьу, — шта бы овымъ поступкомъ задобіо? причиніо бы шо, да бы страданія моя конацъ имала, и выше ништа. Я, кадъ нисамъ силанъ быо бышіе живота ми дати, шо нисамъ ни у власти, животъ ми скратити. Болѣ е, да я живешьи шебе драга, данъ и ноштъ уздишуштьи споминѣмъ; нежели да у тамномъ гробу лежештьи, о шеби ништа выше нечувствуемъ. — Идемъ ше по свету тражити — ако выше неживишь, яшьу гробъ швой испытати, при нѣму до смерти остати, и шебе *Любице* оплакивати.

То изговараюштьи устане, и замишлѣнъ подье. Неимаюштьи ни от едне стране пута,

смутисе незнаюшьи шта чинити. Кудъ годъ свое очи бацаше, небяше друго видити: развѣ планине, непроходно зарашшьене стѣне, лѣси, пещере, попочишье, и водопаде. А оп свію спрана, неизброена разными плодови преклонѣна древеса, понуде га, немопьно тѣло подкрѣпити. Две смокве, коесу баш тада сазреле, падну му у очи, онъ и се наеде, и напіе водице, коя изъ превысоке каменише стѣне изпицаше. Но садъ се попрвь у новомъ чуду види, незнаюшьи на коюшье спрану иши, ербо ниши знадяше гди се находи, ни куда пушъ да предузме. После дугогъ размышленія или шье на десно, или на лево иши, у себи рекне: дай да идемъ управо, шашъ изидьемъ гдигодь на какву спазу, или пушъ. Прелазешьемъ му лѣси, и преко камења, у чини му се као да нѣкій гласъ чуе, за увѣрити себе, спане, и слуша, но мѣсто гласа, чуе звижданѣ, кадъ више себе погледи, у види едну превелику змію около едногъ дрвепа обвіену, и да на нѣга скочи, вепь готову, видешьи по шакосе уплашіо, да почпи осеби ніе знао. Повращивши се мало, погледи ю из далека, коя на грани висешьа прошьу сунчани зрака шако блисшаше, као дае оп саміи драгіи каменя была. Звижданѣ пакъ нѣно шако остро бяше, дае почши крозь мозакъ, човеку пронзило.

Садъ предузме пушъ на десно, но неучини десешъ коракляи негледаюшьи на землю, згази левомъ ногомъ на другу, но не особипе

вели-

величине змію, и сретьомъ на главу іой стане. Ова некако свои репъ узвиси, и нѣколико краши ошинувши га, обвіе му се око ноге, и шако ю спегне, да е мисліо, дашье му све косши поломиши. Имаюшьи поредъ себе саблю, пресече ю на више комади, и шако себе опъ зміе повпоришелно спасе. Овымъ спраомъ наполнѣнъ, почне скоріе иши, обаче шушшанѣмъ своимъ сваку учини внимашелну шако, да е почши свакогъ пешогъ, и десешогъ коракляя овде и шамо по едну и више змія видіо, за волю Божію шша е ово? рекне уплашенъ, заръ самь у Егѵпшу? ша менешье іошь и нопь медьу овымъ зміяма напьи!

Сунце е вешь на полдне дошло, шоплоша преузела, шшычице пѣніемъ преспале, и сво естесшво у морно быши видьаше се; а бѣданъ *Драголюбъ* презѣлно у прудьенъ нехше одморипи се, само за изишьи на какóвій нибудь пушъ. Ноге подъ ньимъ дркшаху, а кровь и сердце у силнѣйшемъ движенію бяше, кое оп пушешесшвенне немоштьи, кое пакъ оп' спраха, шша му зміе зададоше. Идушьемъ му, усмошри на десно ливаду разновидньимъ цвешьемъ украшену, и подье шамо. Колико е у онай кругъ ступіо, абіе му мирисъ благовонни на сусрешъ изишао, когъ се доволно наслади немогаше. Еданъ брегъ оп' самогъ мрамора чрезвычаино му се допадне, и запо къ нѣму подье. Немогавци вешь далѣ, спусши се на землю, за возобновиши на шрави свое измучене членове. Но преодолѣвшей жар-

ко-

кости солнечной, принужденъ буде лада искати. Пештера една коя се у томъ брегу на ходьаше, видьаше му се наибольи ладъ у себи содержавати. Набере вошьа и понесе собомъ, за обѣдовати, и одморити се у ньой. Кадъ унутра ступи надье вапру, поредъ кое еданъ бакарни сосудъ поставлѣнъ бяше. Кадъ мало далѣ ступи, никога невидешьи, у дивисе, видешьи обипалище разными сварми намештьено. У среди бяше една трапеза, на коіой латінска слова изрезана бяху. Една постеля, нѣколико книга, брояніце, сабля стрела, и еданъ дрвени сандукъ. Шта е ово? рекне удивлѣнъ, шко овде обытава? Едали е іошть кога мени подобногъ на свету, да обыталище у пустыны тражи. — Я самъ мисліо да се на мене самогъ судбина у стремила, и изъ содружества человѣческогъ изгнала, ово обаче кое овде видимъ, шта друго показуе? развѣ да овде нѣко обытава. — Дай да мало пречекамъ, можда шье шко дошьи. То изрекши, замишлѣнъ легне на постелю, гди га животворителни ладъ успава.

Обытатель пештере додье носешьи мало дрва, шпичны ня, и вошьа, кадъ унутра ступи, тргнесе натрагъ, видешьи странна на своіой постельи лежешьа. Да га пакъ небы пробудіо, лагше къ нѣму приступи да га болѣ види. О! Боже вопіе онъ у себи, младишь іощь несовершенъ као зелена вошька, глед' како е уморанъ, дай дасе побринемъ што за обѣдъ приуготовити. Абіе зашымъ узме ня

и

и обари, вопье за разладипи, ладномъ водомъ опере, и трапезу поспавивши чекаше, да му се госпъ пробуди. Срна една кою е пуспиникъ воспышао, внезапу у пешперу у трчи, на кое се *Драголюбъ* пробуди. Видепьи пакъ домашьина успане, и извиняваши се почне: Опростите любезни шпо самъ свободанъ быо, безъ дозволенія у ваше обышалище дошьи. Драго ми е любезни мой, да ме е Богъ милоспивый сподобіо у двадесепъ и седамъ година, еданпутъ могъ сочеловѣка видипи. Но опросши пы мени, шпо дуже почиваши ниси могао, да самъ знао, да шье се по догодипи, я бы мою звѣрку предъ пешперомъ задржао и шако она небы была упрчала. Знамъ даси гладанъ, запо е нуждно дасе мало подкрѣпишъ. Испина да особипимъ еломъ угошпьенъ быши нешьешъ, обаче о чиспосердечномъ момъ госпопріимспву несумняй. Шпа е Богъ дао, делишьемо брапски. — Ючерь у ловіо самъ прекрасне две яребице, кое оамъ ево за обѣдъ приугоповіо. Обаріо самъ яя, имамо кшому лепа зрела вопьа, а вмѣспо віна, вкусне водньике. Узми драгій брапацъ и еди; ербо знамъ, ако ми и некажешъ даси гладанъ. После обѣда *Драголюбъ* преклони главу земли, и нѣколико крапи изъ глубине сердца уздане. — Садъ бы радъ знапи рекне Домашьинъ, шкоси? и одкудаси? и коимъ си случаемъ овамо дошао?

Драголюбъ. Опроспи шпо пи казапи немогу, ербо по самомъ Богу, и никомъ выше вовѣрипи немогу.

Пу-

Пустиникъ: Изъ твои речи веть разумѣти могу даси страдалникъ; обаче неустручавайсе тайну твою ми открыти, знаютьи: да тьетъ ю ономъ срцу вовѣрити, гди тье до смерти у таиности, сохранѣна остати. — Ево веть двадесетъ и седамъ лѣта како съ човекомъ проговоріо нисамъ, како бы дакле прилике имао, управъ да бы хотѣо, тайну твою кому открыти? — Я по себи судетьи знамъ, да човекъ себи одлакша, кадъ тугу свою кому открые. Да самъ я кому мою, страданія полну, исповѣдіо тайну, знамъ да бы ми у полакъ отлагшано было. — Управъ добро даси ми дошао, баремъ тьу ти тяготу мою исповѣдити.

Я самъ изъ Албаніе Лодріна Града, мои Родительи выше деце, кромѣ мене нису имали, зато су старалисе у свакомъ смислу добро ме воспытати. — Едномъ мой почитаемый Родитель велике трговіне ради предузме путъ моремъ, гди е несретнымъ постао. Галію на коіой онъ бяше непогодни вѣтрови окаменъ ударе и разбію, и тако мой отацъ са сви плавательи ахъ! на велику мою жалость, у тописе. — — Моя печална Мати чуютьи то жалостно приключеніе, преда се туги и жалости тако: да е на шестъ месецы по смрти Отца могъ, и она преставиласе. — Я самъ тада бьо от' тринаестъ година возрастомъ.

Тутори преобладавши имѣніемъ Отца могъ, нехтедоше ме на Науке, за коима самъ

чез-

чезнуо, дати, но у трговіни дасе у пражнявамъ, принуде ме. После краткогъ времена отведу ме у *Дурацъ* Градъ, и предаду едномъ злонравномъ и свирѣпомъ трговцу у руке съ томъ препорукомъ: даме што строжіе може, држи. Овай добывши ме у руке, тvрански самномъ поступаше. Вмѣсто да самъ се у трговіни у пражнявао, свакій данъ ишао самъ съ посленицы на одае и вертове, скоима све послове као и прочи работникъ извершивати морао самъ. Слабомотьанъ, гди бы могао толику землю преметати? као оніи снажніи люди! — Кадъ бы ме одмараютьа се видіо, везао бы ми руке наопако, бацыо бы ме на землю, и газетьи ногомъ, воловскомъ жиломъ бы ме био, забранюютьи ми да уста не отворимъ ни гласомъ да писнемъ. — Другогъ препитанія кромѣ хлѣба и воде нисамъ имао, велика бы обаче милость была, кад бы ми тридневногъ, и веть у кислогъ ела дали. Една вретьа, и покровацъ коньоки, бяше ми постеля. Одъ кудъ бы годъ кое изъ кутье предамномъ изишло, свако бы ме затьушкивало, и плювало. — Овако самъ чрезь цѣлу годину и три месеца страдао; но преодолѣвшемъ свирѣпству, умислимъ бѣгствомъ спасти се. Едногъ ютра идутьи съ надничари на радню, добіемъ удобну прилику, милосердне нѣке трговце, съ коима моремъ у Грецію отидемъ. Незнаютьи, и непознаваютьи нигди никога, почнемъ скорбити, и очаянію себе предавати; обаче благость Божія пошлѣ ми

ру-

рукопототь. Трговцы испіи намѣраваюпьи у *Аѳіну* попьи упышаю ме: Кудъ я намѣравамъ ипи? ни самъ незнамъ опговоримъ имъ, — ако Бога знапе поведипе ме собомъ, и препоручипе да служимъ. Оніи се смилую и опведу шамо. Кадъ смо у мѣспо дошли, наложе: да на ньіове спвари и камиле внимамъ, и дасе препрпимъ докъ се оніи врапе, и да шьею ме шада едномъ оп' свои пріяшеля опвесши, и подъ свое дапи.

Како ми е шада было милый мой браше! у дальной непознашой земли, лагко себи предспавипи можешъ, споепьу ми замишшлѣну, човекъ еданъ прияшна погледа, обаче жалоспію покрывенъ, покрай мене пролазепьи, взорь свои на мене бацы, и позадуго гледающьи ме, почне плакапи. Я се у новомъ чуду надьо, незнающьи шпа шье по садъ значипи. Тко си сыне? и одъ куда си? вопроси ме пихо, я му одговоримъ, да самъ из Албеніе родомъ сироче безь Родипеля. А кое е швое намѣреніе? продолжи далѣ Градьанинъ, и скимъ си овамо дошао? Дошао самъ съ нѣки шрговцы, кои су ми обешьали када се врапе дапьею ме едномъ оп' свои люди дапи; ево и нестерпѣливо чекамъ, незнамъ гдисе толико задержаваю- А кои су шіи швои шрговцы? Како се позываю? и како е име ономъ, комъ ше дапи веле? опомъ шпюме вопрошаваше опвѣпа вамъ дапи немогу; еръ пунъ шуге и жалосши, ніе ми до шога было, да и, како се ко зове, вопросимъ. Знашли шпо сыне,

про-

продолжи онъ далѣ, я самъ говекъ имушьанъ, неумипни судбине ударъ посѣпивший ме, узме ми единогъ пепнаисполѣпногъ сына! — „ — „ ево вепь девепи данъ како самъ га земли предао. Тебе пакъ внезапу погледавший, помысліо самъ да е онъ; ербо си му у свему подобанъ. Свакій кои бы ше видіо, даси му брапъ рекао бы. — Дабы шуги, и жалоспи моіой мало одлагшао, имаюшьи подобіе сына моегъ предъ очима, вознамѣріо самъ примипи ше за сына. Ништко другій имѣніе мое наслѣдипи нешье, развѣ шы — све шьешъ оно уживапи, кое бы сынъ мои дае живіо, уживао. Ты захвали швоимъ добрымъ шрговцемъ на у казаной любови, а шшосу ше довде довели, я шьу имъ плашипи. Онде гди ше онїи препоручипи намѣраваю, нешьешъ оно имапи, чимъ ше я желимъ усрешьипи. Шшо бы онде морао служипи, кодъ мене шьешъ господсшвовапи, шшо бы кодъ ньи кадъ и кадъ можда проплакао, кодъ мене шьешъ веселе дне брояшпи.

Чуюшьи я ше речи, паднемъ предъ ньимъ на колена, немогушьи друго оп' радоспи, говорипи развѣ ахъ! шы благо Небесно существпво заиспаси милоспиво. — Медьу шымъ и шрговцы додьу, коимъ я абіе шеплѣйше благодаримъ. Драга брашьо! рекне имъ Градьанинъ, ево вамъ за подвозъ (*подаваюшьи имъ кессу съ новцы*) и Богъ нека вамъ срешьу да, шшіо сше ми овогъ Ангела довели. — Я га за сына узимамъ — Овіи благородніи мужеви не

само

само да новце за подвозъ примити нису хотѣли, но пуну шаку новаца свакій оп' ньи, поклонити ми хотяше. Я, а наипаче новый мой Благодѣй то допустити ніе хотѣо. Излюбимъ се сньима, и пунъ радости подьемъ съ моимъ новодобитымъ Отцемъ. Кадъ додьемо у высокоздани домъ, кои савъ црномъ чоіомъ обвіенъ бяше, познамъ, да краиня печаль у нѣму обышава. Видишъ сыне рекне ми Господинъ водещьи ме за руку, како е ово жалостно, и прескорбно, усилисе шы поне, да намъ рану ову залечишъ! — Кадъ смо у шесту собу дошли, Госпожа домашьица бяше на постельи заспала, кою разговоръ нашъ ош сна разбуди. Она, како ме е поредъ нѣ споетьа видила, изъ внутренности Сердца вопіе: ахъ *Θеофиле!* и абіе у несвестъ падне шако: да се почти полъ четверти часа ніе разабрала. Кадъ е пакъ мало къ себи дошла повторително име *Θеафила* споминяше — Неплачи драга *Θеодоро!* рекне іой супругъ, ево самъ ти довео сына когъ намъ е Богъ, мѣсто нашегъ *Θеофила*, послао. Онъ шье намъ сузне очи отерти, и скорбну душу нашу утѣшити. Ей! продолжи она, како е оно магновеніе ока за мене щасно было, кадъ самъ га внезапу видещьи помислила, дае мой Θеофилъ. Истина да му е подобанъ, и обликомъ, и возрастомъ; ничимъ манѣ мое сердце осиае неутѣшно во вѣки, ниши е родила коя маши сына, кои бы у спаню био, мою шугу умалити. —! А гди си га нашао? и ели

испи-

истина датье кодъ насъ остати? Да му ніе воля при нами остати, небы ни дошао, придода Доматьинъ, лишенъ свои Родителя посланъ е от' Бога кнами, гди тье свое изгублѣне Родителѣ натьи, а мы може быти у нѣму нашегъ Сына! — — Сыне! обративши се къ мени, ево ти Матере, а я самъ ти Отацъ, потруди се да добримъ поступкомъ насъ за Родителѣ добыешъ, и себе достоина наше любови, покажешъ — Я имъ цѣлуемъ десницу, и заплачемъ се, оніи наравно жалости полни, сузе свое съ моима союзе, и тако умолчанію, и воздиханію цѣлый часъ проведемо.

Ту самъ сваку послугу, и све што самъ само себи помислити могао, у изобылію имао. Мои Благодѣи старалисе вопервыхъ наукама просвѣтити мой умъ, зато ми Наставнике едногъ Философа, другогъ Філолога, а третьегъ Мусикуса да у домъ долазе, узете. Ванъ опредѣлени часова у коимъ самъ се у наукама упражнявао, свакій данъ другимъ у веселеніемъ забавляобысе; еданъ путъ ишао бы съ Отцем на колесси у вертове, и одае, другій путъ проодао бы изъ едногъ у другій, и тако бы сва седамъ обышао душьана. Или бы са содружествомъ разне увеселителне забаве проводіо, или бы стрелу узео, и птыце ловіо, и проч. — И садъ ми е мило опоминяютьи се оніи щастніи времена, коя самъ у нѣдрама оніи блажени душа, провео. Незнамъ ели можно да кровніи Родительи выше

што

шшо своmъ чаду учине? нежели шшо су овіи мои Благодѣи, мени указали! — У шомъ земномъ Раю провео самъ седамъ година, кои су ми шако скоро, као седамъ часова прошекли.

Едногъ прекрасногъ юшра, заключи Ошацъ и Маши у вершове, кои двѣ милѣ ош Аѳіне оисшояху, изишьи; да бы шу мало разведрили и поушѣшили свою скорбну душу. — Два дна проведемо весело, шрешьи пакъ данъ додьу изъ Града осамъ лица, два судіе, и прочи купцы, добрый пріяшельи нашегъ дома. Тай данъ шако е шоржесшвенъ быо: да га никда заборавиши нешьу. Десешогъ часа ношьи подьемо почиваши. У едной соби Ошацъ и Маши моя, у другой я, и іошшъ двоица, а оспали у шрешьой да преноше, одредьено бяше. Госши, сви у еднои соби собрани, шаине нѣке разговоре медьу собомъ имаюшьи, побуде у мени неперпѣніе, и зашо любопишливъ посшанемъ, шшо она двоица коимъ е речено да самномъ у едной соби почиваю, никако недолазе. Вешь дванайсши часъ ношьи продье, а разговорь никако непресшае; обаче све у шапушаню и шихосши. Усшанемъ съ посшелѣ, и провиримъ крозь ключаницу, но имамъ шша завидиши! — Сви осамъ намазаними образи, засукани рукави, мачеве у руцы држешьи, гошови бяху къ нѣкомъ грозномъ дѣлу. Видешьи я шо, скорѣйше побѣгнемь у спае за прошбудиши служишелѣ, да се ларма подигне; обаче докъ самъ я слуге будіо, оніи удьу у со-

бу

бу кь моимъ Благодѣшелѣмъ, и незадржаваюшьисе мало запымъ се враше, и у мою собу удьу, видешьи да ме нема, подьу у шпалу пражиши ме. Я како их идушье видимъ, запрпамъ се у сено шако: даме нашьи нису могли. Побѣгао е проклеша вѣра, еданъ ош ньи рекне, но мы шьемо нѣму зашо опешь судиши. Запымъ сѣдоше на конѣ, и шшо брже могоше, бѣгаши почеше. Спра кои ми е крозь жиле у косши прошао, и садъ ми езу задае.

Кадъ е свануло, ошидемъ видиши, шпа мои Родишельи чине, но шпа я шу надьемъ! — обое леже заклани, моіой мапери глава одсечена, а Ошцу пресеченъ грклянъ, и у персима мачъ іощь забоден спояше. Кадъ се пада ош жалосши распао нисамъ, заисша самъ шврдьи ош камена.

Драголюбъ. Зашшо ниси са слугама ньи избавіо, и злодѣе ухвашіо?

Пустиникъ. Я самъ и будіо, обаче свису шако шврдо спавали, да бы мисліо дасу мршви. А шо су онїи бездѣлницы учинили, можно дасу имъ у віну *Опіумъ* дали, и ньи опили, да дѣло безопасніе окончаю.

Драг. Шпаси после шога чиніо? молимъ ше преповѣди ми.

Пустиникъ. Видешьи я шо, узмемъ мршва шѣлеса, и однесемъ дома. Нисмо обаче мршваце ни намѣспили, додье спража, коя ни бѣле ни црне невопрошаваюшьи, мене нападне, и везана предъ судъ ошведе. Приведену ми у домъ судейски, сви судіе собрани спояху, ме-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

дьу коимъ и оніи двоица бяху, кои су ми Благодѣшелѣ убили. Водиште, водиште га само повикне еданъ отъ ньи, и бацыте доле у шемницу. За Бога преслушайте ме вопіемъ я, да вамъ преповѣдимъ какое было. Иди, иди, рекне еданъ, быште время кадъ шьешъ намъ преповѣдити, и шако ме силомъ у шамницу баце. Ниш' я знамъ какосу мое Благодѣшелѣ погребли, ни шта се съ иьинимъ имѣніемъ учинило. — Я самъ несшерпѣливо очекивао часъ, да ме на судъ изведу, гошовъ наравно, какошьу прстомъ на оне при судеиской шрапезы седешье, показаши, каковіи су оніи правдохранишельи. Обаче до шога ніе дошло, но шрешье ношьи, чуюшьи врата шамнична дасе отворају, помислимъ дашье быши дошли по мене, да ме воду, и представе суду. Кадъ се врата отворише, двоица ступе у нутра, еданъ држаше фенѣръ подъ покрываломъ, а другіи ключеве носешьи приближи ми се, и окове съ мене снимивши, веже ми очи, и поведе собомъ. Кудъ ме водиште? вопросимъ: ненишай одговори овай, но слѣдуй, ако желишъ да супра главу неизгубишъ. Нешьу я бѣгапи, кадъ убіице знамъ, кое шьу суду дерзновенно обявиши. Всуе шьешъ на другогъ кривицу бацаши, кад си шы за злодѣя оглашенъ, и осведочень одговорими первый. Ниша зашо продолжимъ я, надаюшьисе у Бога и у правду, показашье се кои су шіи дѣяшельи! шта закоснявашъ рекне онай, кои подъ покрываломъ фенѣръ држаше, еда незнашъ гди до

зоре

зорв морамо бышн. И шако ме силомъ изведу изъ шамнице, и опведу. — Теже ми е было сносити шшо су ми очи везане, нежели сама шамница. Предъ вече кола спану, съ кои кадъ се сидьемо, овіи ме у домъ уведу, и шу ми одреше очи. Садъ хвали Бога шшо си живъ из руку швои непріяшеля изишао рекне ми первый, шы и незнашъ да ше е судъ вешь на смершь осудіо. Мы пакъ жалешьи швою цвешушьу младосшь а сувыше знаюшьи ше невинна, спаралисмо се избавити ше. Иди браше кудъ ше очи воде, и нигда выше на *Аѳіну* и непомишлявай. Ево ши мало новаца, пакъ чини како ше Богъ учи. Я слушаюшъи гласъ нѣговъ, хошя да е подъ ларвомъ ни чимъ манѣ познамъ да е шо мой искренный содругъ, сынъ исшогъ Судіе, кои е Благодѣя могъ убио. Конспаншіне мили мой друже викнемъ я гласно, зашшо швое мило лице поне при последнѣмъ разспанку, вѣрномъ швомъ содругу вивиди недашъ? — Онъ мое речи слушаюшьи, скине ларву, пригрли ме, и почне плакапи. Сладки мои браше *Драголюбе* право е да ме ненавидишъ, худогъ ради посшупка опца моегъ; ничнмъ манѣ заклинѣмъ ше силомъ небесномъ мени за любовъ упошребленія никакова нечини, ако себи добра желишъ. — Ове речи шако су ме плѣниле, да самъ га пригрліо, и прсима припискиваюшьи, плачнымъ гласомъ ово говоріо: милый мой друже! швой Опацъ звѣрско припяжава сердце! — шкода заисша, да ши е Родишель. — Нѣгово беззаконіе и зло-

 дѣй-

дѣйство шолико е велико, да се описаши неможе. — Онъ човекъ у званію судейскомъ, поспавлѣнъ да правду храни и защищава, миръ и единогласіе медьу Граждане уводи, неимаюшьи нужде ни попребе, безь сваке причине, и у врежденія, приходи къ своимъ пріяшелю на посѣщеніе съ намѣреніемъ живоша га лишиши! — Шша выше, и мене дасе у клоніо нисамъ, хошѣо е убиши. — ахъ Боже! ако га ово безъ казни мимоидье, заиспа правде на свѣшу выше нема! — Кровь неповинни душа вопіе на Небо, а мои вопль морасе преспола саваоѳова коснуши! — „ „

Хошя даси му сынъ, ничимъ манѣ шыси мени онай кои си ми свагда быо, и оспашьешъ ми другъ и милый брашъ до мое смерши; *еръ беззаконіе отца неидетъ на сына.* — Садъ ми кажи причину, зашпосу оица могь убили? и зашпо си ме шы, а не кои другій изъ шамнице извео? Он' ми е на то ово оговоріо: Пребезаконни Ошацъ мой, наговоренъ от прочіи кои су славы и богашспву Благодѣя швогъ завидили, поведесе нечувено злодѣйспво учуниши, съ намѣреніемъ и шебе као наслѣдника нѣговогъ съ овогъ свеша оправиши; швоя обаче срешьа даси се провидѣніемъ, и руководспвомъ невидиме Божіе деснице, уклоніо. Оніи за оправдаши себе договоре се убіиспво на шебе бацыши, као шпо дѣиспвишелно и учинише. Сви осморица предъ судомъ посведочише, да су ше

крва-

крвава изъ собе швои благодѣпеля, изишьи видили, кое си шы, веле, запо убио: само да бы имѣніе ньиово, скоріе наслѣдіо. А зашпо ме нису одма у хвашили, іощь у ономъ магновенію када самъ крвавъ быо? Нису веле знали, шпасе у собы швои Родишеля случило, а кадъ су видили, шы си донде побѣгао. Айде нека е и шако, рекнемь далѣ, зашпо ме судъ ніе на испышъ извео? да имъ све, као шпо се збыло, преповѣдимъ. Ту е Ошацъ мой за себе у попребіо средспво говорешьи: ніе нуждно да га изводимо, и испышуемо, кадъ е онъ пре него шпо су га упамницу ошвели, свое злодѣйспво препознао, кадъ е рекао: *Господо! дозволите да вамъ преповѣдимъ како е было;* шако онъ сошымъ себе доволно издае, иначе кадъ онъ шай небы быо, рекао бы: *Господо што ме затварате кадъ никакова зла учиніо нисамъ.* Сви мнѣніемъ ошца могъ задоволніи, заключе слѣдующій данъ, ш. е. данасъ устрелѣнъ да будешъ.

Я шу новину чуюшьи, бризнемъ плакапи, знаюшьи ше невинна, и познаваюшьи швое чиспосердечно сообращеніе у любови содружескои, а сувише жалешьи швою красошу и зелену младосіпь; у мислимъ средспво шебе оп смерши избавипи. Ношьу кадъ су сви почивали, у крадемъ ключеве шамничне, спражу опіемъ, и са Полеологомъ (шако се зваше онай другій) ошворимъ шамницу, и шебе оп' смерши спасемъ.

Мы

Мы выше закосняваши неможемо, но толико шебрашскій молимъ, шшо далѣ можешъ Грецiе се укланяй. — А да шша шье быши съ шоликимъ имѣнiемъ мои Благодѣшеля? вопросимъ га далѣ любопишно. Упошребишьею судiе средсшво, како шье све шо у ньине кессе дошьи. Тое управъ причина была, кое ради су се полакомили шо злодѣйсшво, учинишши! — Садъ збогомъ осшай, и незаборави швогъ вѣрногъ, вовѣкъ шебе душомъ и сердцемъ искренно любешьегъ друга. Я га ухвашимъ за руку, и цѣлуюшьи му лице, заплачемъ се, прицискиваюшьи нѣгову руку рекнемъ: вѣрный друже мои! збогомъ, и здравсшвуй на вѣки, знамъ да намъ судбина нигда выше сасшапи се, дозволиши нешье. По сшо краши цѣлуюшьи се, и збогомъ осшай говорешьи, едва се разсшасмо. Онiи седну свакiй на своегъ коня, и колико кои могаше, изъ предъ мои очiю, удаляваше се. Я самъ и взоромъ моимъ прашiо, докъ самъ годъ зѣницомъ досягаваши могао. У шой пусшини кодъ доброгъ и искренногъ *Трандофгла* (шакосе зваше домашьинъ) проведемъ шри дна, а чешверши надьемъ прилику коя до ошечесшва могъ иши, намѣраваше. При разсшанку ушѣшаваше ме домашьинъ своmъ умилнымъ сладкорѣчiемъ, да не очаявамъ, да надежда за мене iошь иiе изчезла, дашьу я iошь до желаемогъ конца дошьи. — Мудре нѣгове речи шолико су храбросши, и бодросши духа у мени вселиле, да самъ се почши развеселiо. Но само ошоминяюшьи се

мои

мои Благодѣтеля, ньиови благодѣянія, и грозне смерти, коіомъ погинуше, саме бы ми узе низъ лице падале, и неизброена воздиханія изъ сердца исходола. — Опросшивши се съ добрымъ *Θеофиломъ* додьемъ срешно у Албанію, до варошице *С. Николая* и шу шакодье надьемъ прилику, скоіомъ у *Лодринъ*, мое рожденія мѣсшо, ошидемъ. Наравно нишко ме ніе познао, ер' самъ возрасшомъ шолики быо; да се сваки дивиши морао. Тринаисшодѣшанъ, маленъ бѣхъ, кадъ самъ ош дома ишишао, садъ двадесешолѣшанъ, као маиска ружица развіенъ, внезапу имъ опешъ додьо. Ни очемъ другомъ нисамъ шужіо, само за изгубленіе мои благодѣшеля, за ньиовимъ имѣніемъ нисамъ ни наиманѣ жаліо, знаюшьи; дае мени ош мои Родишеля доволно осшало.

Како самъ у ошечесшво сшупіо, ускорimъ найпре моимъ шшоромъ приявишисе. Я самъ ньи безъ сумнѣ, обаче оніи мене немогоше познаши. Покажемъ имъ се, но оніи чуюшьи ову ньима са свимъ неповолну новину, почну ми овако говорипи: Боже сохрани! даспе вы *Вельковъ* сынъ. Нѣговъ е сынъ умрео. Како е ваше име? *Александеръ* вами е добро познашо ошговоримъ имъ я. Има много *Александра* на свешу, зашо ніе слѣдсшвіе даспе вы нѣговъ сынъ. Да бы и пакъ полно увѣріо да самъ онай за когъ се издаемъ, покажемъ имъ десну руку, на коіой белегу имамъ; — видишели ово? и кажипе ми есамъ ли сынъ *Вельковъ*. А каково вшеченіе ша белега на Велько-

ва

ва сына има? мы отомъ ништа незнамо — но вы идите збогомъ доксте читави, разяренъ на мене повикне первый.

Я се не мало удивимъ, видетьи да ме овіи люди отнюдъ нетьею да познаду, по поздніе уразумемъ дасу ме као мертва огласили, и имѣніе отца могъ, како су оніи знали уредили тако: да я ни новчитьа очима видіо ни самъ. Овомъ непогодомъ смутьенъ подьемъ тражити мое сродне, надаютьи се ньиовомъ номотьію имѣніе мои Родителя, повратити, мотьи. Но овіи ме едва дочекаю, како кои болѣ могаше псоваше, и изъ кутье истераше ме.

Драгол. Зашто су оніи то чинили?

Алексан. Зато; ербо су сви у договору были, мене за мртва издати, и тако имѣніе наше, медъу собомъ поделити.

Драгол. Говори, штаси после чиніо?

Алексан. Право вели свето писмо: *ни еданъ Пророкъ ніе честанъ у свомъ Отечеству.* Вмѣсто да ме пожале, и о мени соболѣзную, оніи ме напротивъ ненавистію дочекаю, и преко сердца погледаютьи, ни добра одговора ме удостоити нехтеше. — Шта ми е друго пристояло, развѣ да идемъ у светъ, щастіе тражити.

Знаютьи выше езыка, обученъ у Наукама, помислимъ у себи да медьу живымъ людма одъ глади умрети нетьу. Гнѣванъ безь збогомъ остаи подьемъ изъ *Лодріна* и прешедшй црну Гору, додьемъ у Херцеговіну. У Градитьу

тьу *Требинѣ* уразумемъ да се дѣтонаставникъ преставіо, и да общество другогъ тражи. Ову удобну прилику употребимъ, мислетьи за време докъ болѣ што получимъ, овомъ званію да служимъ. Приявимъ се знатнымъ лицама, кои ме едва дочекаю, и абіе за свое дѣце, воспитателя приме. Слѣдуютьегъ дна позванъ будемъ у едно весело содружество, и ту будемъ умолѣнъ едну да имъ изпѣвамъ песмицу. Я, будутьи дае Маи Месецъ быо; отпѣвамъ имъ ову пѣсмицу:

„ Славуй любко пѣва у шумицы,
„ Пастыръ свира у чарной горицы,
„ Зефѵръ дува тихо на све стране,
„ Свакогъ древа разшируе гране.

„ Цвѣтъ ливадни пчеле облетаю,
„ И долине гди руже цвѣтаю,
„ Вотька плодъ свой починѣ носити,
„ Свакій мравакъ свогъ творца славити.

„ Мирисъ пуща зелена травица,
„ А поточна крѵстална водица,
„ Земледѣлца любко оживлява,
„ Кадъ ю піе, и лице умива.

„ Кудъ

„ Кудъ гледимо све е то зелено,
„ Разновиднымъ цвешьемъ украшено,
„ Небо ведро, жарко сяйно сунце,
„ И печално ушћшава сердце.

„ Цвешье бере момче съ девоичицомъ,
„ Голубъ гуче с' своіомъ голубицомъ,
„ Малый мравакъ садъ е оживіо;
„ Ер' се остре зиме избавіо.

Песма моя обще одобреніе получи, сви безизяшно мене любяху; обаче по испеченію кращкогъ времена мѣсшный судія почне ме ненавидиши, и своимъ озлобленіяма до шога е довео, да самъ службу мою оспавіо, и пошао далѣ щасшіе шражиши.

Едногъ юшра подьемъ изъ Требиня пунъ радосши и веселя. Заборавіо самъ озлобленія и нападенія свирѣпа човека, и ни на памещъ неприводешьи моя сшраданія, спокоинымъ духомъ пушовахъ пѣваюшьи преко шума, брегова, поля, и ливада. Незнаюшьи пупа, самъ себе вопрошаваши почнемъ кудъ я идем? и гдишье ми присшанище моегъ пушешесшвія бышти? — зашо вознамѣримъ, колико у прво сеоце додьемъ, упишаши: имали шу кои Градъ. Вешь упрудьенъ, принужденъ будемъ одмора искаши, а шо ми обешьаваху два липова дрвеша, коя шада у цвѣшу бяху, и мирисомъ благовонно изъ далека пушнике къ себи

у

у ладъ, призываху. Подьемъ тамо съ намѣреніемъ на зелену праву лепьи, и обаянъ мирисомъ, медьу онимъ прекраснымъ древесама, заспапи. Управъ онде, гди ми се као найповолніе за одпочинути чинило, примѣтимъ дае мѣсто оно, скоро прекопано, на комъ нѣколико повелики каменя, положени бяху. Овде се у мени возроди любопитство, шта бы шу као могло быти? а сварь ми доволно поняшія даваше, дае шу когодь био. Узмемъ каменѣ, и разбацымъ и на страну, узмемъ дрво, и почнемъ землю недавно прекопану, разгрнати. Нисамъ ни до колена дубоко яму ископао, и вепь далѣ немого; еръ ошвепь пверда земля быши чиняше се. Самъ себе шада обличавапи почнемъ, зашшо самъ шако посшупіо, и любопишнымъ као слаба женска посшао, и абіе намѣримъ копаня осшавиши се. Обаче чувсшво нѣко внушренѣ, можда Божіимъ попущеніемъ, побуди у мени желю, далѣ копаши, и землю рукама вадиши. На едашпушъ покаже ми се бакарни сосудъ, кои самъ мало пре дрвешомъ косиуо, извадимъ га, но шша у нѣму надьемъ? пунъ бяше сребра и злапа, — шша е ово? Боже! — рекнемъ у себи, ошкудъ ово овде? и како да управъ я надьемъ? — Кадъ бы знао, да е ово кои сиромашакъ за сохранипи оп' непріишеля шу сакрыо, абіе бы на ново закопао. Хошя да самъ у нужди, и попребно бы ми было, ничимъ манѣ сумняо бы и наиманю часпицу узепи, незнаюпьи хошьел' ми по пробишачно быши. —

У овомъ недоумѣнію пустимъ се на траву, и мало заспимъ заспимъ. У сну представи ми се еданъ сѣдинами украшенъ човекъ, когъ бела брада перси покрывша, величествено у крашаваше. Онъ приближивши ми се, ухвати ме за руку, и овоко почне говорити: юноше! сокровище кое си нашао, Богъ ти е дао; запо ни найманѣ несумняй, оно себи присвоити. Узми, понеси собомъ, и уживаюпьи, добра дѣла непрестай творити; чие е то было? вопросимъ га учтиво, то е мука многи люди, отъ кои су Разбоиницы покрали, поотимали, и сохранения ради овде закопали. Богъ обаче ево теби предае, да на добра дѣла иждивашъ. То говорепьи изчезне, а я се пробудимъ, и подьемъ исполнити Божіе повелѣніе. Путуюпьи издалека спазимъ едно село, и упутимъ се тамо. На путу срепнемъ едногъ човека, ономъ старцу, когъ самъ у сну видіо, сасвимъ подобна, и абіе се ужаснемъ мислепьи да пье ме онъ напасти, што самъ оно сокровище узепи усидіо се. Я га изъ далека поздравимъ, и упитамъ како се называ то село? *Глубина* одговори старацъ. А находили се овде близу кои Градъ, упитамъ га далѣ. Градъ богме доста далеко отстои, одговорими опетъ онъ. Како се зове тай Градъ нашо я рекнемъ? зовесе *Мостаръ* продолжи онъ. Имашли кога у нѣму? вопросивши га любопытно. Имамъ да како, ошвѣща старацъ, сына, кћеръ, и пріятелѣ. Пакъ зашто пы съ ньима неживишъ? Небы я мою пустыню с' пепъ Градова промѣніо. А како

твоя

швоя кшьи у нѣму живи? моя кшьи вели ніе давно у нѣму. Пре две године, едногъ вечера мой садашній зешъ изгубисе пупующьи, видешьи пакъ вашру, додье къ моіой кушьи, и замоли ме да га наконакъ примимъ. Я га драгомъ душомъ дочекамъ, моя кшьи *Агница* сгошови намъ вечеру, и шако се прияшелски почасшимо. Онъ шомъ приликомъ у ню се залюби. Целу ношь еднако съ ньомъ говорешьи, наслаждаваше се, сушра данъ почне ме молишти; да му я ню за супругу дамъ. Всуе онъ мени предсшавляше колико богашсшва припяжава, — коликомъ срешьомъ онъ ню жели усрешьиши, — и проча овымъ подобна. Ніе се она за градъ родила рекнемъ я нѣму, ништи е она на шо воспышана. Моя шье кшьи за когъ пасшыра пошьи, кои шье мое сшароспи подпора быши, шражи шы сыне себи прилику с' коіомъ у Граду посшиданъ быши нешьешъ. Онъ обаче шри дна нехше мою кушьу осшавиши, но еднако ме моляше, да шому соизволимъ. Я за отпресши га се рекнемъ: ако *Агница* хошье я небранымъ, мыслешьи: дашье се она Градьанчешта сшыдиши. Она обаче лукава зверка, при ирвомъ погледу у нѣга залюблѣна, едва е дочекала да шо изрекнемъ. Хошьу я драгій Ошацъ за нѣга пошьи, дерзновенно рекне ми. Видишъ Ошацъ какое лепъ! — Я бы све мое овце и козе за нѣга дала, и скоро га волимъ, нежели шебе. То она не безобразно, но невинносши, и проспосердечія

пол-

полна, говораше. А како бы ты мене оставила? рекнемъ іой сожалителнымъ гласомъ. Нешьу я тебе оставити, но и ты морашъ съ нами у Градъ ити! Ели юноше? Али я немогу у Граду живити, научень пустинически проводити животъ. Мышьемо тебе научити вели она нато. Немогу, немогу я то чинити, остави ты Градьанче, нашьитье теби Баба едно пастырче, кеитье гди Баба хотье, а не гди е твоя воля, живити. — Нешьу я пастырче Отацъ, мени лепши отъ овога непребa. Я га любимъ како годь себе! — Како ти ніе жао слушаюпьи толику нѣгову молбу, я мислимъ да бы ме вепъ и от тепе Евре *) испросіо. — Но кажи ми кпьери, ніе ли ти жао? да я самъ останемъ овде, неимаюпьи одмене, и помопьи. А како теби Бабо ніе жао да безь овогь лепогъ юноше останемъ. Право ти кажемъ, да бы волела да ми све овце вуцы расцераю, нежели нѣга да изгубимъ. Нешьу я безь нѣга остати! — идемъ я снимъ у Градъ, — а шы кадъ непьешъ, мы пьемо тебе сваке године выше крапи поодити, и сва нуждна доносити.

Видепьи я то, да ономъ што е естество уредило, противостати немогу, благословимъ ньи, и дамъ ю. Имамъ ти красне, добре, пріятелѣ, оніи ме ненрестанно зову да снима живимъ, обаче я немогу гробъ мое Смиляне *такомусе звапе супруга*, оставивши. Свакогъ

*) Евра была е весма скупа сосѣдница ньина.

когъ лепа идемъ и посѣщати, носимъ имъ по кое яре и ягнѣ, сира, и лепа скорупа. Намѣраваш'ли и шы юноше у Градъ ити? кадъ ме вопрошавашъ онѣговомъ расположенію. Намѣравамъ, одговоримъ му, и шако се разстанемо.

Садъ усугубљнимъ стопама мое путешествіе продолжимъ, и срећно у самій Градъ, доспемъ. За избегши свакогъ подозрѣнія, и зазорства, приявимъ се власти, и надлежателству. Шта самъ друго знао съ почетка чинити, развѣ са жительи упознати се; обычае ньиове извидити, и по ньима се владати. После три месеца почнемъ трговину водити, коя ми е шако напредовала, дасамъ се самъ дивіо. Нисамъ я обаче заборавіо оно, што ми е у сну наложено у дѣйствіе привести. Свакомъ сиромаху опредѣліо самъ по обстоятелству и окресности, у коіой се свакій отъ ньи надьаше, рукопомоть. Сирочадъ безъ отца и матере нуждными снабдѣвати, а сувыше оне, кои су у могућству были, и несрећнымъ случаемъ свое имѣніе изгубили, величайшимъ увеселеніемъ, и душевномъ охотнымъ помоћи дати трудіо самъ се. Милосердіе моегъ серца, и соболѣзнованіе о нещастію ближнѣга причинило е: да су многіи моіой славы завидити почели, комъ от'дана на данъ скорби, и огорчения умножавахъ. Знаюћи себе паче злата чиста, нисамъ се имао чега бояти. Обаче шта нећье злоба людска причинити? ! — устремили се само на кога, тай зайста отмащенія нѣногъ избегши нећье. — Кадъ се злобни люди

ди нису усумняли Христа спасителя, осудили, и убили! — како небы враждебна ополченія на слабогъ човека, творили! — управъ онда, кадъ се множайшихъ зависпна злоба и ярость, противъ мене устремила, подигне се нѣко число бунтовника противъ кралѣвски заведенія, кои велики немиръ, и страхъ буне, причинише. Обаче на скоро сви побѣждени, и разгнани буду, междоусобногъ несогласія ради.

Еданъ путъ у нѣкомъ содружеству говорећьимъ намъ ономъ, я ово невино изрекнемъ: да су само они согласни были и доброгъ управителя имали; многа бы опасности полна слѣдствія, причинили. Мои непріятельи улуче сопымъ удобну прилику, пакости ми чинити, почну мое речи худо толковати. Облажу ме да самъ у поразумѣнію съ Бунтовницы, и опишу кралю као юду предателя. —

Еданъ от' мои пріятеля додье ноћьу, списарь ми открые, молећьи ме: незакоснено ако свой животъ любимъ, іощь оне ноћьи, бѣгству да се предамъ. Видећьи я да другогъ спасенія за мене нема, наложимъ му што е болѣ и драгоцѣнніе сакупити и прекрыти, знаюћьи: дашье оно после мене као пусто разнешено быти. И излюбимъ се съ нимъ, облиемъ га сузама, и неизреченномъ жалостію збогомъ остай говорећьи: отидемъ.

Преодолѣвшимъ озлобленіяма и гоненіяма огорчимъ се тако; да самъ се завѣщао, до конца живота у удаленію от' люди пребывати, кое дѣйствително и учинимъ. Прешед-

ши

ше *Херцеговину* пушуюшьй надьемъ случайно ову пещеру, у коіои косши мое осшавиши намѣравамъ, и овде као шшо видишъ пребывамъ. Ово су моя сшраданія, и приключенія.

Драголюбъ слушаюшьи повѣсшь сшрадаиія, коя су примѣчанія досшоина, наводне му се очи, и после дугогъ молчанія, сожалишелнымъ гласомъ проговори заисша Браше! да си многа прешрпіо, и сада іошь шрпишъ съ великодушіемъ, Богъ милосшивый да ше само до конца живоша укрѣпи. — Твоя сшраданія су почши прошла, кои се садъ само опоминѣшъ; а моя ахъ! — садъ шекъ починю, — овымъ речма поюкъ суза лице му ороси, а воздиханія из' глубине срца происходяща, едно за другимъ слѣдоваху.

Пусшиникъ ушѣшаваюшьи га пресѣче молчаніе. Я самъ вели при првомъ погледу на швомъ лицу нѣку жалосшь у шеби примѣшіо, извѣсшно знаюшьи: да ше ніе щасшіе, но несрешьа, и непогодни какови случай, овамо довео; запю ше молимъ, опкрыми шаину швою, као брашу, коіой шьу я може быши ако не дѣйсшвіемъ, поне добримъ совѣшомъ, оплакшаши мошьи. Човекъ нигда неможе знаши гди кога шребаши може, много краши управь онде помоштьи надье, гди се ненада. Удосшои ме повшориишелно ше молимъ учасникомъ швое скорби, быши.

Драгол. Увѣренъ самъ да ми шы помоштьи даши неможешъ, слѣдовашелно ніе ми ни пошребно ране мое ономъ опкрываши, кои

и залечити неможе. Тога ради започне о другомъ предмету говорити, само за немораш свою таину преповѣдити. Какве су ти то броянице, зарь си ты калудьеръ?

Пустин. Кадъ ньи гледамъ чини ми се да могъ Отца видимъ, колико годъ краши и у руке узмемъ, цѣлуемъ и, воображаваюшьи себи десницу Родителя могъ, коя ихъ е изъ Іерусалима донела.

Драгол. Ел' ти сабля и стрела от отца?

Пустин. Еданъ от' мои искренни содругова, при последнѣмъ разстанку, поклониo ми.

Драгол. Кадъ си пакъ овамо дошао, еси ли ову трапезу овде застао?

Пустин. Ни самъ, но неимаюшьи трапезе, хотѣо самъ едну от' дрвета начинити, случаино пакъ преко овогъ брега предьемъ гди у оной, долины, (*показываюшьи му рукомъ*) у видимъ едно порушено зданіе, у комъ овай каменъ за мою потребу способанъ, надьемъ, и съ великимъ трудомъ овамо довалямъ.

Драгол. Какво е то древно зданіе?

Пустин. Богъ самъ може знати, шта е то было, обаче надписи явно показую, да су Римляни или другій Народъ сазидали. Све е порушено, само подъ куломъ іощь два стопа цѣла стою; обаче художество рукодѣлія вредно е видити, ербо су обадва стопа от' бѣлогъ мрамора изсѣчена. Едномъ потнемъ се горе на зидине, за наслаждаваши се овымъ краснѣйшимъ Романтическимъ предѣломъ, кадъ се на верхъ узвысимъ удивимъ се, видешьи два ба-

бакарна сосуда цѣла, кое узмемъ, и овамо донесемъ, кои ми велику ползу приносе пошому: шшо у ньима ело кувамъ.

Драгол. Кадъ е зданіе порушено, како су могли шіи сосуди цѣли осшаши?

Пустин. Кула е као шшо се види цела, у нѣномъ зиду начинѣнъ е прозоръ (*што мы зовемо слепый пенджеръ*) у комъ шіи сосуди наодьаху се, слѣдовашелно сводомъ покрывени, могли су ош' кише, и вреда сохранѣни быши.

Драгол. Покажи ми молимъ ше, шо здаше? и были шы шако добаръ быо, да ме донде опведешъ? Такове древносши, особено заслужую посѣщене быши.

Пустин. Драгомъ душомъ, како я шо небы учиніо, обаче ніе нуждно да садъ идемо, но мало поздніе докъ се залади, а медьу шымъ да намъ небы време дуго чинило се, преповѣди ми о швомь Опечесшву, роду, и сшрадашію. — *Драголюбъ* ухвапи га за руку, и цѣлуе му лице, на шолико моленіе, сасвимъ бы нечувсшвенъ быо, кадъ ши жельи удовлешворіо небы. Тако прослушайме с' вниманіемъ, и уразумѣвши мою судбу, кажи ми обаче искренно, есамъ ли безпушно посшуніо?

Я самъ изъ *Новогъ Пазара* сынъ едногъ Вожда именемъ *Миловука*. Маперь іощь као младенецъ у колевки изгубимъ. Опацъ мои выше дѣце нишши е имао, нишши е вшори пушъ у бракъ сшупао. Предсшавиши себи можешъ, да ме е као единца, добро воспишаши дао. Мой воспишашель именемъ *Ерміхіи*, у правомъ смыслу

 му-

мудрецъ, старао се вопервыхъ приуготовити ме послушанію, покорности, и охоти къ добромъ, вливаютьи ми у сердце страхъ Божій, као начало премудрости.

Кадъ самъ елински совершено научіо, све е силе употребіо, духомъ, коимъ онъ дисаше, напоити ме. Ученіе нѣгово нигда небы ученику тяготно учинило се, еръ онъ такови начинъ к' приуготовленію юношески сердца употребляваше, коимъ е свакій ученикъ увеселяваютьи се, приуспѣвао. Нигда намъ небы легціе задавао, ни ко изученію овихъ принуждавао, но разговараютьи се с' нами, преповедаютьи намъ кратке историце, и чрезь примѣре преподавао намъ е ученіе. — Оваковымъ начиномъ, не само дасмо Науку нѣгову запамтили, но повседневно усладителнія и дражія бывала намъ е.

Кадъ бы съ нимъ проодати се ишли, вопрошавао бы насъ о ономъ, очемъ смо онай данъ, или пре говорили, представляо бы намъ живо у чувства падаютьа Божія предивна созданія, поводомъ коихъ доказивао бы бытіе Божіе, и учіо бы насъ Фѵсічески твари познавати, испитивати, и едну от' друге разликовати. А главнѣйше нѣгово намѣреніе было е то, да насъ научи *Логыческы право мислити, мислетьи разсуждавати, а разсуждаваютьи о ствари судити, и заключавати.* Овымъ поступкомъ умъ нашъ внезапу као ружица ютреньомъ росомъ поливена, при рожденію сунца процветана, развіяти се почео. Тада

смо-

смо мы̀ отворенимъ умнымъ очима почели правовѣріе отъ суевѣрія разликоваши, — возможна и невозможна у естеспву познаваши, здравомъ разуму сходна, уму пропивнымъ вещма предполагаши. — И шада смо шопрвь увидили разлику медьу просшымъ, и просвѣщенымъ човекомъ. — О! Кадъ бы сви люди право мислиши, и право разсуждаваши знали! заисша небы шолико нещасшія посреди ньи бывало. Моя бы срепьа была, да е вѣчне памяши достоянъ воспишашель мой, поне іощь кою годину поживіо, — обаче нечаяни судбине ударъ посѣпивши га, опергне га изъ обяшія наши. —

Но я себе у обширну повѣсть пущамъ, а крашкосшь времена налаже ми, предузешо пушешесшвіе, неоплагаши. — Воспишанъ, учшивосши, благообразія и благонравія наполнѣнъ, сшупимъ у девешнаисшолѣшни возрасшъ; у комъ ме чрезвычайно приключеніе нападе. Донде я нисамъ знао шша е шуга, печаль, и несперпѣніе огорченогъ живоша, нисамъ обаче нигда болю, ни благороднію сладосшь кромѣ любови, ощушіо. Самъ Богъ шако е уредіо, и по есшесшвенномъ уреженію быва, и бышши шье; да сваки приспѣвши у возрасшъ юноша, къ опредѣленію свомъ клони се: ш. е. любови. Обаче у правомъ смыслу благородну любовь, нешреба онако шолковаши, као шшо кодъ вешье часши люди быва, кои ню безобразлукомъ, и похоши насищеніемъ называю. Насищеніе похоши незовесе любовъ, но любодѣйсшво, а кои ванъ брачне любови испупленія швори, шай прелюбо-

бодѣйствуе. — Права пакъ любовь естъ чиста и невина, и называсе благородно сердца чувство. Оно се незове любиши, кадъ кои невиности полну дѣвицу ласканѣмъ превари, и вѣнца ю дѣвственногъ лиши, но кои ю у помислу люби, съ ньомъ по закону Божію до смерти живити жели. —

Свакій данъ по начину учителя могъ, обычествовао самъ ванъ Града излазити, и проодати се. Честократнымъ моимъ пролазенѣмъ залюбимъ се у едну прекрасну дѣвицу, поредъ кое дома пролазити морао самъ. Мое бы мисли отъ оногъ времена свагда кодъ нѣ быле, а лице нѣно предъ моимъ е очима лебдило. Кадъ бы ю гдигодъ видіо, сердце бы ми се отъ радости заиграло, и движеніе духа силніе ощутіо. — Дозволи ми милый браше! да ти ю отъ части опишемъ, а ты преслушавши ме суди, ели достоина, да за ньомъ толико страдамъ. У возрасшуе средовна, стаса витка, лица бѣла, подобна Алавастеру. Очи су іой две звезде небесне, а руке аки млекомъ наливене. Изъ лица іой ружична боя цвета, а изъ погледа живость и проницателство духа, происходи. Она е кћи едногъ Свештеника, кой е изъ Цариграда нами за пароха послань быо, и по тридесетолѣтномъ служенію, преставіо се. Можешъ мислити; да е разуманъ и добродѣтеланъ човекъ быо, слѣдователно и плодъ отъ добра дрвета добаръ быти мора. Свою кћеръ Любицу шако е воспитао, да е она медьу прочимъ женскимъ

ли-

лицама, у свакомъ призрѣнію превосходна бы-ла. Кадъ бы с' кимъ говорила, аки бы изъ книге чипала, шаковымъ су іой поредкомъ речи изъ усши исходиле. Она! ахъ, — она е мое сердце лепотомъ и добротомъ вѣчно за-владала, за ньомъ я спрадамъ, — и она зам-номъ.

Спрасть любови мучила ме е шри месеца, волненіе коимъ самъ се я боріо, была е ужас-на сцена за мене. По цѣлу нопъ нисамъ имао санка, а вешь кадъ бы ми мршви санъ пла-чевне очи зашворіо, никаква друга сновидѣнія, кромѣ нѣ небы имао. Ош' оногъ времена по-чео самъ избѣгаваши весела содружесшва, и за-баве, и выше бы у молчанію и размишленіяма, нежели у разговору време проводіо. Кадъ е вешь сила любве у прсима моима превозишла, вознамѣримъ шайну срца могъ Драгой ошкры-ши, и шако срцу оплакшаши. Умислимъ сред-сшво съ ньомъ познансшво учинипи. Пунъ лю-бовни чувсшва, седнемъ, и ову песмицу сочи-нимъ:

Ахъ! Венеро ужасна Богиньо,
Надъ смертныма жесшока Княгиньо
„ Ты ме успрели,
„ Серце ми разцвели,
Пламеномъ любве чрезь Амора силно.

Онъ

———

Оне стреле шшо су ме раниле,
Ево су ме сада принудиле;
„ Да све оно,
„ Шшо е шаино,
Моiой Драгой, буде ошкрывено.

———

Ню самъ едну на овоме свешу
Возлюбiо у найлепшемъ цвѣшу,
„ За ньомъ венемъ
„ За ньомъ гинемъ,
Ер' е любовь силно воспламшила.

———

Добродѣшель нѣна и лепоша,
Завладала самномъ и доброша,
„ И сва свойсшва
„ Нѣногъ дѣвсшва
Сердце мое на вѣкъ су плѣнила.

———

У шуги ме Нимфе ушѣшиле,
Добре гласе с' Небес' ми донеле,
„ Да самъ еданъ
„ Добыш' вреданъ
Врачный вѣнецъ Любезнице мое.

———

Ходи

Ходи дакле Любо душо моя!
Да загрлимъ обяшія швоя;
Ер' су с' сада,
Сердца млада,
Союзомъ любве присоединила.

Кадъ самъ ю сочиніо, абіе на чисто пре-пишемъ, и понесемъ собомъ. Кадъ самъ се нѣномъ дому приближіо, усмошримъ мою Любезну, учшиво ю поздравимъ и вопросимъ: бы ли ми дозволѣно было удомъ ушьи, и поодиши ю? заповедайше Господичишьу, рекне она, нашъ домъ свакомъ чесшномъ Лицу ошворенъ сшои. Кадъ самъ у кушьу сшупіо, ноге подамномъ дркшаши, руке сшрепиши, и сердце силнѣйше куцаши почело. Она красошомъ увѣнчана, очи свое на землю спусши, и сшыдомъ свое невинносши, лице аки благообразія завѣсомъ, покрые. Я презѣлномь любвомъ, зараженъ немого ни речи проговориши, но умислимъ на прси іой пасши; обаче скоро се повращимъ, и себе ош' намѣренія заусшавимъ, боешьи се: да ю како незаплашимъ. Она ме учшиво предусрѣшне, подаваюшьи ми мѣсшо да седнемъ, и запымъ одма изидье, шада се я шопрвь у новомъ чуду надьемъ, мислешьи да е она ош' мене на свагда побѣгла; но обновишелно се обрадуемъ, видешьи ю съ маперомъ идушьу, кою е она изъ верша, сазвала.

Спа-

Старица с' великомъ радостію примивши, полюби ме, и веселимъ лицемъ погледавши ме рекне: велико е ово за мене щастіе, коимъ сше Вы мене Господичишьу обрадовали! Незамерише моіой продерзости честна маши, одговоримъ іой тихо, — я самъ много крапи вашу кшьерь овудъ пролазешьи, пѣваши слушао, и будушьи да самъ пѣсама велики любишель, узео самъ свободу васъ посѣшиши, а васъ (*къ Любицы*) едномъ песмицомъ обдариши. Узмише драга сестрице овай невинъ даракъ, кои вамъ сердечно подаемъ. Ова е песма ючерь на свешъ изишла. Она стыдливо осмеяваюшьи се прими, и мене взаимно цвешкомъ еднымъ послужи. Тай поклонъ мени толико драгоцѣнъ бяше; да га за Богъ зна каково добро, промѣніо небы! —

Съ начала самъ по еданпуш' а поздніе и шри крапи на данъ покрай нѣногъ дома пролазіо. Врашивши се ош' шешнѣ, нашао бы причину коіомъ бы свагда кодъ нѣ свращіо. — Или бы воде искао, или друго шшо нашао, коимъ поводомъ бы съ ньомъ сасшапи, и разговараши се могао. Многокрашнымъ моимъ посѣщеніемъ, она се мало освободи, и у познанство ступи. — Еданъ пушъ у време Богослуженія, знаюшьи да е нѣна Маши у Цркви, ошидемъ к' ньой, и любовь іой мою прамъ нѣ ошкрыемъ. — Она као Ангелъ невинна рекне ми: я незнамъ шша е шо любовь, — но видешьи шша я чинимъ, и како ю изумрлими чувсшвами любимъ, почне соболѣзноваше о ме-

ни

ни имаши, изъ коегъ тье се поздніе у ньой чувство любови на мою превелику радость, возроди ши. Кадъ бы се годь сасшали, едно другомъ бы пришрчали, и грлешьи се любили. На последку кадъ насъ е любовь са свимъ преобладала, ошкрыемъ я нашу шайну шарицы, коіой се швердо завѣщамъ; да ни кою кромѣ нѣне кшьери за супругу узеши не. шьу, придодаваюшьи іой и шо: дасмо се мы обое на овай свешъ зашо родили: да едно другого любовію усрешьимо. — Обаче несрешьа, коя свагда на бѣдногъ човека напада, ніе ме мимоиши, хошѣла. Топрвь онда, кадъ самъ се на верху земногъ щасшія узвышенъ быши вменявао, напала ме беснуюшьа Фуріа, вовѣки несрешнѣгъ да ме учини.

Кадъ е прошло едно, и друго шопрвь наше любови настало лѣшо, призовеме мой Ошацъ на само и овако ми почне говориши. Сыне мой *Драголюбе!* благодаримъ благомъ промислу Неба, кои ми е до овогъ часа живиши, дозволио, дапе у полномъ возрасшу видимъ. Я самъ ше нѣжно изъ малене швое младосши одраніо, воспишао, и свака зла сачувао, а Богъ милосшивый благословіо ше прекрасными дарованіями, и довео ше до совершеногъ возраспа. Шша намъ садъ друго присшои чиниши: развѣ да оно шшо Богъ и нѣговь законъ заповеда у дѣйсшвіе приведемо, т. е. да у бракъ сшупишъ. — Тога ради сыне кажи ми, еси ли шы вешь на шо склоиѣнъ? Я овай мени сисвимъ поволни гласъ чуюшьи, пунъ радо-

спи

сши целуемъ му десницу, и рекнемъ: Почишаемый Ошацъ! Высше до сада неутрудимо попеченіе о мени имали, а садъ средство пражише, мене срешнымъ учинити. То што ми садъ рекосше, давно самъ я себи представіо, Вамъ явити; обаче стыдъ сыновнѣгъ почитанія дозволити ми ніе хотѣо. Мени до сада нишко о томъ ніе напоминяо, нити самъ я о томъ мисліо; обаче внезапу возродилосе у мени нѣко чувство, кое ми е, да у бракъ ступимъ, совѣтовало, подаваюћи ми едну душу, коя е способна мене срешнымъ, а Васъ ушћшенымъ учинити. Добро сыне одговори ми онъ, садъ си шы на оной точки, коя ше може усрешьити, а и несрешнымъ учинити. У овакови случаеви потребна е велика предразсудность. Свакій у возрастъ ступивши Младићь може несрешнымъ постати, непознаваюћи шта е свешъ, неимаюћи поняшія, зрѣлогъ разсужденія, а нарочно кои искуствомъ познао ніе, каква бѣдна слѣдствія ови случаеви, радьаю. Свакій юноша кои е шопрвь настао живити, своіомъ недозрѣлосшію себе лагко на свашта склонити дае. Све што е зло, и нѣговомъ живошу найопасніе, као найболѣ држи. Што годъ сяе, нѣму се злашо чини, и све што лепи, мисли да е за ело. Зашо е потребно да свакій Родишель ушаковымъ стварма велико предразсмошреніе има; да му сынъ у пропасшь наивешьегъ зла непадне, и да га по времену непроклинѣ: што га млада ніе упушіо, и наспавіо.

Ви-

Видишъ Сыне! шы си хвала Богу лепо-шомъ шако одаренъ, да се свака у шебе за-гледаши мора, шы обаче предосторожанъ бу-ди; да ше коя суренскимъ ослепленіемъ, неу-лови. — Но у ону да се залюбишъ, кою ши я будемъ препоручіо. Ніе потребно драгій О-шацъ, пресѣкши му речь, рекнемъ: да ми вы шо кажеше, мое е сердце вешь себи препору-чило едногъ Ангела. У женишбы се младоже-ня, а не Родишель вопрошава: Ели му *воля пояти себи ову или ону дѣвицу за супругу.* — Мой сыне! шо е обрадъ и Церимонія Церков-на. Кадъ бы люди децама на вольи осшавля-ли, наопако бы было. Добро кажеше, рек-немъ я нашо, да децама на вольи осшавляши нешреба; обаче юношй, кои вешь добро ош' зла разликовашн, и лепо ружнымъ предпочи-шовашн уме, мора се на вольи осшавиши. Има обаче и овде изяшія, ер' многій младишь са свимъ безпушно посшупа, обаче зашо нешреба ош ньи нѣколико на све заключавашн. — Нез-нашъ шы мой сыне, (*махаюшьи рукомъ*) шша говоришъ, еда човекъ ош' шридесешъ и чешрдесешъ година ніе деше? видишъ како си малоуманъ, свакій е деше, докъ су му Ро-дишельи у живошу. То шьешъ шы поздніе када сшаріи будешъ, разумѣши. Но приуго-шови се сушра шьемо кодъ *Станислава* нѣго-ву кшьерь да просимо, ишн. Шша? викнемь я уплашенъ, я *Евдокію* просиши? — Боже ме сохрани! — воліо бы пре умреши, него шо у-чинишн, — зашшо сыне? кажи ми причину,

упла-

уплашенъ ме упыта. Како можете вопротавати оно? што сами знате да прилика ніе. Она е найманѣ десетъ година от' мене старія, а ружна е и за слепца, камоли за мене! — Акое старія, она е паметнія от' тебе, тое управъ моя воля, ербо тье те она, ако у чему погрѣшишъ, поправити. А што е ружна тое найманя забава, на прелестну лепоту нетреба гледати, лепота е за време, али доброта остае. Знамъ, знамъ Отацъ, но треба знати да свака превосходно лепа, по времену приличномъ постае, тако кажите ми, кадъ е ова садъ тако ружна, каквашье быти кадъ по времену ружніомъ постане? Што се пакъ доброте нѣне тиче, свима е познато, колико е крати Отца избила! — И ту сынко немашъ право. Она е само люте нарави; зато нетреба заключавати: да она добра ніе. Нѣну наравъ познати треба, кадъ е у ярости, онда іой е нуждно попустити, пакъ тье миръ быти.

Незнамъ ели іощь кои Отацъ тако женіо сына, као вы мене. Я вамъ кажемъ да то быти нетье; ер' волимъ умрети, нежели себе у ову несретьу бацити. — Не унесретьу, но у превелику сретьу. Ты добро знашъ дае *Станиславъ* врло богатъ, тако ако ню за супругу узмешъ, онъ тье ти толика блага дати, коя кадъ съ моимъ имѣніемъ присоединишъ, помисли коликотье ту сокровище лежати! — Да никакве друге радости немашъ, само у свое благо гледаютьи, морашъ себе

срет-

срешнымъ назваши. Ей! свяше речи Наспав-
ника могъ, гди сше садъ? вопіемь я да васъ
іощь еданпушъ внимашелно преслушамъ, ка-
ко на сребролюбіе вичеше, и прошивоборсшвуе-
ше. — Камо срешьа, (*продолжи онъ далѣ*) да
ше нисамъ ономъ безбожнику у руке дао; не-
бы садъ шолико много говорипи знао. — Благо-
дарносшь вамъ велика Ошацъ драгій! шшо
сше ме учипи дали, нѣму пакъ сугуба, кои
ме е право мислиши, и пушно разсуждаваши
научіо.

После дугогъ инаша, видешьи онъ да ме
кшому приволеши неможе, умолча, и ходаю-
шьи шамо и сѣмо по соби, мааше главомъ.
А да кою бы шы хшео? намрішено ме во-
проси. Я пакъ шихимъ гласомъ за умегчаши
му яросшь, издалека овако почнемъ говори-
ши: Высокопочишаемый Родишелю! я ми-
слимъ да свакій Ошацъ свое чадо люби, и све
оно шшо нѣговомъ щасшію служиши може,
приобрѣсши сшарасе. Када Ошацъ своегъ сына
благополучна а сувише радосшна и задоволна
види, сердце у нѣму ош радосши игра, осла-
бѣли членови подкрѣпляваю му се, и сѣде вла-
си помладьую. Тада му е нѣгова душа ушѣ-
шена, и сама шяготна сшаросшь оплагшана.
А вопреки, може ли шшо ужасніе? и скорб-
ніе быши? нежели кадъ Родишель свое чадо
у несрешьи, незадоволно, печалію покрыве-
но, и несперпѣливо види. Промислише и
разсудише вашимъ зрѣлимъ разсужденіемъ,
како таковому Опцу мора быши? — Кажи

ше

ше ми? неплачели онъ? видешьи сына смушьена? — иеуздише ли горко, гледаюшьи како му се сынъ губи? и нестрашилисе дашье га пре времена, у найлепшой младосши, своимъ рукама земльомъ, покрыши?! — видише дакле Отче почишаемый! каква ужасна слѣдствія изъ едногъ оваковогъ неразсудногъ посшупка, слѣдоваши могу, — а сувише кои е чрезмѣрно као я чувсшвишеланъ, іощь прве године, морао бы шеченіе свога живоша, окончаши. Ако спе ради да су Вамъ дни Ваше сшаросши упѣшени! — ако желише сына благополучіемъ увѣнчана видиши! — и ако желише да Вы на нѣговомъ, а не онъ на Вашымъ обяшіяма духъ испусши, немойше принуждения чиниши! — Ниши ми оно, шшо ми сердце нешье, силомъ на врашъ мешьише. — Онъ ми нашо ошговори: оспави се шы шоликогъ извишія, и поученія, све я шо самъ знамъ, и непресшанно сшарамъ се шебе усрешьиши; ербо я сыне у шеби живимъ. Тебе ради іощь кои часъ дишемъ. — Тако кажи ми коя е ша кою си себи избрао? да чуемъ. — Вы добро знаше да свакій на свешу младишь, лепо ружномъ, а добро зломъ предпочишуе, шако шо е прва причина. коіомъ се любовь у младишьу радьа. У лепошу свакій погледаши мора, а сувише ако е іощь какомъ превосходносшію ош' добродѣшельи увѣнчана. — Ніе само Вамъ, но свимъ сожишелѣмъ нашымъ превосходна лепоша и оплична сердца доброша, благообразіе, и учшивосшь кшьери

ри покоиногъ нашегъ Священика *Θеодота*, познаша. Нѣгово добродѣшелно жишіе вами е весма добро познашо, а воспышаніе, коимъ е онъ свою кшьерь, наполніо, за примѣръ и огледало служишти може. Она е зашо само на овай свешъ родьена, да мене любовію усрешьи. Она е моя ушѣха, ню я за супругу имашти желимъ, и ню я управъ добишти морамъ. Све е вешь гошово драгій Ошацъ! само вашъ благословъ очекивамо. Ей! ей! мой Сыне! — видишъ даси іощь пунъ недозрѣлосши. Промисли само, ели шо садъ пушно шшо говоришъ? — и могули я шо дозволишти? — Она е девоика сироша, а богашомъ недосшои се шакову за супругу имашти, изъ причине, шшо она како бы у нашъ домъ сшупила, абіе бы повелишелницомъ поспала, и с' первыма вмѣнявала се, у свачему ньима соошвѣшсшвующьи, а шому е потребно новаца, за мошьи шо све учиништи. Тако промошри, како бы я несмысленъ човекъ быо, да едну убогу у свой домъ доведемъ, и на ню мое ош' толико година шечене новце да шрошимъ! — Не шако, но шы шьешъ ону узешти, коя шье шолико принешти, да шье не само она, но сви ми доволно у изобилію имашти. Я пакъ наводнѣнимъ очима пресечемъ му разговоръ и рекнемъ: коя е полза, кадъ я са свимъ шымъ задоволянъ быши нешьу. Онъ се нашо осмене, и гладешьи ме по образу рекне, немой шы шако мислиши, и разсуждавашти. Истина да шьешъ съ начала мало незадоволянъ бы-

ши ничимъ манѣ кадъ се у шеби возроди любовь къ собираню имѣнія, сугубо шьешъ задоволянъ быши, видеиьи шолика блага. Больи примѣрь непребашь ош' мене и швое почившше Машере; мысмо се преко волѣ узели, и досша злочесшиво живили, но кадъ смо доспели у спаріе године, смирилисмо се, и прекрасно живили. Ей! шешко мени, — вопіемъ я, вы шымъ начиномь хошьеше да и я по примѣру вашемъ, мой живошъ проводимъ, — мое младосши дне у незадоволсшву, и разореномъ Браку уживамъ, — а кадъ ошаримъ сребролюбію да се предамъ, слѣдовашелно до саме смерши да робуемъ, — садъ да се окуемъ окови найшежими, а после скупосши продань проче време живоша проведемъ, — шога быши нешье, — болѣ да ме нейма, нежели шо да учинимъ. Ако вы мени шу радосшь овогъ свеша украшише, извѣсшно знайше, да шьеше ме се вѣчна лишиши. — Пак се шѣшише вашимъ благомъ, кое васъ е заробило. —

Видеиьи онъ да шу нейма за нѣга ушѣшенія, умисли друго средсшво дѣло лагше ко концу привесши мошьи. Осменесе, и шрзаюшьи ме за власи рекше: шы мислишъ да е шо истина шшо я говоримъ. Я ше принуждавашши нешьу. Нешьу я, но шы шьешъ с' ньомъ живиши; зашо ши кажемъ шшо милуешъ узми, само мени немой ако зло будешъ живіо, пребацывашши, да самъ ши я шому кривъ. —

Чуюшьи я шо, пригрлимъ га, и цѣлуюшьи му десницу рекнемъ: ово е Оиацъ сладкій

кій и благій! онъ мене хопье найсрепніегъ на свепу да учини! — Хопьу, хопьу сыне, шое моя желя и попеченіе. — Садъ ши пакъ имамъ наложипи, ако желиш' да се скоріе прспенъ сврши, а шы иди, и заповѣди слугама да ши се конь осѣдла, и запымъ абіе у *Коковицу* къ швомъ сприцу оппиди, и писмо кое ши будемъ дао, предай, у комъ я нѣму налогъ даемъ да *Адидьаре* и све скупоцѣносши швое почивше Машере, кое онъ при себи има, теби преда.

Я абіе на пушъ се оправимъ. Полазешьи изъ Града свращимъ у домъ мое любезне; да іой глась радоспанъ обявимъ, — но я ню кодъ кушье ненадьемъ. Іощь болѣ помислимъ у себи, кадъ се врашимъ, я шьу іой изнена-да са дарови на просбу дошьи, и шако подьемъ. Оніи су ми часови наимиліи, и найрадоспніи у живошу были, све певаюшьи до *Коковище* пушовахъ, не имаюшьи ни глади ни жедьи.

Текъ шшо мои сродни седну вечерапи, я сидьемъ с' коня, и добро вече имъ назовемъ. Хошя да самъ гладанъ быо, ничимъ манѣ радосшь коя ми е духомъ преобладала, недозволяваше ми есши. Колико бы се найманѣ заложіо, засишіо бы се. По вечери предамъ сприцу писмо, и замолимь га да ми спвари іощь оно вече преда, да супра данъ зарана на пушъ се оправимъ. Онъ чишаюшьи писмо неколико крапи погледаше ме, кое ме заспиди; ер' самъ помисліо да ме зашо погледа, да

 бы

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

бы видіо спои ли ми лепо, и приличеспвуе ли ми? да самъ вешь младоженя, незнаюшьи бѣданъ шпа е у писму написано. Кадъ писмо прочипа, позадуго молчаше, запымъ окренесе и рекне: сыне! ше су спивари едномъ добромъ пріяшелю позаимлѣне, зашо морашъ поне осамъ дана чекашн, докъ се донесу. Шпа? рекнемъ я уплашенъ, шко шье у несшерпѣнію осамъ дана преживипи? — ако Бога знапе, гледайше да шшо скоріе буде, ербо шолико чекашн немогу. А шшо ши се хишн? продолжи спарацъ, оженишьешъ се жену шъешъ найлагше добишн, но свое садашнѣ спанѣ повращишн нешьешъ. Те речи нисамъ као шшо надлежи ни преслушашн хшео, мислешьи у себи: говори шы шшо ши е воля, само ми оно, на кое чекамъ, шшо скоріе дай, пакъ да идемъ у обяшія оне, коя ме свакій часъ и минушъ да додьемъ радосшно очекуе. Всуе самъ моліо спарца да шерминъ прекрашн, обаче онъ никоимъ начиномъ свою речь напрагъ узешн нехошяше: Како ми е чрезь онііи дана было, доволно списашн немогу. — Свакій часъ чиніо ми се година, а данъ чишави вѣкъ, и као да самъ по жеравицы ходіо, шако самъ несшерпѣливъ быо, и вешь самъ себи предсшавіо, да края шому нигда быши нешье. — Кадъ едва и желаеми часъ додье, спарацъ ме на само позове, и рекне: да с' Богомъ кушьи полазимъ, и оша поздравимъ; да онъ при себи никакови спвари нема, но комъ е дао, оп' оногъ и да ишше. Ово изре-

чение

ченіе тако силно смущеніе и ярость у мени подигне; да самъ готовъ быо, Богъ зна шта учинити не зато што Драгоцѣности нема, или што бы за ньима жаліо, но што ме е толико време задржао. Окренемъ се, и безь с' богомъ остай, сѣднемъ на коня, и отидемъ. Гнѣванъ наравно, бѣдногъ коня надпетицама бости, и бичемъ бити престао нисамъ. Да ме е тко гледао, дивіо бы се, како самъ муньи подобно преко поля ѣздіо, коньицъ подамномъ са свимъ изнемогао ніе.

Како самъ у мое рожденія мѣсто дошао, свратимъ к' моіой Любицы; но шта я ту надьемъ? плачь и риданіе! — Мати мое Любезне на срѣтеніе ми изидье, и сузама орошаваютьи ме, ништа неговораше. Ова ме сцена смути; незнаютьи шта тье то значити; сердце ми се страха наполнило; ер' бѣхъ у себи помисліо, да се небуде моя Любица преставила. — тога ради вопросимъ гди е моя Любица? Нема е ахъ! бяше іой одговоръ. Ово ме іощь ветьма у стра погрузи, мислетьи дае она цѣло умрла. Шта забога? еда е мртва? упитамъ уплашено. Она ме загрли, и да унутра удьемъ замоли. — Сидьемъ с' коня, и у собу поитимъ, гледаютьи на све стране, еда ли бы ю гди годь видіо, обаче всуе. Старица плакаютьи тужити ми се почне: сладкій мой Господичитьу! Васъ е Родитель зато на путъ оправіо; да свое предпріятіе лагше ко концу приведе. Како сте вы отишли, онъ іощь с' неколико Граждана додье, и мене да Любицу

за

за *Стасол* дамъ, принуждаваши почне. Я тому нипошто соизволити нисамъ хотѣла; обаче *Станиславъ* прешньомъ ми е грозіо, и донде ме оспавили нису, докъ ме насилствено на то непринудише. Я самъ пошайно посланике к' вами у Дворь шиляла, обаче васъ шу ніе было. Кадъ се вешь време грозногъ позорища приближило, повшоритело самъ по васъ шиляла, но нико ми казаши немогаше, кудъ сте опишли. — Бѣдна Любица до полношьи непрестанно плакаше, и шпа се съ ньомъ чини, предъ Богомъ тужаше. Кадъ самъ я заспала, она седне, ово писмо написа, и на трапезы оспави. Мало запымъ полюби ми руку и сбогомъ Маши говорешьи, наполѣ изидье. Я у себи бѣхъ помислила да то она изъ очаянія говори; ербо се часъ ужасногъ дѣйствія приближиваше. Но како е опишла, выше се ніе врашила. Кадъ е спарица ове изговорила речи, я се заплачемъ, и писмо отворимъ у комъ слѣдующе бяше написано.

Дражайшій и незаборавлѣны Драгій!

„ Я самъ се завѣщала, да шьу ши вѣчно,
„ вѣрна оспаши, кое ево у дѣйствіе приво-
„ димъ, швой сурови Отацъ, хотѣо ме е као
„ пшыцу кобцу насилно предаши, комъ се
„ предаши нисамъ дала. — Кадъ ше ніе шу
„ было да ме овогъ насилія избавишъ, шы
„ ме поне у свешу, коя самъ шебе ради по-
„ бѣгла, шражи. Ако Божія воля буде мы

„ шьемо

„ тьемо се опетъ састати, ако ли є пакъ
„ сва надежда за насъ изчезла, по тьу я себе
„ судбини предати, затобомъ тужити, и до
„ гроба вѣрна ти остати. Десница Божія да
„ да те руководи, а духъ разума на путъ
„ настави, збогомъ драги! збогомъ радосте
„ моя овога света! я тебе у помислу любимъ,
„ и во вѣки вѣрна остаемъ. А ты ако клетву
„ твою не погазишъ, знамъ да тьешъ ми
„ слѣдовати.

твоя до смерти вѣрна Любица.

Ніе ми потребно описивати, како ми є было, кадъ самъ то приключеніе саслушао, кое ме є не само опечалило; но и на гнѣвъ подигло. Абіе затымъ седнемъ на коня, и дома отидемъ. Отацъ видетьи ме изъ далека, осмеяваше се, и овако ми поругателно рекне: истина да си честну дѣвицу себи за супругу избрао, — иди садъ, тражи ю, — я пакъ за проиграти с' ньимъ роллу, подобно као што є онъ самномъ, употребимъ средство преваре, и овако почнемъ говорити, ваша є речъ исполнила се. Садъ пакъ кадъ є тако догодило се, я тьу вашемъ совѣту слѣдовати, и *Евдокію* за супругу узети; обаче ако мы у вражди будемо нашъ проводили животъ, укоренія и прибацыванія чрезъ цѣлый вашъ животъ терпѣливо от мене примайте. — Добро сыне, свештьу я то радостно примати, само ты оно што я желимъ учини, пак тьешъ видити да право имамъ.

Іощь

Іощь оногъ вечера отидемо к' *Станиславу* ктьерь нѣгову да просимо. Заматорѣвша моя несудьеница пуна радосны чувства, кудъ годъ идьаше, осмеявашесе, и аки тріумфомъ превозвышена радоваше се томъ догодьаю, — я гледаютьи на ню свами се утроба у внутренности, и цѣли составъ тѣла превратьати почео; но заустегао самъ сердце мое, само да бы дѣло предузето, лагше къ цѣлы привео.

Тогъ вечера призову и священика, кои насъ е по уставу обручао. После совершеногъ црковногъ обряда, сѣднемо вечерати. Све пуно веселя, а нарочно Отацъ мой, и нѣговъ новодобити пріятель песме редьати, и чашице испіяти донде престали нису, докъ и сила вінска сасвимъ обузела ніе. Моя Несудьеница загрливши оба старца еднако пѣваше, и кадъ кадъ свой подкрадни взорь исподъ очію на мене бацаше. Я обаче невесео, съ обореномъ главомъ, при трапези седетьи ни скимъ говорити нисамъ хотѣо. Истина усилявао самъ се неколико крати веселимъ быти; обаче кадъ е срце жалостно, всуе се труди лице благозрачанъ и весели видъ показивати. — Сви віномъ упіени, напослѣдку престану певати, и затымь мою Любезну единогласно хулити, започну. Свака хулна на ню произнешена речь, ударацъ неописани момъ срцу задаваше. Я самъ се обаче заустегао, да само мѣру терпѣнія непредьемъ. Немогутьи веть выше подносити устанемъ от' трапезе,

пезе, и да ми е зло изговоримъ се, само да ме наполѣ пусше. Овымъ поступкомъ проузрокуемъ дасу сви поуспаяли, и разишли се.

Кадъ смо кушьи дошли, Отацъ мой легне почиваши, и абіе као мртавъ заспи. Я пакъ скупимъ задоволно новаца, нопишемъ едну цедулю, и у соби у коіой самъ напьивао на прозору осшавимъ. Нриуготовлѣнъ пушу, обыдьемъ све по дому, и онетъ се врашимъ у мою собу. Ту паднемъ на колѣна предъ ра. спяшіемъ и онако како самъ чувспвовао, Богу се помоліо. — Заключаваюшьи мою молишву рекнемъ: упуши ме Боже! Кудъ да идемъ пошли ми Ангела спушника, кои да ме к' моіой Любезной опведе, — укрѣпи духъ мой, да шерпѣливо и поспояно мое спрасши, поднесемъ! — То изрекши успанемъ, и сузнымъ очима у собу у коіой Отацъ мой почиваше, опидемъ. Приближившиму се, паднемъ на нѣжносши полне нѣгове Родишелске прси, и любешьи му десницу ово изрекнемъ: збогомъ сладкій Родишелю мой! збогомъ оспай можно на вѣки. Я као сынъ дужанъ самъ шеби у спаросши подпоромъ быши, и заямъ коимъ си ме задужіо, врашьаши ши; обаче опросши швомъ бѣдномъ и несрешномъ сыну, кои любовь ову, предпочишуе любови Родишелской. Оно пакъ слово у свешомъ писму знамъ дашье ме извинипи, ербо вели: *Оставитъ человѣкъ Отца и Матерь, и прилѣпится женѣ своей.* — Да ме ниси несрешнымъ учиніо, и овако самномъ посшупіо, небы ме ишко

дру-

другій, развѣ сама смерть отъ тебе разспавила. —

Ако ми Судбина дозволи мою любезну нашьи, я шьу у швоя Родишелска врашишти се обяшія, и све оно шшо ши се као сынъ одолжавамъ, отдавашти; а садъ морамъ овако поступишти, за кое ми шы опросши. И опешъ га изцѣлуемъ, и шако многе проливши сузе, едва га се расшанемъ.

Топрвь шшо е полношь прешла, сѣднемъ на коня, и отечесшву момъ збогомъ осшай говорешьи, отидемъ. У зору доспемъ у *Ковищу*, мой сшрицъ, видешьи ме шако рано идушьа, удивисе. Я га замолимъ: да ми у крашко содержаніе оногъ писма, кое самъ му пре осамъ дана донео, искаже. Онъ ми шо учини, пзъ коегъ познамъ шша е Отацъ мой умисліо чиниши: пошому шшое быо писао, да ме сшрицъ осамъ дана при себи задржи, докъ онъ нѣко важно дѣло у момъ отсушсшвію, оконча, а пошомъ да ме пусши съ изговоромъ, да онъ шіи сшвари при себи нема. — Запымъ абіе му руку полюбимъ, и сбогомъ осшайше свима говорешьи коня ободемъ, и као муня преко поля, отлешимъ. Тогъ дна замеркнемъ у едной непроходной шуми. Пунъ сшраха да ме неухваше, заборавимъ ело и пишье. Кадъ е пакъ шама ношьна сву землю покрыла, бѣдни мой коньицъ когъ самъ преперао, подамномъ падне.

Я абіе за помошьи му, пусшимъ му жилу; обаче всуе, онъ е вешъ быо липсао. —

Не-

Нехотешьи задржавати се, заплачемъ се надъ нимъ, и подьемъ далѣ. Наодешьи се у шой окресносши, ни на умъ узимао нисамъ, у каквой се опасносши находимъ, но еднако сугубими коракляи пушъ продолжавахъ. На еданпушъ чуемъ нѣко рыканѣ звѣрско, но ни десешъ корачи неучинимъ, ешо ши ми велика медведа, на мене люшо зияюшьа, когъ избешьи, надао се нисамъ. Испергнемъ мачъ, и позадуго борешьи се съ нимъ, и вешь у моривши се, едва га надвладамъ. Ушомъ шраху продужимъ шушъ; обаче съ приуготовлѣнымъ мачемъ у руцы. Шесши данъ ш. е. юшросъ башъ кадъ се данъ и ношъ делиши почела, весма ушрудьенъ, паднемъ на зелену шраву, поредъ едногъ пошочишьа, и шу мало ошпочинемъ. Видешьи красну быспрошомъ и ладностію оживошворишелну воду, умиемъ се, и подьем далѣ, само за изишьи на какви нибудь пушъ. Пушуюшьу ми непресшанно, благопріяшни мирисъ ливаде ове примами ме къ себи, да шу ошпочинемъ. Но шоплоша принуди ме лада шражиши, и шако внезапу ову швою усмошримъ пещеру у кою ево као шшо ме видишъ додьо. Ово е мое до сада приключеніе а шша ме у будуще очекива, и какву шьу судбу искусиши, незнамъ, но шо ми е извѣсшно: да самъ еданъ несрешанъ на овомъ свешу младишь.

Пусшинику слушаюшьу повѣсшь сшрадания *Драголюбова* наводне се очи, чега ради и немогаше одма, ошвѣша му даши, но кадъ е серд-

сердце свое мало повратіо, обратисе к' *Драголюбу* и држетьи га за руку ово говораше: Любовь е многе на свету до сада несретне учинила, а нѣке иживопа лишила! Едніи овомъ страспію ослеплѣни презиру све на свету, оставляю Родишелѣ, пренебрегаваю имѣніе, мразесе съ найбольи пріятельи, а много краши, ако имъ любовна желанія по вольи непоспѣше; и на само преблаго Божіе существо роптаю!— Любовъ управъ оспицама уподобишисе може, кое кадъ на човека нападну, ужасна дѣйствія производе. Нѣкіи срешнѣ продьу, другіи спрашно изменяваюсе, а едни пропадаю, и умиру — зашо е найпамешніе іощь у самомъ почешку ове спрасши, колико е могушье избѣгаваши, докъ пламенъ любве прси са свимъ ніе преузео, — а кадъ вешь шай у човеку возгори, редакъ е онай, кои бы себи границу, и мѣру мужествено, предположіо!—

Испина любовь е благородный даръ, роду человѣческомъ отъ Бога поклонѣнъ, обаче жалосшно е шо, шшо люди по вешьой часши ню као шшо надлежи, неупошребляваю.— Има люди кои насищеніе свое похоши любвомъ называю, шіи обаче погрѣшаваю; ер' блудодѣйсшвоваши незове се любиши— но искренно у внушренносши любовь чувсшвоваши, и невинними помишленіями забавляши се, есшь по закону Божію любиши. — А ласкаши едной слабомошьной и на свашша склонной женской, ню на зло наводиши, и чесши ю лишаваши, шо се называ скопско и безчеловѣчно любодѣйсшво. —

Тако-

Таковіи има не само младитьа, но шшо выше оженѣни люди, кои прекрасне и добронравне супруге имаюшьи, съ другима прелюбодѣйствую. Опкудъ после свадье, бишке, да и сама убіисшва явно и шайно! — бываю. —

Незнамъ драгій браше, незнамъ каковымъ бы ше начиномъ ушѣшіо,— шшета е да у красшѣйшемъ живоша швогъ времену, овако непогодне проводишъ часе. — Садъ, кадъ си шопрвь живиши почео, шребало бы у найвешьой радосши, и задоволсшву да живишъ, да по времену осшарѣвши съ ушѣшеніемъ душе опоменешъ се сладкогъ, у младосши проведеногъ времена. Овако обаче найгоре е за шебе. — Богъ зна колико сшрадаши имашь, — у шымъ можда шье ши и младосшь прошешьи, а кадъ вешь по себи шяготна сшаросшь насшане, хошя да бы се и у найболѣмъ щасшію находіо, задоволянъ биши неможешъ, пошому: шшо бы ши све на свешу несносно было. — Мой бы совѣшъ быо овай, да се свомъ Родишелю враишишъ, кои знамъ да за шобомъ жали, и плаче. Овай посшупакъ знамъ дашье га обраиши, боешьи се да га опешъ неосшавишъ.

Драгол. Я шо чиниши немогу, ниши ми выше всуе о шомъ говори. Коя полза да мой Опацъ ошъ принужденія и прешане, кадъ оне, кою любимъ овде нема. Какво бы задоволсшво за мене было, кадъ небы *Евдокію*, но кою другу преко волѣ узео? — Обаче ниши шы веруй, да бы мой Опацъ ош' принужденія прешао, — я нѣга врло добро познаемъ, о-

шомъ

шомъ ше увѣриши могу. — Онъ кадъ бы свое предпріяшіе у дѣйсшвіе привео, причиніо бы медьу нами враждебни живошъ, неслогу, повседневну кавгу, и непресшанни немиръ у дому. Помисли може ли шшо горе ош' овогъ бышши? — нежели кадъ се двое преко волѣ узму! — едно друго мрзи, ненавиди, и преко погледа, шу Божія благослова нема, — шу кушьа пропада, и краиня несрешьа царсшвуе! —

Пустин. Право имашъ ушомъ, Родишельи у овой сшруцы найвыше погрѣшаваю. Едніи се лакоме на новце, или друге кое корысши ради принуждаваю сынове, и свое кшьери на неповолни бракъ. Сшарцы мисле дашье и ньіови Сынови свою срешьу у богашсшву имаши; обаче сердце младо свое задоволсшво шражи у сердечной Любови, а не у сребролюбію! — Нѣкіи пакъ совѣшую своимъ Сыновомъ ону за супругу узеши, коя се ньима допада; шо пакъ по вешьой часши кодъ просши люди быва, оніи снаю здраву и яку, за сваки посао способну, шражу, немарешьи шшо е она пешъ и десешъ година ош' ньиовогъ сына сшарія. Тако нешреба се дивиши, кадъ овакови мужеви границу брачну прелазе, и съ другима женама прелюбодѣйсшвую. Тіи Родишельи управь разоришельи брака, и непріяшельи свои чада, назваписе могу. Кажи ми, не бы ли болѣ, и разумніе было, да е швой Ошацъ, кадъ ше е вешь жениши науміо, шеби на вольи оспавіо. — Да е шо учиніо, нѣгова бы се душа радовала, гледаюшьи шебе найвешьимъ зем-

нымъ

нымъ благомъ увѣнчана. — Ты бы као разуманъ сынъ, ошцу за указана блага, свакояко спарао се задоволсшвоваши, и свако почишаніе одаваши. Твоя пакъ супруга, видешьи се у наручію своіъ любимца, домашьа дѣла пѣваюшьи, извершивала бы. А шо све, шпа бы друго швомъ Ошцу причинило? развѣ: радосшь, ушѣху, и веселѣ. — Сребролюбіемъ пакъ своимъ учиніо е шо: да си га спара осшавіо, да за шобомъ шужи и плаче, и целогъ живоша за свою безпушносшь каесе. — Нашшо му садъ нѣгово богашсшво? Кадъ га нема кому осшавиши! — и чега е ради насилія упошреблявао? кадъ ше кшому ніе приволеши могао! —

Я самъ у великомъ недоумѣнію, какавъ совѣшъ, као искренъ брашъ, пріяшель, и сочеловѣкъ, да ши воздамъ. — Ты си садъ у онаковой окресносши, о коіой право размрсиши немогу съ едне сшране любовь и должносшь Сыновня налаже ши заямъ возвращиши Родишелю; обаче съ друге сшране любве заклешва опоминѣ ше, вѣрну швою незаборавиши: — зашо ши я ни едно, ни друго совѣшоваши немогу. — Ты пакъ, хошя да си младолѣшанъ, обаче пунъ си зрѣли разсужденія; шога ради посшави обе любови на мѣрило, и кое выше препегне, оно исполни; обаче незаборави она примѣчанія на памешъ привесши, коя ши Богъ, есшесшво, и законъ налаже.“ —

Драгол. Я кадъ бы се неушѣшно кушьи враніо, Ошцу небы к’ ушѣшенію служіо, шако

ко болѣ му е у подкрылію свомъ даме и нема. — Овако знамъ да любовь отеческу предъ Богомъ у вредити нешьу ако предпріятію момъ слѣдовао будемъ. — Идемъ я мою Любицу тражити; а кадъ ню надьемъ пунымъ срцемъ отцу врашиписе хотьу, а иначе нешьу — немогу! “

Садъ те молимъ, кажи ми гди се я садъ находимъ? има ли овде кои Градъ, или село близу? упуштиме и дай ми поняшія кудъ, и како да идемъ.

Пустин. Я ти никаква упућствованія дати немогу потому: што самъ овде свудъ іошь сасвимъ непознатъ. Но толико ти казати могу: да е овде близу граница *Сербіе*, коя води у *Босну*. Я самъ изъ *Сребрнице* у *Сербію* прешао, идући горомъ и дубравомъ надьемъ ову пещеру, у коіой ево обытавамъ. Ош’ оногъ времена нити самъ кога видіо, нити е самномъ душа человѣческа до тебе проговорила.

Драгол. Я тьу се на промислъ Божій ослонити, десница нѣгова нека ме руководи *во всѣхъ путехъ моихъ*. — Зашымъ успане, и преугоповлявашисе почне да подье; но Пустиникъ никоимъ начиномъ допустити ніе хотѣо, желећи іошь шогъ дна неколико минути съ нимъ проразговарашисе. Предъ вече изидьу, и сѣдну предъ пещеру. Златне звезде свудъ по Небу посуше, своимъ движеніемъ, величествене Луны, коя своіомъ сребрносшію шаму ноћьну разгоняваше, аки

слу-

служипи, видьаху се. Славуи отъ свію спрана умилными гласови целу вселенну, аки развеселипи, хопешьи, пояху — Пустиникъ преповедаше разны народа праве и обычае, кое е онъ у живопу познао, и плакаше опоминяюпьисе негдашніи свои времена. — Драголюбъ еднако пьупаше. На конецъ видешьи да му полузапворене очи, и у морно шѣло покоя ишпе, замоли Пустиника да му почиваши дозволи. Онъ му абіе постелю простре, и обое помолившисе Богу, на ложе свое легоше. Зора іощь ніе заплавила, Пустинникъ устане, и за свогъ Госпа ело за пупъ приуготповляваши почне, обаче съ великимъ попеченіемъ да га непробуди.

Сунце е вепь возвисилосе, а Драголюбъ еднако почиваше, и іощь може быши да бы проспавао, да га ужасанъ санъ пробудіо ніе. Пустиникъ видепьи га будна, излюби га нѣжно, и подаваюпьи му нуждна за пупешесшвіе заплаче се и рекне: жао ми е драгій мой сочеловѣче шпо полазишъ. — Богъ зна хопьу ли выше за живопа іощь кою смерпну душу видипи! — „Гди годь будешъ милый *Драголюбе* быо! опоменисе да си и у непроодной пустини едногъ доброжелапеля имао “ — *Богъ да ти благослови пуше твое сретьа и благополучно щастіе кудъ годь будешъ ходіо, твоимъ стопама да слѣдуе.* „Све „ шпо будешъ чинипи намѣріо, пвори съ „ разсужденіемъ. Ты си хвала Богу доволно „ разуманъ.“ За пымъ се излюбе, *Драго-*

любъ Пустинику сбогомъ оспай, а *Пустинико* нѣму срепьанъ пупъ желепьи, разопанусе —

Ютреня роса, коя е сво земно быліе оживопворила, причиняваше да е свакій польски цвепакъ свой мирисъ испущао, и шако предѣлъ благоуханія наполнѣнъ, земномъ Раю уподобляшесе. Трудолюбне пчелице съ цвепка на цвепъ падающье, сокъ изъ ньи собираху, Пшичице различни ми гласови отъ свію спрана шако пояху, аки бы се договориле, пушующьа, и невинно спрадающьа *Драголюба* да развеселе. Онъ обаче свему овомъ аки безчувспвенъ, невнимаше. Ни една га радоспь овога свепа развеселипи немогаше. Дубокимъ мислима заняпъ, неупрудимо крозь лѣси, и преко холмова идьаше, ниже коихъ кришпалны попочишьи, и извори, умилно шушпаху.

Предъ полдне кадъ е сунце шеченіемъ своимъ превозвышено было, и жаркоспь поплопе преумножиласе, пшичице една по една от' пѣнія преспаяши и гусши ладъ шражипи почеше. Кадъ све швари покоя ишпу, дай да и я момъ упрудьеномъ шѣлу мало одпочинупи дозволимъ, рекне у себи *Драголюбъ*, и абіе себи способно мѣсто шражипи почне. Идушьу, и обзираюшьу се, на обе спране, у види на лево предъ собомъ узвышену спазицу, коя га обрадуе, мислешьи: дашье на какови пупъ изишьи. Кадъ шамо приспе, позна да е човеческомъ ногомъ упрвена, коя управъ онде свой почешакъ или конацъ, узимаше.

маше. Дай да идемъ помисли у себи, кудъ ме годь изведе, я шьу задоволянъ быши. Спаза ша водьаше га непрестанно на узвышене нѣке холмове, и планину каменипу, густомъ шумомъ оп' свію спрана окружену, коя у себи величайшій ладъ содержаваше; еръ ю нигда зрака сунчана пробити немогаше. Спупаюпьему ногомъ предъ ногу, наеданпутъ чуе неко хуянѣ, и помисли у себи: да е грмлявина. У колико пакъ далѣ спупаше, звукъ све выше и выше чуяшесе. Шпа шьу садъ? помисли у себи, гди шьу се заклонипи, акоме каково непогодно време надье. И опепъ се мало поупѣши, мислепьи: дашье спазомъ, коіомъ идьаше, у кою колибу или селце доспѣши, и зашо свое спопе усугуби. Хуянѣ обаче све вепье, и вепье, спрашніе и ужасніе. — Небо пакъ ведро, вѣпра ниошкуда — шако неможе буря быши рекне у себи. За шымъ му падне друга упѣшишелна мисль, коя га охрабри. Знамъ шпа е рекне онъ далѣ: шу мора каква воденица быши, коя шо хуянѣ причинява. На конецъ приближишу му се шамо, звукъ шакое спрашанъ быо: да е мисліо, дасе на краю свепа находи, или да оп' *Етне* *) или *Везува* **) недалеко опспои. — Но шпа онъ шу надье: съ велике и превисоке каменипе спѣне, у неизмериму дублину сливаюпьисе *Водопадъ* ***) кои доле

на

---

*) Ватру блюваюшьи брегъ у Сициліи.
**) А оваи е у Неаполу.
***) Wasserfall.

на многе поточиште раздѣленъ разливашесе. Съ десне стране бяше еданъ повисокій брегъ, на комъ зданіе древно, маовиномъ обрашпьено, видьашесе. Любопипспва пунъ у пушисе шамо, желепьи искусипи, шпа се шу наоди. Кадъ шамо додье, увиди на верху прекрасный просторъ равнине, разными плодоносными древеси насадьенъ. Зданіе съ едне стране развалѣно, а съ друге іощь цело бяше, у кое удье, за извидипи шу древносшь. Обаче у нѣму нишпа шаково небяше, кое бы му буди каквогъ поняшія дапи могло, шко е шу обышавао. Боже мой, рекне у себи, овде су люди обышавали, а садъ пусшо спои. Оніи кои су шо воздвигли, нису мислили, дапье по испеченію времена, шпыце у нѣговымъ пукошинама, свое владѣйспво имаши. *Заиста све, што е на свету, суетомъ се назвати може, и свакій е безуманъ, кои се за земна пече.* — Замишлѣнъ обзирашесе на све стране, и промошрившіи све, изидье наполѣ, и подъ еднымъ еловимъ дрвешомъ, кое мало на страни бяше, у ладу оппочинупи, вознамѣри. Но и шу нѣшшо ново надье: крспъ оп' камена на комъ слѣдующье речи изрезане бяху:

Овде лежи Драгій, кога самъ любила,
Успиима любила, рукама грлила.
А сада га црна земля люби,
Црна земля люби, а шравица грли.

Шпа! повикне гласно, зарь е любовь іощь кога у несрешьу као мене бацыла. *Ахъ*

Лю-

Любови, *Любови!* шта шьешъ іощь смертнымъ причинити? То изрекши, пустисе поредъ крста на зелену траву, и размишляваше ко ту погребенъ лежи, и коя е та коя га оплакива? Сунце е веть полдне прешло, топлота све птыце молчанію принудила, само една кукавица на сувомъ дрвету седетьа, кукаше. Ты си моя птыца рекне *Драголюбъ*, кукай непрестанно, я тьу ти помотьи. Славуево ноянѣ ніе ми толико мило, колико твое, ядна изгублѣна птичице! — При овимъ речма потеку му изъ очію низъ бело лице сузе, кое надъ гробомъ свотъ сострадалника проливаше. Затымъ седне, и наслонившисе на крстъ, жалостнымъ гласомъ ово пѣвати почне:

Ахъ жалостна моя младость
На овоме свету;
Ер' ме мори горка жалость,
У найлепшемъ цвету.

Очи сузе проливаю,
Бѣдно сердце тужи,
А кадъ птыце іощь пѣваю,
Жалость ми се множи.

Сво естество украшено,
Невесели мене,
Печалію угнѣтено;
Сердце мое вене.

Свакомъ свѣтло сія сунце,
Мени едномъ мрачно;
Ер' невидимъ Драге лице,
И око іой зрачно.

Всуе цветье свуда расти,
Кадъ га и негледимъ,
Нити тьу я вѣнецъ плести;
Докъ Драгу невидимъ.

Свака птыца има 'друга,
Зато гласно пева,
А я никогъ кромѣ Бога,
Кой ме утѣшава.

Сва ми радость изчезава,
Я морамъ тушити,
Надежда ме утѣшава:
Датье мос' видити!

Шуме горе и ливаде,
Трудно прелазетьи,
Очи всуе свуда гледе,
Видит' те желетьи.

Ахъ

Ахъ Любице! я те вичемъ,
Ал' ме шы нечуешъ,
Неушѣшно да садъ плачемъ,
Можда неверуешъ! —

Сво есшесшво кадъ почива,
Самъ я немамъ санка,
Сердце мое шеб' призыва
Любезнице сладка.

Гди си годъ садъ мила Драга,
Терпѣлива буди,
И призывай благогъ Бога;
Да ше руководи.

Злоба насъ е разспавила,
Дасе невидимо;
Но учинип' ніе могла
Дасе нелюбимо.

Завѣшъ любве вѣрно храни,
Пакъ шьешъ моя быши,
И на оно слово помни:
Да шье мос' видиши! —

Пре-

Преставши от' песме, чуе шушшанѣ, на кое се обазре, и види едногъ придесеполѣтногъ човека, право къ нѣму идушьа. Обрадуе се мислешьи, да се шу кое село или Градъ близу находи, у кон бы га овай упушствовапи могао. Добаръ данъ Юноше, *рекне му Страннu.*

Драгол. Богъ ши добро дао, драгій Браше.

Стран. Я бы желіо знапи коси? и от' куда си? нека ше не мрзи казапи ми.

Драголюбъ нехше истину исповѣдипи, боешьи се да како ухвашьенъ небуде. Я самъ, рече, изъ *Теплице* лишенъ Родишеля намѣріо самъ у *Босну* прешьи, шамо начинъ живоша пражипи.

Стран. А како ти е Име?

Драгол. Име ми е *Драголюбъ* а кое е швое Брашацъ, ако смемъ пишапи, и от' куда си?

Стран. Я самъ изъ *Босне.* А име ми е *Борославъ.*

Драгол. Пакъ шпа у овой Пусшины, усамлѣнъ пражишъ?

Борос. Намѣренъ самъ у мое Отечесшво врашишисе, кое одавде два дна отстои.

Драгол. То ми е мило, дасе шако догодило, самъ ше е Богъ овамо послао, да ме шамо отведешъ.

Борос. Добро, я и шако сопушника одавно имапи желимъ, шако мы шьемо заедно.

Драгол. Я самъ вешь очаяваши почео незнаюшьи на кою сшрану пушъ да предузмемъ.

Борос.

Боросл. Какосъ съ пуша у ову непроодну пусшыню дошао?

Драгол. Я самъ іощь првогъ дна, могъ пушешесшвія, пушъ изгубіо, данасъ обаче надьо недалеко одавде едну сшазу, коя ме къ некомъ Водопаду доведе. Видешьи пакъ ово порушено зданіе, пожеліо самъ овамо свраши-ши, и све ово шшо се овде наоди, извидиши. Но коя ми е полза, кадъ никога немамъ, кои бы ми поняшія опомъ даши могао.

Боросл. Я колико знамъ, казашьу ши. Ово зданіе Богъ самъ знаши може, кое сазыдао. Ту е обаче до скоро еданъ Пусшиникъ живіо, кои се недавна прешавіо.

Драгол. Бы ли могао знаши, кое овде погребенъ?

Боросл. Еданъ младишь залюбивши се у едну женску именемъ Цвешу, хошѣо ю е за супругу узеши. Нѣни Родишельи нѣга мрзешьи, шо допусшиши нису хошѣли. Залюблѣни видешьи да другогъ спасенія за ньи, ни начина коимъ бы имъ поможено быши могло, ніе умисле бѣгсшвомъ спасши се, кое и учине. Бѣгаюшьи додьу овде, и замоле Пусшиника да ихъ вѣнча, кое онъ радосшно учини. Незнаюшьи кудъ да се обраши, намѣре овде при нѣму осшаши, кои и едва дочека, и усердно прими. Оніи су нѣга као Оица почишовали, а онъ ньи као своя чада искренно любіо. Пре две године прешависе сшарацъ, а млади осшану проводешьи Любовь свою. Едногъ вечера седешьимъ имъ предъ зданіемъ, нападне и содру-

дружество пустаиско, и нагоняваши почне *Тихомиля*, (шако се зваше Любовникъ Цвешинъ), да имъ свою супругу собомъ повесши дозволи. Онъ шому соизволиши ніе хошѣо; и запо га овіи убію. Она бѣдна видешьи бывше е, ушрчи у зданіе, и некимъ подземнымъ входникомъ се спасе. Они су ю нѣко време чекали, но ніе се видиши дала. Кадъ су се непріятельи нѣни удалили, узме шѣло своѓъ супруга и овде погребе, ову плочу изреже, и вѣчноѓъ воспоминанія ради, положи.

Драѓол. Пакъ ѓди е садъ она?

Боросл. Она е овде едно време, своѓъ супруга оплакиваюшьи, пребывала; обаче онііи исши Разбоиницы ю ухваше, и у Босну ошведу. Шша се далѣ съ ньомъ случило незнамъ.

Драѓолюбу пошеку сузе, кое *Борослава* вниманелна учини, да ѓа е вопрошаваши почео: шшо плачешъ? Еда си и шы шому подобно шшо искусіо? кадъ сузе соболѣзнованія проливашъ.

Драѓол. Опоминяюшьи се мои Родишеля, плакаши морамъ.

Боросл. Колико времена има како су умрли?

Драѓол. Ошацъ ми се скоро, а маши іошь кадъ самъ у колевки быо, преспавила.

Боросл. Немой скорбиши, кадъ себи помошьи неможешъ— Благо ньима, кадъ су се смирили.

Запымъ усшану, и пушъ предузму. У разговору пушуюшьи прешьи данъ додьу у

Босну

Босну мѣсто *Сребрнитъ*. *Борославъ* имаюшьи шу свое сродне, поведе собомъ и *Драголюба* за одморишисе, и оппочинуши кодъ ньи. Овде онъ примѣши, да у Драголюба новаца има; зашо га вопроси: кудъ мисли далѣ пушоваши.

Драгол. Я мислимъ да предьемъ *Босну*, *Херцеговину*, *Албанію и Црну-Гору*.

Боросл. Зашшо небы у момъ опечесшву осшао, у Граду *Зборнику?*

Драгол. Я еданъ знамъ зашшо, и выше ништко на Свешу.

Боросл. Веруй ми, да бы шы шу врло добро живіо.

Драгол. Да знамъ сва блага шу придобыши, іошь ме небы могао когодь кшому склонишши.

Борославови сродницы нису хшели допуспшши да далѣ подьу. При вечери Домашьинъ сказываше шша се у *Зворнику* пре неколико дана догодило ш. е. дае едно убійсшво было.

Боросл. Какво убійсшво? кога су убили?

Домашьинъ. Кадъ самъ изъ Града излазіо, уносили су едну дѣвицу мршву, кою су ванъ Града убіену нашли. Кажу да е сшрана, незна се обаче ош' куда е, но кажу да іой е име *Любица*.

Драгол. Шша? Любица? !— пакъ шша е после было, молимъ ше говори.

Домаш. Еданъ богашъ шрговацъ, видешьи ю опличніегъ рода, смилуесе, и съ чесшію ю, при Цркви *С. Трошце*, погребсши даде.

Драгол. Еси ли ю шы видіо?

До-

Домать. То се зна, аки да ю садъ гледимъ — у возрастуе средня, дуги коса, лица бѣла благородна, успи мисліо бы да се смее. Има и прстенъ на руцы.

Драголюба ово у смущеніе погрузи, и стрелу нѣговомъ сердцу зададе, знаюшьи: да она, коя е убіена инна ніе: развѣ нѣгова Любица. А сувише прстенъ увѣраваше га да Домашьинъ истину говори. Оне ношьи сна ніе имао, но непрестанно оплакиваше свою Любезну, коя е нѣга ради погинула.

Сутра данъ рано подьу, и у само вече едва у Градъ доспѣше. Драголюбъ какое у Градъ дошао упыта едногъ Градьанина: шта се пре неколико дана случило, придодаваюшьи: да се то нѣга каса. Овай му одговори, да су нашли едну женску ванъ Града мршву, коя е због Любовника бѣгству се предала, и нѣга ради погинула; обаче от' кога е убіена незна се. Овога конечно увѣри, зашо науми шу осташи, и свою любезну у Гробу оплакиваши. Онъ свое мѣніе *Бориславу* открые, кои се врло обрадуе; ербо зѣло оскуданъ, извѣстно се надаши могао, дашье га *Драголюбъ* помошьи. *Драголюбъ* му свое новце вручи, и тако купечество почну.

Ніе се обаче *Драголюбъ* ни найманѣ са охотомъ занимао; еръ му е срце жалостно и прискорбно было. Даню замишлѣнъ, неушѣшно шужаше, а ношьу кадъ сви смертни спокоино почиваху, гробъ свое Любезне посѣщаваше, и младосш нѣну оплакиваше. Сваке

ношьи

нопьи, кадъ е годь на гробъ 'дошао, прекло-
ніо бы колѣна, и помоливши се Богу, пао бы
на ону Црну землю, любешьи, и сузама оро-
шаваюпьи ю. Ахъ! — сладкій свѣпе! радо-
спе и ушѣхо моя! — како безчувспвенна ле-
жишъ, и швогъ Любезногъ надъ шобомъ пла-
кающьа невидишъ. Усшани! сладка моя Лю-
бице — ошвори свѣпозарне очи швое, и погле-
даи мене, найнесрепніегъ на Свепу. — Про-
говори ми само едно словце, швои медни у-
спа, пакъ шьешъ ме упѣшиши! — Ахъ! шы
си се на мене видимъ разсердила, нешьешъ да-
ми ошговоришъ, — очи си зашворила, нешьешъ
да ме погледашъ, — руке си прекрспила, не-
шьешъ швогъ вѣрногъ, кои ше наче себе лю-
би, да пригрлишъ — ахъ! — ахъ! — несре-
шьанъ самъ я овогъ Свепа младишь! — Ево
шпа самъ у цвепу мое младосши дочекао. —
Ону — съ коіомъ самъ до мое смерши сладко
живиши мисліо, садъ да оплакивамъ. О! Бо-
же! како си могао допусшиши, да ову красо-
пу црна земля покрыва ! ! ! — зашшо се поне
мене ради у милосшивіо ниси, да ю опъ безза-
конны убіица руку избавишъ? — Кадъ е пакъ
шо све учинѣно, допусши да и я спокоино съ
ньомъ у едномъ шавномъ гробу шрунупьи:
наслаждавамъ се. Мой живошъ низашшо цѣ-
ништи могу — садъ бы гошовъ быо у вѣчное
селеніе, само дасе съ моіомъ Любезномъ са-
спанемъ, пошьи — О! — Ошче! — благій и
многомилосшывій! — Зашшо ниси мене кои
самъ овогъ нещасшія причина, съ овогъ Свепа

спре-

спреміо?! — Болѣ бы было дае мене буря смертна напала, пре него самъ оной невинной души, Любовь обявіо. — Она бы данасъ здрава и весела по свету ходила, не бы у руке беззаконика допала, — и у тавномъ гробу прунула! — Я слабомоштьно созданіе — много твое Божество вредьамъ! — обаче ты Всемилостивій Создателю опросши ми; видештьи каква печаль мое сердце трза. Нежелимъ, ни-ти я иштемъ утѣшенія момъ прежалостномъ срцу; но само твою Благость, да ме укрѣпи, просимъ. — Я тьу мое жалостно бреме тягошно сносити, докъ и мени радостанъ данъ, могъ от' овудъ отитествія, осване. Онда тьу я туги моіой границу положити, и моя страданія конацъ имати. — Онда тьу я у тамномъ гробу съ моіомъ Любезномъ сладко почивати, до часа воскресенія, гди тьешъ *Ты Боже великій!* на престолу свое славе седештьи, невинне Любови венацъ, намъ на главу положити.

По изреченію овіи речи сео бы поредъ крста, и слѣдующьу пѣснь жалостно, аки заключаваюштьи печаль, пѣвао бы.

Наимилія света радость,
И живота моег' сладость,
Погребена сада лежи;
Ахъ! у овой томной мрежи.

Бѣло

Бѣло шѣло, красно лице,
Благородно нѣно сердце;
Црна земля поглощава,
И у пепелъ обращава.

Грозна смерше! шша учини?
Зашш' ми жалосшь шу причини?
Боже! зашшо іой допусши?
У убіицевъ руке пасши!

У шесшнайсшомъ нѣномъ лѣшу,
Краснѣйшемъ жизни цвешу,
Као ружица ево вене,
Безь и какве ахъ! причине.

Тама землю кадъ покрыва,
И спокоино свакъ почива,
Кадъ шрепешьу злашне звѣзде;
Самъ я еданъ шужимъ овде!

Чувсшва су ми изумрла,
Оп' кадъ ме е осшавила,
Полнъ шуге и жалосши,
Плачемъ овде у шайносши.

Слад-

Сладка Драга ахъ! Любице!
Свѣтозарно мое сунце,
Ты се на ме видимъ срдишъ;
Ер' ме непьешъ да погледишъ!

Скорбнымъ окомъ шебе вичемъ,
И надъ шобомъ душо плачемъ,
Ал' неслушашъ Драгогъ швога,
Ништи внимашъ шы на нѣга.

Очи си ахъ! запворила,
Бѣле руке прекрстила,
Недвижима овде лежишъ,
Драга душо! шта шо чинишъ?

О! кадъ бы шы само знала,
Мене драгогъ шу видила,
Ты бы мене погледала,
И рукама пригрлила.

Ош' кад' смо се разспавили,
Едно друго изгубили,
Еднако ме немиръ мучи,
Неупѣшно плачу очи.

Ли-

Лишенъ мира и покоя,
Тужно скорби душа моя;
Нип' шье се кадъ упѣшити,
Докъ небудемъ я умрети! —

У той жалости и туги, проведе месецъ дана, на послѣдку обаче немогушьи вепь далѣ сердца жельи прошивостаяти; едногъ вечера посѣтивши гробъ свое Любезне, почне землю копати, и разгрнати. Кадъ до врати гробнице додье, узме фенѣръ, и пусти се у нутра съ величаштомъ жельомъ Драгу свою пригрлити, и любештьи іой охладнѣло шѣло, сузама облиши, ступивши у гробъ, надье шѣло уводи лежештье, коя причиняваше, да се кварити, іошь, ніе почело. Пустисе у воду, шѣло у наручіе узме, и наполѣ изнесе. Положивши ю на землю, гласно плакати почне; но кадъ покрывало съ нѣ сними, и шѣло внимателно погледи, застиди се и умолча, видештьи: да шо ніе она, за коіомъ онъ шужаше. — Любица е имала богиню на лицу, коя ю чрезвичаино украшаваще, а ова црна у шѣлу, и са свимъ другоячія у сосшаву бяше.

Видештьи да е у шомъ преваренъ, узме мршв о шѣло, положи на свое мѣсто, и аки посрамлѣнъ дома ошиде, незнаюшьи почши шта чинити, оп' обличенія свое совѣсти. Супра данъ, ошиде къ своимъ содругу *Борославу*, у овомъ недоумѣнію извѣсшія оп' нѣга искаши,

но овай видешьи дае дѣло на видило изишло, скупи новце, и бѣгшву се преда. *Драголюбъ* знаюшьи да ош' другогъ извѣщенъ быши неможе, развѣ ош' старца *Богосова*, зашо предузме пушъ у *Сребрницу* кадъ шамо приспе, надье старца на постельи лежешьа, коега о бывшемъ вопрошаваши почне. Старацъ му овако одговори: Любезный сыне! я самъ човекъ старъ, а ево и на постельи лежешьи, ош' кое знамъ усташи нешьу. Да небы овай грѣхъ, на моіой души носіо, казашьу ши све по реду. Мой родьакъ *Борославъ* іошь у младимъ юношескимъ лѣшама, помеша се у развршно содружесшво, кое га ош' дана на данъ развропшніимъ, и распусшніимъ чиняше, на послѣдку шако се покваріо; да се у содружесшво пусшаиско помешао. — То дружсшво убило е у едной пусшой Руины, са своіомъ Любезномъ живушьегъ Младишьа именемъ *Тихомиля*. Нѣгова супруга подземнымъ нѣкимъ входникомъ спасла се; но поздніе ю ухваше, и своmъ Харам-баши за супругу даши вознамѣре. Она прошивешьи се овомъ насилію, узме камень, и предводишеля убие. Овіи се разгнѣве, и ню бѣгаюшьу кодъ Града *Зворника* ухваше, и убию. Еданъ великодушанъ шрговацъ ю узме, и чесшно погребши даде.

Драгол. Кадси нѣно име знао, зашшо си казао, да іой е име Любица?

Старацъ, Овде самъ моіой души грѣхъ навукао. Борославъ кадъ е съ предводишелѣмъ

лѣмъ дружства пустайскогъ свадіо се, да небы убиенъ быо, побѣгне, и шебе кодъ оне Руине, поредъ крста седешьа, и за швоіомъ Любезномъ шужешьа, надье. Оно вече кадъ сше къ мени дошли, чуюшьи онъ даси ши намѣранъ далѣ иши, умоли ме предъ шобомъ, шша се у Граду догодило ш. е. дае една женска погинула, да преповедимъ, придодаваюшьи: и шо да кажемъ, да іой е име *Любица*.

Драгол. Како е онъ знао да іой е име *Любица*?

Старац. Кадъ си шы кодъ онiи Развалина, у ладу седешьи ону жалосшну песму пѣвао, онъ ше е слушао.

Драгол. Зашшо е желіо, да я шу осшанемъ?

Старац. Кадь е при шеби новаца видіо, умисліо е средсшво заусшавиши ше, а шо другоячіе быши ніе могло: развѣ да ше увери, дае она убиена дѣвица, швоя любезна, извѣсшно знаюшьи: да шьешъ шы ню овде оплакиваюшьи, осшаши.

Драгол. Молимъ ше како си могао прошивъ совѣсши себе на шо склониши, мени шо да кажешъ. А могао си лагко предвидиши, шша мени шакавъ гласъ причиниши може! —

Старац. Будушьи да ми се Борославъ обешьао, свои живошъ поболшаши, а шо иначе ніе могло быши, развѣ кадъ бы начинъ живоша имао. Тако за пушно быши судіо самъ, да ше каковымъ начиномъ задржимъ; да шу

 жи-

живешьи, съ ньимъ купечествовашти почнешъ, као шшо се и случило.

Драгол. Заисша си каменишта срца, кадъ зажаліо ниси, мене найвешьой жалосши преда-ши, коя ми е горчайшій живошъ причинила.

Старац. Истину говоришъ юноше; обаче любовь кровна вешьа е оп' любве ближнѣга, знашъ како наша пословица вели: *прча е кошуля, него Хальина*, право ши исповѣдамъ, да самъ воліо гледашти, шебе шугомъ и жалосшію мучима, иежели нѣга медь пуспаняма помешана. — Садъ, самъ ошомъ право суди! — Теби е обаче срешьа поспѣшествовала, шшо си се извѣсшіо, зашо шьешъ се ушѣшиши, а нѣму несрешьа шшо се шо открыло. Обаче молимъ ше немой му быши овогъ поступка ради непріяшель. Ако далѣ пошьи намѣравашъ осшави му мало новаца, да може предузешу шрговіну продолжаваши; иначе ако све новце оп' нѣга опузмешъ, врашишье се опешъ на пушъ бездѣлія.

Драгол. Добро говоришъ да му шшо осшавимъ да се може живиши; но кажи ми молимъ ше? зашшо ніе онъ шолико чувсшвишелань быо, да е промисліо, да и мени шреба живиши.

Старац. У чему ніе чувсшвишелань быо? еда опешъ шшо ново?

Драгол. Како е чуо да е превара нѣгова на свешъ изишла, побѣгне, и све новце собомъ опнесе! —

Сша-

Старац. Ахъ проклето дете! шта тье іощь от нѣга быти? — Тай нигда човекомъ быти нетье, ербо оно зло, кое се у нѣгову душу уселило, отровало му е сво тѣло, и укоренило се у крвь нѣгову. — Тешко нѣговымъ бѣднымъ Родителѣмъ, кои то очима гледати мораю. — Сожалуемъ драгій сыне, дае тако съ тобомъ поступіо. Овай поступакъ мени угриженіе совѣсти до мое смрти причинити буде, не за друго, но зато што самъ я тому виновникъ. — Да ти лажну вѣсть нисамъ казао, небы ты толике туге и жалости подносіо, нити бы свое имѣніе изгубіо. — Но ты опрости мени слабомотьномъ старцу, кои до неколико часова у гробъ потьи, спрематъ се. Немой сыне причинити! да твоя воздиханія моіой души, от' тѣла разстати се недозволе! —

Драгол. Ты што си чиніо, право си имао. Твое намѣреніе было е видити грѣшника на путъ правый обратьена; за кое ти немогу замѣрити. Обаче на нѣга ми е жао, и жалитьу докъ самъ живъ. — Онъ звѣрско сердце притяжава, кадъ промисліо ніе да самъ я еданъ несретьанъ овога света младить, и кадъ зажаліо ніе знаютьи: да целый светъ обитьи морамъ, мою любезну тражетьи. А тому е потребно трошка, когъ се я конечно лишавамъ.

После обѣда опростисе са Домашьиномъ, и путешествіе до *Сараева* продолжи. Знаютьи пакъ, да му любезна мртва ніе, мало

поу-

поушѣшенъ путоваше; еръ наново Надежда пипашелницомъ нѣгове радосши бяше. Изъ *Сараева* надье прилику за *Херцеговину* до *Мостара* а ошудъ пѣшице предье у *Далмацію* гди красанъ предѣлъ прелазешьи увиди на сшрани множесшво кесшени древеса, кои велики ладъ у своме подкрылію, содержаваху. Ту се зауспави, легне почиваши, и абіе заспи. Садъ му се повшоришелно нѣгова любезна покаже, коя му ово говораше. *Милый мой Драголюбе, я самъ ти жива, нескорби толико, ми тье мо се опетъ састати, но буди терпѣливъ, и недай твомъ Срцу, любве завѣтъ погазити!*

Пасшырка една коя е шу у окружію овце пасла, слѣдующьи сшаду надье случаино *Драголюба* когъ спаваюшьа пробудиши ніе хошѣла, но шихо приближивши се, седне поредъ нѣга, наслаждаваюшьи се гледанѣмъ красоше лица нѣгова. О Боже! рекне она у себи, ове красоше у целой *Далмаціи* нема, — морамъ га млада пробудиши. Не, — нешьу га я пробудиши, но полюбиши, а онъ нека се самъ пробуди. То изрекши полюби га у око, на кое ее младишь шргне, и поредъ себе лепу *Далматінку* види. Гди самъ я садъ? упиша пасшырку.

Пастырка. Подъ кесшеномъ у ладу, поредъ добре *Далматінке.*

Драгол. А шшо си шы поредъ мене села?

Пастырк. Недиви се юноше, швоя лепоша привукла ме овде, запо самъ ши полюбацъ дала, аки знакъ да ше милуемъ.

Драгол. Како теби ніе стыдно то чинити, видетьи мене непозната? и странна.

Пастырк. Зашто бы ми стыдно было? я мислимъ да то ніе срамота, кадъ ко кога радо има. Срамота е зло чинити, и студна дѣла чинити, а полюбити едногъ лепогъ юношу, као што си ты, ніе ништа друго, него свомъ серцу одолети.

Драгол. Заръ и ты знашъ шта е любовь? еда и тебе та страсть мучи?

Пастырк. Я незнамъ шта е то страсть, нити менн она треба. Доста я страдамъ, кадъ ми се кое ягнѣ изгуби.

Драгол. Неразумевамъ я ту страсть, но питамъ те, еда и ты кога милуешъ?

Пастырк. То се зна, ево милуемъ тебе. — Да ти кажемъ юноше! аидемо, къ момъ Отцу, когъ тьу я да те прими, молити, пакъ ако те онъ прими мы тьемо заедно Овце чувати, и котарице плести. Мой Баба купитье ти фрулу, — ходи юноше, — ходи молимъ те. —

Драголюбъ видетьи да она незлобіемъ, и просте невиности полна; а не безобразлукомъ поражена, ово говори, на смее се, и овако іой одговори: лепа Пастырко! я бы радо при теби остао; обаче я морамъ на море ити, ер' ме тамо судбина шилѣ.

Пастырк. Молимъ те юноше! немой на море ити, море е дубоко, пакъ тьешъ се удавити, а шкодае да тако лепъ юноша погине. Но ты остани овде, а я тьу молити судбину,

да

да ти одреди овде остати. Колико си лепъ, толико тьешъ лепшй кодъ мене быши, нетьу ти даши по сунцу ходиши, свакій данъ млекомъ тьу те умиваши, ранитьу те најбольимъ сиромъ и скорупомъ, а полюбитьу те на данъ выше от сто пута. — Кажи ми еда бы ты могао мене оставити? да запобомъ плачемъ.

Драголюбъ за удовольити іой, ово одговори: я тьу отити, а ты моли судбину да ми допусти при теби остати. Учини ли она то, я тьу се вратити, и къ теби доћьи.

Пастырк. Добро, я тьу се молити непрестанно, ты обаче немой ме преварити, да се кодъ судбине како незамеримъ, и осрамотимъ.

Драгол. Нећьу веруй ми. Како она дозволи, абіе тьу овамо доћьи. То изрекшй успане и подье, она пришрчи къ нћму, и нћколико краши полюбивши га рекне: видишъ юноше како те милуемъ, а тому я бѣдна нисамъ крива, но ты што си тако лепъ, и што си дошао овамо да те видимъ. Блажена невинносте вопіе Драголюбъ, ніе ли ова душа незлобивомъ ягнећу подобна, коя любовь чувствуе, обаче невинно, а не у испупленію любодѣйства. Зашымъ заиште от' нѣ мало сира, и подье, она прашетьи моляше га, да скоро нашрагъ врати се.

Романшічески предѣлъ, множайша плодоносна древеса, хладне быстропекушье воде, сладкопѣваюшье птычице, причињаваху нѣко

одлаг-

оплагшанѣ Драголюбу, кои замишлѣнъ ступаюшьи, додье у *Себеникъ* на мору градъ, гди прилику, да у Асію подье, ожидаваше.

Бавешьемъ му се шу неколико дана, учини познанство съ многіи Грецы кои нѣговомъ страданію соболѣзнуюшьи, удобну прилику за Асію надьу, за подвозь Галіе Началнику плаше, а нѣму доволно новаца за шрошакъ поклоне. Пушуюшьемъ му моремъ, чрезвычаино чиняше му се шо позорище, когъ се доволно нагледапи немогаше. Седешьи, непресшанно занимаше се размишленіями, гди се садъ нѣгова любезна находи, шпа безь нѣга чини, — люби ли га вѣрно, — и хошьели ю іощъ еданпушъ видиши? — Сладка Надежда пишашелница живоша человѣческогъ непресшанно у чувсшво пливаше му, да шерпѣливъ буде, и да се време ньиовогъ сасшанка, приближава. Пунъ надежде благе, сочини ову песму.

О Надежди.

Надежда е овогъ свеша упѣха найвешьа
Изъ кое намъ извире исшочникъ.
Кои любко пои свакога младишьа,
Нип' е лишенъ нѣ еданъ сшрадалникъ.

Ако'с буря нечаянна судбине подигла,
Надежда е шад' балзамъ шяготи,
Акол' е при концу жизны мапи сына видла,
Іощь се нада здрава га видипи.

Мла-

Младитьево она сердце щастiемъ наполнява
И сѣдине помладьуе старца,
Хероево еще выше чувство ободрава,
А печална утѣшава сердца.

Акос' кои пріятеля своега лишiо,
Нѣга видиш' онъ се опешъ нада.
А ономъ пакъ кой е благо изгубiо,
Оно повратити мисли свагда,

На смертной постельи болникъ издишуштьи
вели:
Богъ е добаръ iощ' шьу оздравити.
Надежданъ е злодѣй когъ су вешь на смерть
извели
Дапье му се живот' опростити.

Тко што чини? кол' насъ утѣшава тако любко?
Тое она надежда сладчайша,
Коя хошье даб' спокоино чрезъ што време
крашко,
Поживила бѣдна сердца наша.

Началникъ Галiе са стране слушаюшьи внимашелно шта овай говори, пожели искуситти къ чему се та пѣснь относи, а шѣмъ выше любопитство у нѣму возбуждавашесе, што онъ на нѣговомъ лицу, внутреню сердца

шу

тугу, примѣтіо бяше. Зато заключи на нѣга внимати, и на свакомъ месту гди онъ буде усамлѣнъ седіо, сакрывенъ, што говори слушати. У вече кадъ вешь сви почиваху, изидье *Драголюбъ* на кровъ Галіе, седне, и по дугомъ молчанію, започне плачевнымъ гласомъ ово говорити: сяини сребрновидный Месецу! кои целомъ свету свѣтлишъ, кажи ми гди се моя Любица находи? — у коіой е части света? — златне хитро-трепетьушье звезде, еда моя драга зна, да я садъ за ньомъ плачевно тужетьи, сузе проливамъ? — ели ми іощь она, коя ми е была? гори ли у персима нѣнимъ онай жарь любови? кои мое прси пали. — Незнамъ, обаче неверуемъ да е она мени невѣрна. Ако се и буде кои ласкатель нѣ привезао, она е доволно разумна, опоменуштье се наше свяше любови, и швердогъ вѣрности завѣщанія, кое смо едно другомъ подъ ведримъ Небомъ седетьи, предъ всевышнымъ окомъ учинили. Заклетва нѣна доволни е мени свидѣтель, да ме нетье изневерити. — Сладка моя! шы си Богъ зна колико стотина миля от' мене удалѣна, обаче швой погледъ, и швое речи предъ очима моима лебде, и шако ми у слухъ падаю, аки бы те садъ говоретьу слушао. Оне швое преумилне танкимъ славуевимъ гласомъ произнешене речи, еднако ми у ушима звече, како ми говоришъ: *Милый мой Драголюбе! сяйно сунце! животе и утѣхо моя! я ти се заклинѣмъ Богомъ живымъ! — плавимъ Небомъ, и сяйнимъ звез-*

звездама, да тьу те до последнѣгъ могъ издиханія, вѣрно любити.

Тко бы толико невѣранъ было? кои овой заклепши небы вѣровао! — Свяше су мени ове речи, и свящо ми ньи хранипи надлежи. — Гди си ахъ! причино живопа мога! іощь у теби нѣколико часова живимъ, тебе ради дишемъ, иначе бы ме давно црна земля у своимъ нѣдрема имала.

Тама землю кадъ покрыва, све пшычице молчаю, звѣрови по дубравамъ леже, и сви смерпніи спокоино почиваю, онда я усамлѣнъ лишенъ санка, запобомъ плачемъ, тебе споминѣмъ, и удаленъ оп' швогъ лица, с' побомъ разговараюпьи се, наслаждавамъ се. Началникъ Галіе, кои на спраны слушао бяше, чуюпьи ове прогапелне речи, немогаше се уздержапи, но заплакавши се уздане, на кое *Драголюбъ* обазресе, и умолча.

Началникъ. Продолжи рыданіе и плачь швой, милый мой содруже! — прими и мене да купно съ шобомъ плачемъ; ер' како видимъ обое насъ е судбина да любовію мучими спрадамо, отредила.

Драгол. Я оплакивамъ мою неодавно преспавлѣну сеспру.

Начал. Всуе шы печаль швою упаипи прудишъ се, я самъ све шпо си говоріо чуо. Запо ше молимъ преповеди ми на крашко шьое приключеніе, да пи я мое попомъ опкрыемъ. Исповеди ми повпоришелно ше молямъ;

лимъ; ербо те не любопитства, но могъ утѣшенія ради, ово волрошавамъ.

Драголюбъ видешьи да сшварь сакрыши неможе, каза му све по реду съ молебсшвіемъ: да шо никому выше на свешу несообщи. *Началникъ* слушаюшьи повѣсшь сшраданія нѣгова пригрли га и цѣлуе. Ты си браше мени подобань сшрадалникъ; обаче я се іошь више несрешнымъ назваши могу, шшо любовь у шаиносши проводимъ, коя шье ме може бышки у гробъ, спрашиши. Ево вешь две године, како Любовь мою душу мори. — Залюбимъ се по нещасшію у едну красошомъ увѣнчану дѣвицу, кшьеръ едногъ знаменишогъ купца, коіои способа немамъ любозь мою обявиши. О! горко е овако у шайносши бориши се; ер' незнамъ вешь шша чиниши имамъ. Дай ми браше совѣша, шша? и како да шворимъ?

Драгол. Кажи ми найпре швое и нѣно Опшечесшво.

Начал. Я самъ изъ осшрова *Мітіліне*, Града *Кастра*, а шу е и она родьена, и данасъ се у нѣму находи.

Драгол. Зашшо ю ниси за супругу ош' нѣни Родишеля искао?

Началн. Ту е управъ жалосшь. Нѣнъ ме ошацъ пре мршвогъ, а не живогъ предъ очима видиши жели; изъ причине, шшо се съ моимъ ошцемъ некадъ свадіо. — Овое причина моегъ сшраданя. — У ньиовъ домъ ишьи несмемъ, а съ Ньомъ сасшаши се прилике немамъ, слѣдова-

довашелно страсшь моя ош' дна на данъ све е вешьа и вешьа, хошье ево до схудоумія да ме доведе. Право да ши кажемъ, шша самъ вешь напослѣдку намѣріо; кое само шеби као брашу исповѣдамъ. Видешьи да другогъ спасенія за мене нема, умисліо самъ два човека подплашиши, нѣногъ Оица да убию. Таковымъ начиномъ мислимъ да бы ю могао добиши.

Драгол. Драгій Брапе! я ше молимъ, и совѣшуемъ да шо нечинишъ, ербо бы шымъ посшупкомъ много зала себи навукао. Посшупкомъ овымъ посшао бы мрзскимъ человѣкоубіицомъ, кога Богъ и люди гнушаюшьи се ненавиде. Крвь нѣгова неправедно проливена вопила бы на Небо, коегъ правосудіе дозволиши небы могло, да се шо бездѣліе неошкрые. А кадъ бы се ошкрыло, безчесшіе и срамошу навукао бы себи, и свимъ швоимъ сроднимъ. А шшо выше безчесшномъ смершію бы морао умреши. —

Да дозволимъ да се шо небы ошкрыло; обаче коя бы полза свему шому была, кадъ бы цѣлогъ живоша обличишеля имао. Совѣсшь швоя угрызавала бы ше и мучила шако: да даньомъ покоя, а ношьомъ сна небы имао, и шако несрешне уживаюшьи дне, напоследку принужденъ бы быо, самъ себи смершь задаши, само за избешьи земногъ пакла. Испина сошымъ бы шѣлу швомъ ошлагшанѣ причиніо, обаче на оной страны живоша, шша швою душу чека, самъ знашъ, — мука вѣчна. — Грѣхъ е и едно живошно безь причине убиши,

коль

коль ми паче човека найблагородніе созданіе Божіе! — Обрати се браше! — оспави се шаковій намѣренія, гнушайсе и саме помисли шаковогъ на Нибо вопиющегъ дѣла, пакъ шьешъ пре оно шшо желишъ получити.

А шшо велишъ да си хошѣо два човека, да нѣногъ Оща убию подплашиши, сопымъ бы іощь вешье беззаконіе и злодѣйство учиніо. Ако бы убіиство шо на свешъ изишло, не само да бы себи, но и ньима, а поредъ свои, и ньиовымъ сродникомъ безчесшіе нанео. Аколи бы се шо злодѣйство укрыло, причиніо бы едно ош' найвешьи зала; ер' оніи убивши еднога, полакоми ли бы се и другога съ овогъ свеша спремиши, и шако наконецъ шому бы се извикли, и многа убіиства за живоша учинили, — шко бы другій за шо све предъ Богомъ ошговараши имао? развѣ шы, зашо буди разуманъ, испишай себе шша си науміо? пакъ шьешъ видиши ели мой совѣшъ добаръ, или не! —

Началн. Право кажешъ, милый мой Драголюбе! обличи мое худо намѣреніе; обаче и извини ме найнесрешніегъ на свешу, когъ су любовне сшрасши ослепиле, и до шогъ испупленія ума довеле. Ни самъ я прьый на свешу, когъ е любовь несрешнѣгъ учинила, ево и шы самъ нѣ ради сшрадашъ.

Драгол. Испину кажешъ да су многіи збогъ любови несрешни посшали, обаче вешьа ихъ е часшь своегъ неразсуждногъ посшупка ради, до пропасши дошла. Свакомь е Богъ

дао

дао разумъ да добро зломъ предпочитує, а разсужденіе да све што твори, найпре промотри, клони ли се оно къ добромъ или зломъ концу. — Свакій е онай неразуманъ, кои любовь аки причину многіи зала, оглашує. Ніе любовь никога до пропасти довела; но свакога свое неразсужденіе. Я могу любити, за драгомъ чезнути, но притомъ и правила благонравія, и благообразія, наблюдавати. Моя любовь нетреба да се клони къ безчестію, увређенію, или убіиству, но само къ едномъ благородномъ концу, и цѣли т. е. да ону кою любимъ за супругу добіемъ, съ њомъ по закону Божіемъ живимъ, и тако срећнымъ се назовемъ.

Начал. Тако е као што ми кажешъ мили браће; обаче кажи ми начинъ, како бы могао оно што желимъ получити.

Драгол. То е весма лагко, отиди къ нѣномъ Оцу, и моли га да ти ю за супругу да, представи му живо предъ очи, да онъ као разуманъ, от Оца, нетреба да мрзи на сына, а као правый Христіанинъ ни на онога, кои га е увредіо, злобу да неводи. Онъ као човекъ умилостиви тье свое срце, и ако то небуде први крашъ, а ты твою молбу съ умилнѣйшимъ речма повтори, а тада извѣстно знамъ да ће нетье отбити.

Начал. И тошьу учинити, обаче познаваюћьи я нѣгову памятозлобну наравъ, извѣстно знамъ, да тьу се всуе трудити.

Дра-

Драгол. Немой ты тому веровати. Човекъ суровѣйшу звѣръ упитоми, и укроти, коль ми паче *човекъ* кои е разуманъ, обратьенъ быти може. Слѣдуй само момъ совѣту, пак тьешъ видити да право говоримъ.

Началн. А шта тьу съ дѣвицомъ чинити? како тьу ню на то склонити?

Драгол. Ты ньой твою прямо нѣ любовь откры. Покаже ли се она да те взаимно люби, тада старайсе нѣногъ Отца на то приволети. Ощутишъ ли да те не люби, абіе се тога остави, любовь у прсима твоимъ горетьу угаси, видетьи да надежде къ полученію намѣренія немашъ. Любовь онда е силна и постояна, кадъ обадве стране къ едномъ концу теже. Любовь се може горетьой ватри уподобити; коя кадъ гори, ако дрва човекъ на ню не метье, угасисе: тако и ты, за време тьешъ страдати, видетьи обаче да те она презире, твоя тье любовь сваки часъ ладнити, и више и више умалявати се, а на конецъ угасити.

Началн. Твоя младость старческу мудрость и искуство притяжава. Лепо ми говоришъ юноше, и зато тьу твомъ совѣту слѣдовати. Но само іощь едно кое тьу те молити, немой ми отбити. Будутьи да самъ те пѣвати чуо, извѣстно знамъ, да ту песму другій ніе, развѣ ты сочиніо, тако братскій те молимъ, да ми едну любовну песмицу сочинишъ, кою тьу я моіой любезной послати,

а она чипаюпьи можда пье се склониши моіой любови.

Драгол. То пьу пи-драговолно учиниши. После неколико чепверши часа, донесе му слѣдуюпьу песму:

У паиноспи любовь проводиши,
А несмеши Драгой обявиши;
Еспь нещасп'е за мене юнака!
Кои збогъ нѣ, ноньу немамъ санка.

О! зашпо іой видѣхъ бѣло лице,
Кадъ немогу добип' нѣно сердце,
Но овако скорбно у паиноспи,
Да проводимъ любовь у жалоспи.

Ніе любовъ каково злодѣйспво,
Но сердечно благородно чувспво,
Кое небы пребало шаипи,
Но предъ свепомъ смѣло обявиши.

Любовь намь е наймиліе благо,
Превосходи и каменѣ драго
Любовь нищегъ на пресполъ подиже,
А Цареве съ Θронова низлаже.

Кадъ

Кадъ бы Драга ахъ! мене любила,
Найсретніегъ мене бы видила,
Задоволствомъ цѣл' бы светъ обладао,
Нит' бы любвомъ тако силно страдао!

Еданъ от' путешествуютьи, човекъ среднѣгъ возраста, и времена, приступи къ нѣму молетьи га, да и нѣму едну пролетню *будутьи е Маіа Месеца было*, песму сочини, обетьаваютьи му за нѣговъ трудъ награжденіе. Онъ и овомъ удовлетвори, имаютьи особити стихотворства даръ, абіе му ову одпѣва песмицу:

На земли се радость приключава,
Сво естество ветье оживлява,
Зелене се брда и долине,
Душа свакогъ игра от' милине.

Настало е пріятно пролетье,
На све стране цвета лепо цветье,
Сва древеса лиштьемъ зелене се
И птичице на ньима гнѣзде се.

Сада ласта цвркутанѣмъ пева,
И путнике свудъ весели шева,
По дубравамъ жуборе потоцы
По долинамъ играю яганцы.

Преумилно свираю пастыри,
Пасушь' стадо у зеленой Гори,
А дѣвице ливадомъ шетаю,
Берушь' цвепье вѣнце саплетаю.

Како е *Драголюбъ* песму окончао, овай му благодари, и кесу новаца поклони.

Коликое годь отличніи Лица у Галіи было, свако е желило познанспво съ ньимъ учинити, као што е и слѣдовало. Оніи немогушьи насладити се нѣгови мудри речи, онъ пакъ забавляюшьи се съ ньима, ни осетіо ніе, како му е време пушешеспвія по мору, пропицало. Обаче по найвыше се съ Галіе Началникомъ забавляше, кои внимашелно Драголюба слушаше, и поученія нѣгова примаше.

Оп' дна пушешеспвія ньова, свагда су благопріятно време имали, и зашо су скорѣйше изъ *Адріатическог* мора у *Іонійско* ушли, пролазешьи покрай *Корфа*, *Санкт: Маре*, *Итаке*, *и Цефалоническог* Острова. Спупаюшьимъ имъ у Егейско Море, кое се иначе *Архи-пелагомъ* назива, при Югозападномъ входу, усмотри *Драголюбъ* еданъ чрезвычайно лепъ острovъ, зашо вопроси Началника, какавъ е оно Острovъ? и како се именуе?

Начал. Тое Острovъ *Родосъ*,

Драгол. Хошьемо ли мы кои данъ у нѣму одмараписе?

Начал.

Начални. За сада нужде немамо, обаче ако е твоя воля, мы се можемо кои данъ заустaвити.

Драгол. Я бы сердечно желіо, и за такову любовь весма бы ти обвезанъ быо.

Началникъ заповоди кормчіи Ладьу у Островъ управити, гди су четыръ дана задержавалисе. Ту е *Драголюбъ* внимателно све што е у нѣму примѣчанія достоино было испитао, и извидіо т. е. да е Островъ брдовитъ, особливо плодороданъ, и богатъ дрвима. Быо е у Граду истога имена, лежетьемъ на брегу сѣверно, и видіо е седмочудесни *Колосъ* *) и крѣпчайше кораблестроеніе.

Началникъ видетьи Драголюба у извидѣнію овіи ствари любопытна, ніе жаліо іощь кое време пропустити само за удовольити свомъ миломъ Пріятелю. Кренувшымъ имъ се изъ *Родоса*, отпливаю у Островъ *Самосъ*, *Никарію*, и *Паѳмосъ*, гди е Монастыръ *С. Іоанна Евангеліста*, у комъ е *Апокалипсисъ* писао, видіо. Затымъ га отведе у *Хіосъ* у комъ е славно Училище Омірово было. А на конецъ додьу у Островъ *Метелінъ* Отечество *Галіе - Началника*. *Діомидъ* (*тако се зваше Началникъ*) нехте га целу годину, и три месеца от' себе отпустити, любетьи, и пазетьи га, као брата. За разведрити нѣгова смутьена чувства, свакій данъ другу забаву тра-

*) Колосъ была е Аполона Статуа от' Бакара 80 рифи висока, и преко 700,000 фунти тешка.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

тражіо бы. Еданпутъ забавляли бы се проодаюпьи горе и пещере, другій путъ гледали бы како краеуголно изъ спѣне мраморски каменъ секу, или бы се проводили у краснѣйшимъ масличнымъ шумама, или бы у цѣлипелнымъ самопроизводнымъ купалисе Топлицама. Много краши наслаждавали бы се гледанѣмъ, како се смола варенѣмъ приготповлява. А по найвыше посѣщавао бы *Драголюбъ* греческе школе, мѣспнимъ Міпрополипомъ заведене.

Едномъ замоли *Діомидъ Драголюба* да онъ познанспво съ Опцемъ нѣгове Любезне учини, и своимъ сладкорѣчіемъ га на шо склони, да му кпьеръ свою за супругу даде. *Драголюбъ* іощь шогъ дна реченногъ купца посѣпи, и за дозволеніе вопроси, свакій данъ посѣщавапи га. Овай по прошеніе за честь прими, и шако *Драголюбъ* честокрапнымъ своимъ посѣщеніемъ, и мудрими разговори любовь домапьина задобіе, когъ онъ за месецъ дана шако обрапи: да се свакій дивипи морао. Оп' памяшозлобна као шпо е свима познапно было, учиніо га е крошкимъ и человѣколюбивымъ. Съ *Діомидомъ* га е примиріо, и до тога довео; да му е дѣйспвипелно и кпьерь за супругу дао. Обаче незнамъ ели игда у свепу благодарніе душе, оп' *Діомидове* было, кои Любовь своегъ Пріяшеля доволно цѣнипи немогаше. нѣгова речь свагда бы была: *Брате Драголюбе! ево ти мое цело Имѣніе, владай, и управляй съ ньимъ, а мене само учасникомъ тога учини.* Добрый пакъ

Дра-

Драголюбъ ево шпа нѣму опговара: Милый мой Діомиде, шы си оно шпо си желіо полу-чіо, зашо си задоволянъ, и срешьанъ. — Теби е моя шуга добро познапа, и шы добро знашъ кудъ мое сердце шежи; зашо ше молимъ, да оп' шога прешпанешъ! — Да мени мое жало-сши ніе, я бы до мое смрши у овомъ земномъ Раю осшао, уживаюшьи и наслаждаваюшьи се швоимъ сладкимъ прія шельсшвомъ. Досша самъ при шеби быо, садъ вешь немогу выше подноспши, я морамъ оно шпо самъ предъ Бо-гомъ моіой вѣрной обешьао, у исполненіе при-вешши.

Супра данъ нашла се прилика за Асію, кою онъ пропусшишы ніе хошѣо. При опхо-ду узме *Діомида* за руку, и плачевнымъ му гласомъ ово рекне: Діомиде! браше! друже! и вѣрный Прія шелю! — Судбина коя намъ се познапи и любипи дозволила, ево насъ разспа-вля. Хотя да шьемо далеко еданъ оп' дру-гогъ разспавлѣни быши, ничимъ манѣ швою доброшу нигда заборавипи нешьу. — Гди годь будемъ быо свагда шье ми швое мило лице предъ очима быши, а швое искренно прія шель-сшво, оспашье ми вѣчно сладчайше воспоми-наніе. — Неимаюшьи другогъ дара, прими о-вай залогъ мое искренне прямо шебе любови, кои кадъ погледао будешъ, помисли на мене, а чишаюшьи: опомени се наше сердечне любо-ви. Діомидъ немогупьи оп' плача речи прого-вориши, развіе папиръ, и ово чишапи почне:

СПО-

СПОМЕНЪ ПРІЯТЕЛЬСТВА ОСТАВЛЬНЪ

Драголюбомъ Соколовичъ, вѣрномъ Другу, и Пріятелю Діомиду.

Пріятельство извору радости!
Любко са Олумпа ты силазишъ;
Да намъ воздашъ вкусъ твое сладости,
Срца смертныхъ Любов'ю союзишъ.

Уперсима сѣдоукрашенымъ,
Ты подижешъ превиспренну радость,
На мужество быши неустрашнымъ,
Благородно побуждавашъ Юность.

Ускудости, и нещаст'ю свакогъ
Человѣка веселит'се учишъ;
Тугомъ уморену душу бѣдногъ
Любве твое травомъ, тихо лечишъ.

Лишеніе блага и богатства,
Скоро даешъ забвенію вѣчномъ.
А нищега на честь достоинства,
Рукомъ твоіомъ зозвыштавашъ мѣдномъ.

Свака туга, и сердечна тайна,
Кою повѣрено содругъ ти откриo,
С' тобомъ быва са свимъ отлагшана,
Ер' е сотымъ новъ животъ добыо.

Вѣрномъ другу, право Пріятельство,
Не чрезъ овай, само животъ кратькій
Но и вѣчномъ его благородство,
Пораждава свагда животъ сладкій.

Ова песма Діомиду іощь вешьма срце погрузи, тако: да от' блага почти ніе знао шта чинити. После дугогъ молчанія, загрливши Драголюба рекне: Мой животъ! щастіе и задоволство! теби восписати имамъ. Да ме ты ниси твоимъ благимъ речма от' предпріятія могъ отвратіо, до сад бы я или найнесретніи на свету био, или бы мртавъ у земли лежао. — Да тебе ніе было, не бы я ову кою на крылу момъ имамъ, во вѣки добіо. — Тако можешъ мислити, да самъ ти благодаранъ до саме мое смерти! — Ево ти маленъ даракъ, (подаваюпьи му кесу съ новцы) кои ти всеусердно даемъ — прими га сердечно. — Гди годь будешъ ходіо, благословъ ти Божій слѣдовао. Творацъ Неба и землѣ да те руководи, скорѣйше желаніе твое да получишъ. Надьешъ ли твою Любезну доведи ю сѣмо, да сви скупа, щастне и задоволносши полне дне, уживамо, и тако

излю-

излюбивши се, еданъ другогъ грлетьи, едва се разстану.

До *Асіе* непрестанно имъ е благорастворенiе воздуха поспѣшествовало, обаче предъ само вече, кадъ су се на суво извести хотѣли, дигнесе страшна буря, коя величайше по мору движенiе причини. Таласи еданъ на другогъ падаютьи тако страшнiи бяху: да бы мисліо да корабль у облаке подижу. Тама црними облацы сву светлость покры, само преужасно муня сiянѣ почесто чарну мрачность, осветляваше. Страхъ и трепетъ све у кораблю нападне, кои ово страшно гледаютьи позорище, свакiй часъ готови бяху, кончину живота видити, коя и дѣйствително мимоишла нiе. Беснуютьи таласи Галiю возвышаваютьи и ниспущаютьи, о стѣну ударивши, разбiю, и сви корабленицы у глубину водну падну, и утопесе. Само *Драголюбъ* и iощь два съ ньимъ, ухватившисе за еданъ балванъ по мору пливаху. Мало за тымъ буря престане, беснуютье море утишасе. По щастiю Галiа една на срѣтенiе имъ идьаше, кою близу поредъ себе видетьи, гласно помотьи искаху. Началникъ корабля заповѣди ихъ избавити, и у Ладьу увести.

Колико су Богу за избавленiе от' смерти благодарили, у толико су очаявали видетьи се у непрiятельскимъ рукама. Ладьа она турска бяше, медьу коима и Арменаца находило се. Ови ихъ вопрошаваху, но страдал-

далницы имъ отвѣта дати нису могли, потому: што езыкъ ньиовъ неразумѣваху.

Доспѣвшимъ имъ у Асію, зауставе Ладьу у *Смирни* Граду, у комъ се изъ свію части света Трговцы наодьаху. Повелитель Галіе заповеди Драголюба и ону двоицу съ нимъ изъ корабля извести, и у другій увести. Бѣдни овіи незнаютьи шта се съ ньима чини, трепетни бяху, боетьи се да и овіи на какова мученія и тvранства неосуде. Ладьа на комъ садъ бяху, бяше изъ *Індіе*, корабленицы сви вообще видьаху се добрый люди быти, оніи своимъ Робовомъ даваху доволно препитанія, и у обхожденію съ ньима, человѣчески поступаху. Колико су у восточну *Індію* приспели, Галіе Началникъ *Драголюба* у Градъ *Камбей* мѣстномъ Началнику отведе, и поклони. Овай га радостно прими, и у робско одѣло преобутьи заповѣди. После шестъ месецы веть позадоволно бяше научіо Индуйски говорити, ніе се обаче показати хотѣо, за искусити шта овіи съ нимъ чинити намѣраваю.

Кадъ се и седми месецъ навертіо, Началникъ Града, жертву Боговомъ принети намѣранъ, заповѣди *Драголюба* затворити, и различними сластопитателными ели ранити, да тако угоенъ, пріятнія Боговомъ жертва буде.

Бѣданъ *Драголюбъ* плакаше горко, и призиваше благость Божію да га избави. — Колико му е тешко было што умрети мора, у толико выше тужаше, што Любезну свою

іощь

іощь еданпутъ у животу видіо ніе. У томъ печалномъ спаню, ожидаваше грозни данъ, у комъ му е погинути, опредѣлено было. Богъ всемилостивіи кои невинность, и младость нѣгову овако грозной смерти предати ніе хотѣо, пошлѣ му средство избавленія. Градоначалникова кћи у очи реченногъ дна, ноћьу, када сви почиваху, додье къ нѣму, пусти га, и подаваюћи му коня, да іой слѣдуе, заповеди. А и она на другогъ коня сѣдши, што скоріе бѣгати почне. У зору надьу се на некомъ мѣсту, превисокими горами окруженомъ, у коима многе пещере наодьаху се. Отъ свію страна распростираше се неисказано благоуханіе, ово от' цвѣтни древеса, ово от' многоразлични само у той земльи, растетьи быліа, коя Европейцы лѣкарства ради, прилѣжно собираю.

Ту Індіанка сидье съ коня, и Драголюбу подобно да учини, заповеди. Онъ признаваюћьи ю избавителницомъ, охотно свему што му налагаше, повиноваше се. А да бы се извѣстіо, шта она шворити намѣрава, вопроси Индуйски, шта ту чинити имаю?

Золифа (*тако се она зваше*) ухваћивши га за руку уведе у Пещеру, и рекне: „ Овде самъ ће да живоћъ неизгубићъ, довела.“ У шомъ си срећьанъ быо, што си ме лепотомъ швоіомъ плѣніо; а да се у тебе залюбила нисамъ, шы бы данасъ на вашри горео! —

Драгол. Пакъ шта намъ садъ чинити надлежи?

Зо-

Золифа. Зашо самъ ше опъ смерши избавила, да самномъ овде живишъ, и мене шако, као шшо я шебе любишъ. Ове речи *Драголюбу* ударь сердцу зададоше. Боешьи се обаче да га ова, ако іой любовь необѣща безбожникомъ у руке непреда, принужденъ буде, нѣкій припворный видъ любови показиваши. Предъ вече проодаюшьимъ се имъ, и берушьимъ различно вошье, недалеко оп' себе усмошре вашру, поредъ кое едно деше, возлагаюшьи дрва, сѣдяше. *Золифа* заповѣди *Драголюбу* у Пещеру сакриписе, а она шамо ошиде за искусиши, шша се шу приуготовлява. Доспѣвши шамо: упиша деше шша по значи?

Дете. Мой Опацъ хошье овогъ Европеица да испече.

Золифа. Чуюшьи ше речи счепа парче дрвепа, и деше двапушъ по главы ударивши убие, и шѣло на вашру бацы. А Европеица опреши, и собомъ поведе.

Драголюбъ удивисе, виденьи Европеица *Золифомъ* входима.

Золифа. Ево самъ и овогъ оп' смерши избавила.

Драгол. Мы смо шеби, за учинѣно благодѣяніе, до смерши, благодарни.

Говорешьимъ имъ чую на еданпупъ вику и мяшежь,— кадъ наполѣ погледе, виде множесшво оружани *Індіанаца* съ упалѣни маслични древеси, къ ньима приближаваши се.

Шша

Шта пьемо садъ! повикне она, овіи управъ къ нами иду. — Другогъ вамъ совѣта къ спасенію незнамъ дати; развѣ кудъ кои зна, да бѣга. Драголюбъ абіе изидье наполѣ, и побѣгне. А за спасти себе, попне се на едно высоко дрво. Но какавъ га страхъ нападне, видештьи да се овіи къ нѣму приближаваю. А сувыше кадъ су подъ онымъ дрветомъ, на комъ онъ бяше, были, какавъ е трепешъ поднео, свакій себи представити може! —

Но срештьанъ е и шу быо, што га нису опазили. Видештьи и доволно удалене отъ себе, сидье съ дрвета, и бѣгати почне. Пунъ страха да га неухваше, даню сакрывенъ лежаше, а ноштьу пуповаше. На конецъ помисли у себи, Богъ зна кудъ шье ме ноштьнѣ пуповањ извести, и зашо намѣри планиномъ свой пушъ продолжавати, кое и учини. Узвышаваюштьемъ му се на нѣку стѣну, надье еданъ великій гвоздени щитъ, кои му е десница Божія, да се отъ нападенія звѣрски брани, нашьи причинила; коимъ е мало запымъ неколико медведа, велики змія, и многіи маньи зверова умертвіо. Презѣлно уморанъ, пусти се на цвешну праву, наслаждаваюштьи се, благопріятностію пролетња. Кадъ се мало одморіо, гледаюштьи на Небо, уздане, и ово пѣваше:

Ево вепьe наспадоше,
Красни дани пролепьа;
И никако непреспае,
Гонипи ме несрепьа.

Све се швари овогъ Свепа,
Починю веселипи,
Кромѣ мене младолѣпна,
Кои морамъ шужипи!

Лепо Цвепье украшава
Поля, ньиве, ливаде.
Туга жалоспь окружава,
Могъ живопа дне младе.

Свакомъ ружа процвепава,
Свега цвепья Царица,
Мени едномъ проницава,
Пелепъ горка шравица.

Кадъ се младо игра спадо,
И пасшири свираю,
Онда мое очи радо,
Грозне сузе ливаю.

Ербо мало и велико,
Живи спокоино сада,
А я бѣданъ све еднако,
Морамъ подносиш' яда! —

Трудно пушуюшьи, едва приспѣ у землю *Халдейску* или *Вавилонску*. Овде умисли у кои нибудъ Градъ пошьи съ намѣреніемъ пражити Христіана. Приспѣвши у Градъ *Багдадъ* поредъ рѣке *Тигра* лежешьи, еданъ ош' Граждана видешьи га странна, Аравски вопроси: шко и и ош' куда е. *Драголюбъ* неразумѣваюшьи Езыкъ, немогаше му ошвѣша даши, но само рукомъ знакъ му даваше, да неразуме шша га вопрошава. Овай своимъ двомъ Робовомъ, кои за ньимъ идьаху, да га собомъ, поведу заповеди. Они абіе по заповесши Господина, вежу му руке, и кушьи ошведу. У шомъ Дому былое шринаисшъ робова, медьу коимъ и еданъ Гркъ бяше. *Драголюбу* одредьено буде вершъ обдѣлаваши, кои миоразличними древеси насадьенъ прекрасни Цвешови украшенъ, и превысокимъ зидомъ окриженъ бяше. За годину дана научіо е Аравски и ош' часши Персійски говориши.

Домувладика членъ Судейскій у шомъ Граду бяше, обаче човекъ неизказано добаръ, а сувише у ошношенію съ Робови велми крошакъ. Никаква Тіранства или оспра посшупка на свое Робове, упошребіо ніе, зашо су га

сви

сви радо имали, и вѣрни му были. *Драголюбъ* видетьи нѣгову доброту, іощь выше усиляваше се волю му исполнявати. Любитель вертограда тако е вертъ доматьи уредіо, да се нѣговъ Господинъ дивіо; за кое га е возлюбіо, и паче свію отликовати почео. Мало затымъ учини га Надзирателѣмъ свію добара, коя притяжаваше. Ништа безъ нѣгова усовѣтованія небы предузимао, нити бы што извертіо, пре нежели бы *Драголюбу* сообщіо.

На свему *Драголюбъ* Богу благодареніе воздаваше; обаче незадоволство, нестерпѣніе, и желя за своіомъ Любезномъ, принуди га о бѣгству промышленіе водити. Едногъ вечера, седетьи съ Гркомъ содругомъ, договаратисе почну о свомъ избавленію. После дугугъ усовѣтованія заключе сутра данъ нотьу побетьи. Целу ноть безъ сна проведу, ово преправляютьи нуждна къ путешествію, ово промишляваютьи хотьели имъ у томъ сретьа поспѣшествовати. Слѣдуютьи данъ сване, и у великомъ нестерпѣнію едва имъ протье. Приспѣвшу вечеру, *Драголюбъ* по обычаю послуживаше свогъ Господина, хитрость сваку употребляваше, како да га пре къ спаваню, принуди.

Кадъ су пакъ сви дубокимъ сномъ обяти были, позове *Драголюбъ* свогъ содруга къ предпріятію дѣла. Нѣму као Надзирателю доматьемъ свудъ е по дому ходити свободно было, зато му е и было лагко, побетьи. Онъ изведе едногъ коня себи, а другогъ.

гогъ *Зилоту* (*тако се звaше тай Гркъ*) на кое вооружани сѣдну, и побѣгну. Но когъ е несрепьа гонипп извикла, она свое продолжава. На пушу се *Зилотъ* разболи, кое *Драголюба* смупи, и крайнѣ опечали, шако: да ніе знао шпа чинипи, или овогъ оспавипи — или чекаши докъ му болѣ буде.

На премного моленѣ *Зилотово* опважи се неколико дана причекаши, докъ види шпа пье съ нимъ бышпи. Нигди по Градови нису смели бышпи, боепьи се да ухвашьени небуду, а у пуспины свудъ бяше множесшво Пасшыра, и по колибамъ сѣмо, шамо, живупьи люди. Развалине нѣке падну имъ у очи, кое близу Града *Хелла* наодьаху се. Свое безопасноспи ради, заключе шамо ипи, и неколико дана пребываши, кое и учине, а шо бяху Руине *Вавілонске*. Зданіе превысоко, опъ свію спрана сводови наведено бяше. Паспыри свакогъ вечера своя спада шу запворапи, и саміи усводови нопьиваши, обычесшвоваху.

Драголюбъ видепьи и приближаваюпье се, узме болногъ *Зилота* и опнесе горе, запыымъ и конѣ на высину зданія опведе. (*Примѣтити треба да е зданіе Вавілонскогъ Тороня тако велико было, да е у нѣговомъ окружію неколико кола у поредъ, до самогъ верха, ити могло*). Паспыри су своя спада доле у сводови запворали. Конь Драголюба чуюпьи ржанѣ доле наодепьи се коня, заржи, кое паспыре учини внимапелне да су заключили горе ипи, и видипи, како се пай конь памо попео.

попео. Њи десетъ числомъ подьу горе. Драголюбъ видетьи ихъ идуштье, упопреби средсшво заплашиши и, и расперапи. Абіе свое одѣяніе скине, у бѣло покрывало увіе се, и предъ њи изидье. Овіи видетьи нешшо бело, еданъ другогъ шша шо може быши, вопрошаваше. Драголюбъ рогъ пунъ поквашена баруша упали, и цело зданіе освешла. Пасширы полумршви доле побѣгну.

Сушра данъ промчи гласъ да е зданіе ош' њіови Прародишеля сазидано, ош' духова, преобладано. Да у нѣму едно чудовище обишава, кое испервa као конь рже, а после у човека прешвара се, и вашру просипа. Предъ вече множесшво люди скуписе, и подалеко сшоешьи ожидаваше часъ видѣнія. Драголюбъ видетьи множесшво народа сакуплѣно, іощь се болѣ приушошови. Ош' воска и лоя, кои пасшыри шу заборавили бяху, начини много свешьа вошшани и лояни. Око полношьи вешь сви несшерпѣливи бяху, мислешьи да се нишша показапи нешье. Но внезапу на верху увиде у зданію свешлосшь, мало зашымъ осамъ сводова, кои іощь цели бяху, освешлѣни. Пошомъ указа се едно сущесшво у беломъ одѣянію, у едной руцы држаше машалу, у другой шшаку, коіомъ мааюшьи, на све сшране вашру, разсипаше. На конецъ свешлосшь изчезне, машала угасисе, Шшака вашру просипапи пресшане, само волшебно сущесшво когъ лице као жеравица свѣшло, и блисшашелно бяше, горе и доле, проодаше.

Но

Но и ово изчезне, и све утишасе. Люди видепьи шо ужасно позорище, шрепепа и ужаса полни, разбѣгну се.

Зилошъ съ несперпѣніемъ ожидаваше да Драголюбъ додье, и воде донесе; еръ му жедь презѣлно прси распаляваше. Драголюбъ идушьи са свепьомъ насмее се и рекне: како ши се допада ова шала?

Зилошъ. Донеси ми мало воде, пакъ ме онда пипай шшо ши е драго. Драголюбъ сидье доле, обаче нигди воде напьи ніе могао. Велблуди (камиле) коньи, и козе научене у развалинами нопьиваши, побѣгну оп' спада, и шу у зидине додьу, и легну. *Драголюбъ* ухваши едну козу, опведе ю горе, и *Зилошу* млека намузе. Зилошъ колико се млека напіо, абіе му болесши оплагшано буде. У юшру за укрочапи козу, *Драголюбъ* іой даде соли, и шада ю оппусши. Она пасушьи, на еданпушъ оп' спада побѣгне, и у развалине оппиде, и шако на солъ намамлѣна выше крапи на данъ къ Зилошу и Драголюбу долазаше. Пасшыри се уплаше, мислепьи да шьею имъ све козе засушипи попому, шшо коза свагда измужена доле силазаше, и запо своя спада оппудъ операю.

Зилошъ са свимъ почши оздравіо бяше, и запо заключено буде слѣдуюпьегъ дна попьи. Но кажи ми молимъ ше, рекне Зилошъ, како си ша спрашилища правіо, и какоси се пому досепіо?

Дра-

Драгол. У свакомъ случаю треба присуспвіе духа имаши. — Да тога ніе было, мы бы ухвапьени, и у Робство опведени были. Како самъ шо правіо, ево садъ шьу ши казаши. Горе има іощь неколико цели сводова, у коима самъ я свепье упаліо. Мало запымъ узмемъ бело покрывало и покажемъ се, држепьи велику свепьу, а у другой руцы имаюпьи шпаку, кою самъ издубіо, сумпоромъ, барупомъ, и испученимъ углѣномъ напуніо, и упаліо, — Ове вещи овлажене нису могле на еданпупъ препланупи, но мааюпьи рукомъ на све спране вапру пако самъ разспао: да самъ се самъ чудіо какоми спварь намѣренію содѣйспвуе. — Кадъ су свепье погасиле се, *фосфоромъ* намазанъ у мраку блиспало ми е лице, кое е найвепье удивленіе людма причинило. Овако су видипъ браше волшебства, и нопьна чудовища произишла; еръ проспе люде свакій кои Фузику зна, очевидно ослепиши може. Ово шпо самъ я садъ чиніо, мале не е важноспи; обаче има Фузически спвари, коима люди даню у недоумѣніе приведени быши могу, а нарочно нопьу, *Оптіческе* хипроспи човека преварипи могу.

За ово кое самъ овде чиніо, предъ Богомъ повиненъ есамъ; еръ оп' садъ, до конечногъ разоренія зданія овогъ, овде спопа человѣческа приближипи се неше, швердо вѣруюпьи да духови у нѣму обышаваю; Обаче шо самъ быо принужденъ чинипи, иначе Богъ зна шпа бы съ нами приключило се.

Слѣ-

Слѣдуютьи данъ подьу. Путуютьи додьу у *Сѵрски* Градъ *Антіохію*. Ту се неколико дана позабаве, гледаютьи различне древности Христіановъ, а тымъ выше у извидѣнію разны ствари любопитны бяху, што су послѣдовательи Христови име Христіанства у нѣму добили. — Затымъ отиду у *Дамаскъ* а оттудъ у землю обѣтовану, Градъ *Іерусалимъ*. Овде Драголюбъ свята мѣста посѣтивши, всеусердными молитвами Божію благость призываше, да нѣговымъ страданіяма конацъ учини. Слѣдуютьи данъ, отиду на поклоненіе и цѣлованіе святе деснице, мѣстномъ Патріарху, кои ихъ е усердно приміо.

Баветьимъ имъ се ту дванайстъ дана, едне неделѣ обое бывши у Цркви, моляху Бога вышнѣга да имъ путъ, и намѣреніе благослови, и тако аки утѣшени, после Божественногъ служенія, далѣ подьу.

Прешедши *Сѵрію* додьу у *Месопотамію*. Прелазетьи села, и Градове, зауставе се у Граду *Мозулъ* лежетьемъ при рѣки *Тігри*, у комъ три дана проведу, а четверти предъ вече подьу изъ Града, продолжаваютьи путешествіе. Сунце веть на западу бяше, зато овіи совѣтовати се почну, да гди годь прибѣжища за ову ноть траже. Говоретьимъ имъ, *Зилотъ* увиди недалеко стояще нѣко старо зданіе, къ комъ се садъ упуше. Пришедши тамо, виду древность, съ едне стране развалѣну, но часть на коіой кула бяше, іощь цела и крепка стояше. Овде у заклону подъ

еднымъ

еднымъ сводомъ седећьи разговараху се. Возсіявшу месецу, превелика шишина царствоваше, само по гдикоя ношьна пшыца древно облећаюшьи зданіе, цвркуташе. Драголюбъ замишлћнъ преклони главу на зидине, и уздисаюшьи плачевно ове изговори речи: Жалосши моя! и горко сшраданіе, када шьешъ се окончаши, и оплагшанћ момъ прискорбномъ срцу, причиниши. — На еданпушъ чую оніи гласъ на высини куле, зашо умолчаю за искусиши, шко шу обишава. Песма е ова была:

Несрећна самъ овогъ Свећа
Ахъ я дћвица!
Ер' проводимъ млада лћша,
Безъ могъ Любимца.

Усамлћна зашворена,
Сузе проливамъ,
И невинно зароблћна
Бога призывамъ.

Прецвећашье моя младосшь
У шой шяготи;
Прашишье ме шуга жалосшь,
До мое смерши!

Гди

Гди си Драгій! да ме видишъ
Твою Любезну,
Гди си ахъ! садъ да избавишъ,
Мене нещастну.

Драголюбе! послушай ме
Садъ изъ далека!
И изъ руку избавиме,
Беззаконика.

Драголюбъ слушаюпьи, позна гласъ свое Любезне; обаче показапи се ніе хопѣо, боепьи се: да она презѣлно радоспна, доле не скочи. Но промѣненимъ гласомъ ю вопроси: *тко си? и есили Христіанка?*

Любица. Есамъ мили браше! запо милосердспвуй о мени, избавиме овогъ започенія.

Драгол. Моя бы се душа радовала, кадъ бы ше избавипи могао; обаче ужепа немамъ.

Любица. Скини узде съ швогъ коня, и надвежи едну о другу, пакъ ми горе бацы, я шьу се спуспиши.

Драголюбъ шо учини, кшому и еданъ чаршавъ издере, и исплепе, и шако іой бацы. Она еданъ край запрозоръ куле веже, а други доле пусши, и шако съ превелике высине срепно на землю спусши се. Колико е ногомъ на землю ступила, Драголюбъ ю у обяшія пригрли, и любляше іой бѣло лице.

Лю-

Любица. Тко си Христіанине? остави ме! — шта самномъ творити намѣраваш?

Драгол. Ахъ сладка моя душо! — Зарь твогъ любезногъ непознаешъ?

Любица погледавши му лице, немогаше га прошьу месечине познати, ербо се у два лѣта весма измену. *Тко си? я те непознаемъ.*

Драгол. Како непознаешъ оногъ, когъ си мало пре пѣваюшьи споминяла.

Любица по чуюшьи, падне му на прси, ахъ! Драголюбе заръ си шы? Боже! — дай ми садъ спокоянъ часъ издиханія, — *падне у несвесть.*

Драгол. Любице! сладка моя Любице! — поврати се, — погледай ме твога Драголюба, — немой ме повторително у несрешьу бацати, — отвори свѣтлости полне очи твое, и обрати твой умилни взорь, — душо Любице! — драга Любице, — ахъ Боже!, — Боже всемилостиви погледайме, — умилостиви се на мене, — недай іой у момъ наручію умрети! —

Она затымъ мало поврати се, и любешьи Драголюба, радостне проливаше сузе. — Боже! — Драгій! — цѣли свѣте, — цѣло Божіе созданіе, почувствуй ову мою садашню радость, — О! сладка шамна ношьи! ши си ми се у свѣтли променула данъ, — Сребрни Месецу, шы си ми злашносіяюшье сунце, — прискорбна моя жалосте, ево си ми величайшу овогъ свеша проузроковала радость. —

Дра-

Драгій, — вѣрный! — мили мой Драголюбе, — ты, ты, си ме тражіо, — мене ради страданія подносіо, — ты, ахъ ты ме и робства и насилія избави! — О сладки мой избавителю! ево ме, — я се теби аки вѣчна робкиня предаемъ, ерси ти прави Обладатель, и прилјажатель могъ срца, — ланцы, кои су ме кшеби привезали, нигда се прекинуши немогу, — ахъ я самъ срећна, — управъ срећна, — и найсрећніа на овоме свету. —

После презѣлногъ восхищенія, когъ величину, и силу себи свакій у овакови случаеви представиши може, сѣдну на зелену траву, и радостнымъ гласомъ грлећьи се, Любица ову оппева песмицу:

Благодатногъ сунца зрацы,
С' выше озарище,
Срце мое у тамницы,
Данасъ посѣтише!

Кое давно запворено
Помоћьи искаше,
Сваке радости лишено
Бѣдно уздисаше.

Све е тамно и ужасно,
Око мене было,
Ахъ! и нещастіе силно,
Гонић' ме обвикло.

Но

Но я данасъ скидамъ ланацъ,
Моегъ злощастія,
И на главу дижемъ вѣнецъ
Благополучія.

Отъ данасъ шьу дне веселе,
Почетни брояшти,
Лyре мое изумерле
Жице зашегнушти.

Ер' ми помошь данасъ съ выше,
От' Неба низходи,
Изумерли духъ мой дише,
Творцу слава буди.

Колико е песму окончала, Драголюбъ загрливши ю, нѣной радости соопвѣшспвующьи, ово пѣваше:

Благій шворче! шеби хвала
На великой милости,
Коя ме е утѣшила,
У сердечной жалости.

Препрплѣне мое страсти,
Я шьу заборавити;
Ер' шьу съ Драгомъ вѣнацъ плести,
И на главу влагати.

О-

Овогъ Света сва самъ блага,
Сего часа добіо,
Кадъ самъ тебе мила Драга
Я очима видіо.

Благо мени, благо теби,
Сладка моя Любице!
Ер' намъ сердце нема скорби,
Нит' сѣтуе лице.

Зато Драга загрли ме
Драголюба твоега,
И полюбцемъ увѣри ме.
Даси серца вѣрнога.

Радости полно восхищеніе ньиовогъ гласа, распространи се далеко, кое е причинило: да су пустаіе чули, и на ньи наишли; Драголюба и Зилота о дрво везали, конѣ имъ отели, а Любицу насилно, собомъ отвели. Драголюбе! сладкій Драголюбе! не дай ме! — избави ме, — ахъ! свѣте мой, истергни ме изъ руку овіи безбожника, викаше она, и тако врискаютьи бѣдна Любица, отведена буде, — Драголюбову пакъ скорбъ описивати ніе нуждно, ербо свакій нѣгово жалостно станѣ себи живо вообразити може.

Бѣдніи обое везани, целу ноть за помотъ викаху, обаче нитко ихъ чути ніе могао.

Су-

Сутра данъ юноша еданъ пролазетьи онуда, отрешй имъ руке, кое почти поцрниле бяху потому: што су здраво везане и стегнуте быле.

Драголюбу внутренѣ неко чувство совѣтоваше у *Африку* потьи. А дабы скоро прилику добили, подьу у Градъ *Стѵрну*, у комъ се изъ свію части свѣта терговаца, наодьаше. Путуютьимъ имъ едногъ вечера касно додьу у неко огражденіе, кое краснѣйши предѣлъ у себи содержаваше. Съ едне стране у окружію брегъ, а от' друге брзо текутьа рѣка *Пурзакъ*, оградомъ бяше. У той огради, шума, ливада, вотьняцы, вертови, и ньиве бяху. Ово мора какови велики мужъ притяжавати рекне Драголюбъ, ту онъ свою забаву и увеселеніе, наоди. Дай дасе склонимо за пренотьити, и тако преко брега се доле спусте у равнину. Месецъ тако е светліо: да су овіи све као у дну прегледати могли. Ходаютьи по верту надьу едно велико дрво, подъ коимъ зелена трава повелика бяше, ту они сѣдну отмарати се. Зилотъ после дугогъ молчанія, овако почне Драголюбу говорити: Ты ми ниси сказао, коя е она, кою смо изъ куле избавили, и зашто си ю любіо и грліо?

Драгол. Я самъ у ню веть три године залюбленъ, судбина ми ю пре два лѣта отела, кою садъ онде, нечаянно надьо, незнаютьи: тко ю ту у заточеніе постави. Нисамъ момъ срцу доволно ни задовольіо, несретьа ме о-

петъ

петъ посѣти: да ю ахъ садъ можда на вѣки изгубимъ.

Зилотъ. Зашто ми тако на кратко казуемъ, а не обширно?

Драгол. Остави ме, садъ ми е серце раняво. Бытье време кадъ тьу ти преповедити. Но ты кадъ бы ме о твомъ известіо отечеству, весма бы се радовао.

Зилотъ. Я самъ родьенъ у Цариграду, мой Родитель полазетьи изъ свогъ Отечества у *Сербію*, мене свомъ единоутробномъ брату преда, на воспитаніе. Строго поступанѣ мое стрине, до тогъ ме е довело, да самъ напослѣдакъ принужданъ быо, побетьи. Надьемъ удобну прилику до острова *Кѵпра*, и ту останемъ кодъ едногъ богатогъ трговца, кои ме за сына, и свогъ Наслѣдника прими, неразликуютьи ме ни найманѣ, от' свое едине ктьери. Жена нѣгова безстыдна, и скотски похотлива, умисли мене двадесетолѣтна младитьа, своимъ любодѣйцемъ учинити. Съ начала судіо самъ да ме она, као Мати чадо люби, зато самъ трудіо се ньой, мое повиновеніе сугубо отдаваши. Едногъ вечера, отсуствуютьу момъ Благодѣтелю, она къ мени додье, хитрости, и остроумногъ лукавства полна разговоръ изъ далека наводетьи, совѣтоваше ми: да ако овогъ Шастія, кое уживамъ до смерти участникомъ быти желимъ, тако совѣту нѣномъ да слѣдуемъ. Я самъ рече, у тебе залюблѣна, а ты ако си разуманъ, знатьешъ ово цѣнити.

Ко-

Колико садъ свака добра уживашъ, уполико шьешъ выше; ако ми швою любовь обешьашъ, уживаши Тышьешъ повелишелѣмъ, целогъ нашегъ имѣнія посшаши, и све шшо само помислишъ, у изобилію имаши. Я видешьи, да она шалу непроводи, едномъ іой рекнемъ: драга мамице! да вамъ е сшыдно шаково шшо и помислиши, коль ми паче, мене грешно прошьу васъ деше, безчесшномъ посшупку поощраваши. Ваша бы дужносшь была, мене ошъ шакови дѣла храниши, а не на оно шшо е иредъ Богомъ мрзско, уму и помишленію скаредно, наводиши, — зашо вамь кажемъ да ме се осшавише; ер' акошьу свега шшо уживамъ лишиши се, іошь ме кшому, приволени нешьене. Дѣвсшва могъ невинносшь, за десешъ вашй имѣнія небы промѣніо, ни нарушіо. Она се засшиди, и ошиде. Ово ме обрадуе, мислешьи: да ми выше нешье досадьиваши. После неколико дана, хошешьемъ ми къ сну ошходиши, додье служавка, и овако ми почне говориши: Госпожа Домашьица, намѣрна е вамъ едно пишье даши, за мошьи васъ безчинію приволеши. Вы обаче ни у руке шо непримайше, ако себи добра желише. А мене коя вамъ младосшь ценишъ неиздайше. Мало зашымъ ешо ши ми домашьице, у краснѣйшемъ Одѣянію обучене. Милый Зилоше! рекше она, есшесшва испишашельи кажу, да шье овогъ лѣша многе ужасне болесши у нашой земли царсшвоваши; за предохраниши ше оп' зла, совѣшовали су ми ово пишье,

здра-

здравля ради, да ти испиши дамъ. Я іой нашо одговоримъ: Ако ме Божія десница отъ зла несохрани, ово заиспа нешье. Я то пиши нешьу, башъ акошьу овогъ часа умреши. Она ме моляше, и да піемъ нагоняваше, обаче всуе. На конецъ видешьи да ме ошнюдъ принудити неможе, седне поредъ мене, и блудническки ласкаюшьи раздраживаше ме. — Я самъ ю моліо, да отъ своегъ предпріяшія преспане, она іошь выше воспалѣна, силомъ ме нагоняваши почне; на кое се разгнѣвимъ, и свакояко псуюшьи ю, наполѣ побегнемъ, претешьи іой: да шьу све нѣномъ мужу, ошкрыши. Она боешьисе да то неучинимъ, супра данъ ошиде у близу находешье се село, у комь мой Благодѣй свои послова ради, неколико дана задржаваше се, и обшужи ме нѣму да самъ я у нѣговомъ ошсуспівію съ ньомъ хошѣо насиліе употребиши, и ню да мужа своегъ опруе, наговарао. — Онъ ньой, наравно као сваки човекъ своіои жены веруюшьи, пошлѣ ми писмо, да се ни часа у нѣговомъ дому незадржимъ, но абіе ошидемъ придодаваюшьи и то: да изговора и правданя, башъ да самъ найправедніи, примиши нешье. Кадъ е шако помислимъ у себи, дай да идемъ, — и шако оскорблѣнъ подьемъ. Имаюшьи, у *Асію* ипи намѣряющу, Галію, приявимъ се Началнику, и замолимъ га да ме поведе. Онъ ме прими, но неимаюшьи за подвозь плашиши му, онъ ме, кад' смо се извезли, едномъ Аравлянину прода. Онай ме пакъ препрода ономъ, кои

е и шебе заробіо, и ош' когъ смо садъ побегли.

Драгол. Боже мой! свакояки созданія медьу людма има. Ево у правды, и невиноспи, морао си због едне безспыдне женщине, спрадапи. Даси хпео съ ньомъ безчинспвовапи, шы бы данасъ щаспніи быо; обаче *право имашъ, што твое здравлъ, и чистоту, хранишъ! — Све си ты тога ради богатъ, и све нетьешъ пропасти. Богъ всемилостивый, нетье насъ заборавити!* —

Зашымъ успану, и подьу проодапи, и извидипи благоуредьенъ верш. Пролазешьи крозь вопьнакъ додьу у подбрежіе, гди изъ каменише спѣне, узвышено, вода испицаше. Не далеко на спраны видьаше се светлостъ у едной каменпной пещери, коіой кадъ се приближе, чую пѣснъ. Шпа е ово? рекше Драголюбъ, айдемо далѣ. Зилошъ успрашенъ нехше далѣ ишьи; обаче овай га охрабри, да се духова небои, и да шакови на свешу нема, — Пришедши предъ пещеру, виде у ньой капелицу, у коіой су шесшь свешье на пресполу шихо гореле. У среды сшояше сѣдинами украшенъ Свящепикъ, за ньимъ бяху два мужеска, шри женска лица, и пепоро деце. Драголюбъ позна да се шу бдѣніе совершава, и запо понуди Зилоша ушьи, и помолиписе Богу. Тое управъ у очи *Дуова* было.

Свящепикъ видепьи ове спранне, недоумѣваше незнаюшьи, ош' кудъ су онїи шу дошли, Пышапи и ніе хшео, но продолжа-

ваше свое молебно служеніе. После бдѣнія узме и сіпарина за руке, и собомъ у домъ опведе, кои на среди верпа сіпояше. Пришедшымъ имъ у домъ, Домувладика понуди и сесіпи, и самъ съ ньима поредъ трапезе сѣдшій, съ целомъ Фамиліомъ вечерапи почне. По вечери спарацъ узме чашу съ віномъ, и піяше за здравлѣ свои госпію. Запымъ ихъ вопроси: оп куда су? и како су пу дошли?

Драгол. Мы смо Европейцы, оп' пустаія ухвапьени, и Аравляномъ продапи, изъ коихъ робспва Божія десница насъ избавила, и бѣгаюпье случайно овамо довела.

Священ. Благодаримъ Богу кои васъ е освободіо. Само да вы небудепе какова зла учинили.

Драгол. Мы добродѣтели слѣдующьи спрадамо, и дасмо безчинспвовапи хопѣли, болѣ бы щаспіе имали.

Священ. Тако и треба. Лепа е спварь чрезь добродѣтели спраданія подносипи, коя на конецъ венацъ приносе. — А зла пворипельи, за време добра уживаю, обаче после кадъ се безчинспво ньіово опкрые, каква и наплапа чека, саміи знапе. Я васъ разговоромъ задржавапи непьу, супрапьемо имапи времена, доволно за разговоръ.

Супра данъ свящепикъ, велике шеплопе ради, за рана е свршіо Божеспвенну служ-
бу. После Богослуженія подье са госпима, проодапи по верпу. Ово ми е верпоградъ, говораше онъ. Оно е вопьнякъ. Тамо віноградъ,

она-

онамо ливада, а на краю њива. Целый просторъ съ едне стране брегъ шумомъ покривенъ окружава, а съ друге рѣка заграду дае. Овде я непрестанно съ моимъ домочадцыма, т. е. супругомъ, двомъ сыновма, снаяма, и пепоро унучадма, спокоино и задоволно живимъ. Све, кое овде видите, мы сами обдѣлавамо, и наши трудова плодове собираюћи, уживамо. Само стадо што непасемо, кое смо едномъ Овчару предали, а въ прочемъ све сами радимо. Њива намъ дае у изобилію жита, виноградъ изрядна вина, ливада сена, воћњяцы плода, овцы млеко, сиръ, и масло, а вуну снае преду и чою за одѣло, шкаю. Кошнице намъ даю меда и воска, от' кога свеће правимо. Упостнымъ временама, имамо доволно рыбе, и пріятни рака. Благодареніе Богу мы немамо нужде от' кога искати, но ако е кому потреба, спомоществуемо.

За тымъ отиду обѣдовати, а после обѣда сви собрани, додьу у едну лиспвенну сѣницу, гди священикъ на низскомъ четвероуголномъ камену седећи, овако говорити почне: „Любезніи Сынови! и Госпи мои! кодъ „мене е обычно свакогъ праздничногъ дна домаће мое сакупити, чтеніемъ полезни книжица, и преповеданѣмъ нравоучителни пре„повѣдчица, науку подаваюћи, забавляти „се. Да намъ небуде тяготно мой разговоръ „и совѣтъ послушати, кои вашемъ младомъ „Серцу велику ползу принети може. —

Прошавше неделѣ говорили смо о Добродѣтели вообще, а данасъ тьемо говорити по частемъ, а тое прво:

Разумно Предразсуждение.

Ова добродѣтель, юности нарочно препоручена быти мора, коя своіомъ недозрѣлостію, лишена искуства, лагко съ пупа добродѣтели поклизнути може. Зато юносте любима! погледай на глубину душевни своиства, и промисли разумно, зашто си на овай свепъ позвана! — Испитай свое способности, и силу дѣйствія, — Промишлявай о твомъ стаю, и нѣговомъ окружію, и погледай на границу твое дужности. — Тай испытъ, руководитье те у свимъ предпріятіяма, и окрепностемъ. — Нигда ни очемъ пре неговори, докъ твою речь неиспыташъ, и ни едно непредузимай, докъ слѣдствія, коя оштудъ произитьи могу, непромотришъ. — *Разсуждение е дверъ безопасности, нѣгове су речи истине: и руководство ово води къ Цѣли, опредѣленомъ концу.*

Благоразуміе.

Свакій разуманъ човекъ, акое найспособніи, оп' найпросшіегъ невѣже, больимъ быши, себе невмѣнява. Онъ непрпи суесловія, и излишества; но свагда и ономъ што е добро, и поспояно, мудрствуе. Оваковымъ мудримъ

дримъ мужевомъ послѣдуйте дечице моя, ако желите да достоини имена человѣческогъ, будете. — Све дужности естественногъ и гражданскогъ закона, съ охотомъ исполнявайте. И ако шо све у полной мѣры исполнили будете, и притомъ примѣтите да вамъ свет похвалу воздае, шада вы себе овымъ непревозносите знаюшьи: да нисте ништа више учинили, него оно, што сте по закону дужни были, исполнити. — Гнусно е видити човека неразумна, или болѣ речьи малоумна, кои за наимань учинѣно добро, похвалу ише. О! съ каквимъ несперпѣніемъ очи на све стране баца, за увидити: видели люди нѣгову способность, и похвалююли му вѣжество, или благодѣяніе кое е учиніо. Таковій найвешьу радость чувствује, кадъ чуе дасе нѣкіи, нѣговомъ высокоученію диве! —? Упозна ли, да люди добро мнѣніе о нѣму имаю, абіе се у нѣму радна гордость, коя му душу и шѣло сасвимъ опруе. — Гордостію дишуши починѣ о себи высоко мислити, проче люде за ништо вмѣнявати. Главу свою гордо, до Небеса подижуши, ходи, докъ на последку упропастъ непадне.

Тога ради сынови благоразумніи у свимъ вашымъ поступцыма и предпріяшіяма, будите, имѣніе праведнимъ начиномъ себи прибавляйте, и шакова шедите; обаче ваше шеденѣ, да васъ сребролюбію, и гнусной пврдости непобуди. — Избѣгавайте излишества, да вамъ домъ непострада, ербо е печално

чално видити, какосу многіи збогъ излишества, у крайню оскудость пали. — У обхожденію съ людма потребно е такодье *благоразуміе*. О човеку нетреба худо понятіе водити, гледаютьи му ходъ, и погледъ. Обаче ни повѣреніе нетреба у свакомъ имати, пре нежели га познамо. Искусйшъ ли га, и увѣришъ ли се да честность, и искренность, у своіой души притяжава, а ты га на срце као най драгоцѣнніе сокровище положи, — и цѣни га као свою душу.

Непропущай нигда оно данасъ, што сутра изгубити можешъ. — Неоставляй се на случай, кои бы могао промотреніемъ твоимъ, на болѣ обратити. — Настояще време, неотлагай за будуще, еръ данъ незна, шта ноть собомъ принети може. — Случава се, да неразуманъ и непромотривъ човекъ сретніе дне, нежели благоразуманъ ужива, обаче примѣтити треба: да неразсуданъ ніе свагда сретьанъ, нити разуманъ свагда несретьанъ. — Неразуманъ нигда ніе свою сретьу постояно приобрѣо, но ни благоразуманъ ако е и несретьанъ, конечно несретнымъ постао ніе. Првому сретьу случаю, а несретьу нѣговомъ неразсужденію восписати можемо, благоразумномъ вопреки несретьу случаю, а благополучіе нѣговой благоразсудности и способности.

Постоянство или Непоколебимость духа.

Нема ништа горе на свету от' човека непостояна! — Овакови люди велика зла у обще-

ществамъ причињяваю. — *Непостоянъ* данасъ съ еднимъ човекомъ неописано пріятельство води, супра га видишь помешана медьу онымa, пропивъ кои е найгоре роппао! — „Данасъ човеку поводъ пропивъ другога што говорипи, а супра е вепь све ономъ принео, и подказао! —?“ Садъ предузима ова и она дѣла, мало за тымъ заборавіо ова, и предузима друга „ — Данасъ обриче ово или оно дапи, и учинипи, а супра се оп' пога невещь чини, — и проча „ Тако саміи видиши можепе, како е ово гнусанъ Харакперъ, — и да оваковъ непоспоянъ човекъ, опасноспь, лажь, несогласіе, и медьуусобну *брань* причинипи може.“

Запо се сынови! оружайпе пропивъ овогъ худогъ и гнусногъ обычая, іощь садъ, у вашемъ благопопребномъ времену, пакъ пьепе способни быши, све непогоде, у живопу, мужествеппымъ духомъ поднесши. Постоянъ човекъ неменя пріятелѣ, — неговори данасъ едно, а супра друго. — Оно шпо каже и обепьа, преба му вѣровапи, и сваку паину поуздано вовѣриши, можемо, ербо пье она у нѣму аки у земли закопана, сохранѣна быши. — Таковъ човекъ све непогоде, и найпежа приключенія, перпѣливо съ великодушіемъ сноси, ако пье и у найвепьой нужди быши, іощь га неможе ништко на зло навесши. Непоколебимъ духъ нѣговъ презире сва свирѣпспва и непоспоянспва щасшія. Ништа великодушіе нѣгово у-

нич-

ничшожити може. — Онъ ако благополучіе ужива, ни найманѣ се на оно неоснива, и знаюшьи нѣгово непосшоянсшво, свакіи часъ е гошовъ волненіямъ щасшія човеческогъ, мужесшвенно прошивосшаши. Ако га опасносшь ошъ свію сшрана окружава, нѣгова га непоколебимосшь ушѣшава. Спокоинимъ духомъ на све неугодносши живоша ополчава се, и посшоянно гошовъ е, за добродѣшель умреши. Поводливъ, и непосшоянъ духъ подобанъ е шрски, кою свакій вешрипшь на свою сшрану віе. Овакови люди, аки причинишеля многіи зла, избѣгаваши шреба, колико е годь могушье.

Трудолюбіе.

Трудолюбіе свакогъ украшава, и многимъ благомъ награждава. — Ко жели примѣръ шрудолюбія видиши, некъ посмошри мале мраве, и шрудолюбне пчелице. — Трудолюбывомъ човеку свагда е време ползоваши се, а лѣнивцу свагда поздно. Овой добродѣшели навикните дѣчице моя! ербо само насшояще време у вашой власши извѣсшно сшои, слѣдующьи данъ вешь е нейзвѣсшанъ. Ко годъ жели да му радиши ніе шешко, овой добродѣшели шреба да навикне. Заисша гнусно е видиши човека леня, а припомъ здрава и яка. Свакій шрудолюбанъ на лѣнивца мрзи, као наигоре на свешу. — Трудолюбанъ рано усшае, послове свое съ охошомъ исполнява, неусипнымъ шрудомъ

домъ себи имѣніе прибавля, а то творешьи свое шѣло крѣпи, и здравлѣ, найдрагоцѣнніе сокровище возобновлява. А лѣниваць найлепше време живоша успаваню, и безчиннію проводи, а сошымъ здравлѣ рушй, и слаби, душевна дарованія зашуплява, и помрачава. Нѣму е време дуго, и самъ живопъ несносанъ. Лѣность му радьа и оскудосшь, лишаваюшьи га онога, шшо чесшніи люди у живаю. — Наученъ добро есши, пиши, и лепо се носиши, а мрзи га радиши, шша му друго присшои чиниши? развѣ да превари, опше и украде. —! Блаженъ и похвале досшоянъ онай, кои не само цели живошъ у упражненію проводи, но и друге кшому упущьуе, возбуждава, и поощрава.

Ревносшь и Подражаніе.

Све шшо чесшно, добро, и полезно у другомъ примѣшимо, незакоснено подражавши намъ присшои. Сшаръ ако у младиньу шшо добро примѣши, да се несшиди, оно примиши: А младишь шшо годь полезно и поучшелно у сшаріемъ види, да незакосни подобно учиниши. — Свакій у свомъ званію и досшоинсшву дужанъ е средсшва да превосходнымъ посшане, употребляваши. Усилявайше се чада моя! да себе съ первыма споредише. Недозволявайше никому пушъ благоразумія превозиши. Незавидише шудьой заслуги, но сшарайшесе ню придобиши, а и превосхо-

ходити; обаче свагда путемъ честнымъ, безъ трудьегъ увређенія. Соревнованіе и подражаніе у добродѣтели воспалює у нашымъ прсима благородни Огань, кои насъ возвысити и прославити може. Свагда е было, а и у настоящемъ вѣку доволно има у нашемъ окружію добродѣтелни люди, коима мы подражавати одолжавамо се.

Умѣреность.

Кадъ у здравомъ тѣлу здрава и спокойна душа обытава, тада е човекъ своіой срећьи колико близу, колико смертни на земли получити могу.

Ако су ти сыне човечески, ова два највећьа добра поклонѣна, а ты ньи као највећье сокровище, и свящыню храни. У свакомъ смыслу умѣреность, човеку велику приноси ползу. — Она има само едно наймиліе чадо, комъ на лицу ружична боя, а изъ очію живость блиста. Хитро скороподвижно му е тѣло, свагда е весело, и радости полно. *А како се именує то умѣрености чадо?* зовесе мило здравлѣ а сестра му е трудолюбіе. —

Здрави люди по већьой части по сели, пустыняма, и у горамъ живу. Оніи су свагда крѣпкіи, и живости полніи. — Трудолюбіе ньи увеселява, и оживлява, свое страсти обуздати за главну дужность почитую, а непрестанно радити: сладчайше имъ е упражніе. — Умѣрени су и зато су здрави, и спокойни

койни. Санъ имъ е кратакъ обаче миранъ, и пріятанъ. Крвь имъ е чиста, душевна дарованія трезвена и ведра, зато за болестъ и незнаю! —

Садъ видите дѣцо моя! да умѣреность, здравлѣ радьа, слѣдователно сви здравіи, сынови су похвалне умѣрености.

Задоволство.

Цареви и земледержцы ако задоволствомъ увѣнчани нису, сретніи се назвати немогу. — Еданъ овце пасушьи сиромахъ, своимъ задоволствомъ Ѳронове Царства притяжава. — Нитко на судбину да нероптa, нити излишества, и оно што поститьи неможе, пожели. Онай кои вели: да самъ богатъ, или силанъ или у власти, я бы сретьанъ быо, тай се у свомъ мѣнію вара. — Свако званіе и достоинство има свое тяжести, и непогоде. — А сиромахъ нечувствуе незадоволность и нестерпѣніе, кое богатирца мучи. Време му ніе несносно, негризе се внутренѣ, што е овай или онай на ветье достоинство поступіо, или богатства задобіо. О свемъ томъ онъ ништа незнаютьи мисли: да е онъ несретьанъ зато, што е сирома. — Незавидите чада! сѣнки подобномъ Щастію другога, кое само повиду сретьомъ быти чинисе. Колико брига и безпокойства еданъ богатый у свомъ срцу има, човекъ почти себи представити неможе; зато е зло варати себе прелестномъ сретьомъ. Най-

ветье

вешье благополучіе у томъ се состои: кадъ е човекъ съ онимъ, шшо има, задоволянъ. Задоволномъ човеку, неизброена блага благосшь Божія подае. Редакъ е обаче онай, кои овомъ вѣруе, и чувсшвуе. Тако видиши могли сше, да срешьа не у богашсшву, чесши, и досшоинсшву, но у задоволсшву сосшоисе.

Воздержаніе.

Ово е найвешьегъ примѣчанія досшойно, зашо *Юности* нарочно препоручено быши мора. — Свако живошно, има опредѣлено време, у комъ смѣшеніе порода ради има. Човекъ обаче іошь у крайнѣй младосши, испупленія починѣ швориши. — У Юношескимъ годинама, шреба сокъ собираши, кои шье шѣлу крѣпосши даши, и живошъ продужиши. — Но жалосшно самъ могао многе младишье видиши; кои іошь у пешнайсшой своіой години, самоубіице посшадоше! — Шша добра, и невинна младишьа развращиши може, садъ шьу вамъ казаши. Младишьа, ништа шако съ пуша чесшносши опвращиши неможе, *као зло и развратно друштво!* — „Оно шье га свакомъ злу; *скитньи*, *безобразлуку*, *любодѣйству*, *лажи*, *крадьи*, *и піянству*, научиши. Едно ошъ найвешьи зала, и почши неисправими порока, есшь *Піянство* коимъ ако младишь окалянъ буде, у правомъ смислу несрешнымъ именоваши се може. Піянсшво неизброена зла радьа. Піянъ човекъ себе на сваца склони-

ши

ти дае, и къ свачему е готовъ. Онъ тье украсти, упалити, и свако, кое човекъ себи представити може, зло, учинити. — Благообразна и стидлива младитьа, когъ ни злочестиво друштво блудодѣйству приволети ніе могло; віно тье благообразіе и стидъ нѣговъ обезобразити, и тако тье свой дѣвственически венацъ у найлептой младости, нарушити!" — Окуси ли онъ еданпутъ отровный плодъ, то тье онъ покусити се и другій путъ учинити, и тако на конецъ тому навикнувши, у найветье невоздержаніе пасти буде. — Младъ, пунъ недозрѣлости, незна, ниши види бѣдна слѣдствія коя се отудъ радьаю. Онъ слѣдуютьи краткотраютьемъ сладострастію, не сматра на смертоносна зла, коя на нѣга съ отворенымъ челюстыма, зіяю. — Непрепознае онъ, да похотливость безчестне болести наноси. От' кои ако се и излечи, свагда му до конца живота досаду, и разне болести причиняваю. — Слепъ кодъ очію, незна, шта іощь, кромѣ овогъ бѣдно невоздержаніе радьа: сирѣчь *слабость тѣлесну*, коя от' дна на данъ све ветьа и ветьа, быва. — Зрачна свѣтлость нѣгови очію тавни, и видъ изчезава — ружична боя лица вене, и бледи — тѣло опада — и суши се! — а душевна дарованія т. е. умъ затуплява и тако помрачава: да найспособніи, и найпроницателніи младить, глупимъ и тупимъ постае. — А зашто то быва? Зато, ербо е златно време, кое е на просвѣщеніе ума обратити требао,

бао, у лудость потрошіо. Оне драгоцѣнно сокове источіо. — Кои бы му да се воздержавао, крепость и здравіе дали!“ —

Кажите ми какавъ е онай цветъ, кои е пре нежели е процветао, внутренѣ црвомъ подгрыженъ? — ніе ли слабъ и увенутъ? — Тако и младить невоздержателанъ непрестанно вене и губисе; а кадъ бы найлепшій плодъ принети требао, нестане га. — Красну свою младость, и цветутьа лѣта земли предае!!! —

Благополучанъ е онай Младить, кои до свогъ совершенства отомъ ніе знао. Кои е сва нуждна за дугій животъ собрао, и приуготовіо. — Тай може содружесву человѣческомъ плоде принеши, ер' е устаню безъ свогъ вреда, другомъ животъ дати. — Онъ тье здрава чада имати, и ньи воспытана, за собомъ оставити. Но онай бѣдникъ, кои е блудодѣйствомъ — тѣло свое нарушіо и ослабіо, какавъ тье плодъ принети, свакій знати може. — Овай ако у бракъ ступи, и породи кое чадо, какво тье оно быти? — болно, и бледо — отцу свомъ подобно — кои кадъ бы найблагопотребніи быо за воспитати свою децу — умире, и сироте за собомъ оставля — супруга съ недорастломъ дечицомъ, ако іой имѣнія неостане, просити мора. —

Ево слѣдствія! ево плода ужасна! ево наплате невоздержанія! — И многа бы вамъ іощь имао говорити; но благообразіе ми недозволява. Обаче свакій комъ е животъ и здравлѣ

влѣ мило, доволно изъ овогъ краткогъ совѣта, научити се може.

Ова коя самъ до садъ говоріо, клоне се къ любови себи самомъ, садъ обаче за нуждно быти судимъ, и о любови къ нашымъ ближнымъ, говорити. Тако да видимо, шта смо прямо ньи дужни.

Богъ кои е іощь своимъ Апостоломъ взаимну любовь и братство препоручивао, жели, цео родъ човечески у миру и любови да живи; ербо у томъ право благополучіе общества состои се. *Хрістосъ* у кратко вели: *возлюбиши ближняго, яко самъ себе*, то пакъ овако треба разумѣти: Све оно што као зло себи нежелимо, другомъ да нечинимо, а желетьи себи многа добра, та и ближнымъ да творимо. О сретьи свакога да се радуемо, аки бы и мы тога участницы были, а то тье топрвь онда быти; ако мы будемо.

Правдолюбіе.

На правдолюбію, сретьа, миръ, и порядокъ содружества человѣческогъ, основана стои. Благополучно е оно общество, у коемъ ово свое владѣйство има. Гнусно е видити човека, кои на свогъ ближнѣгъ зато, што е от' нѣга больи, мрзи. Правдолюбывъ човекъ имѣніе и честъ свогъ ближнѣгъ, као свою сматра, а любовь съ ньимъ проводити, за свято почитуе. — У свимъ своимъ поступцыма правичанъ е. Свое брани, и чува, а тудье нежели. —

заслу-

Заслужену плапу наемника неукида — сиромаха и проспа невара — оп' слабогъ башъ да му се прилика подае, нешье ошепи. — У продаваню совѣспанъ е — клевепника кои на другогъ многа измишлява, спрого обличава, и да пре свое погрешке погледи, совѣшуе. Овасковъ правичанъ човекъ, не само да свакога искренно люби; но и онъ шѣмъ паче оп' свію любимъ и почишуемъ бышти, заслужуе.

Добротвореніе.

Ко е правдолюбывъ, онъ е и доброшворишеланъ. Овимъ венцемъ украшенъ човекъ, о спраданію ближнѣга соболѣзнуе, и по возможносши спомощесшвуе. Тай себи прибѣжище приготповлява, ако случаино и на нѣга непогодна буря нападне, да има гди припасши.

Чада! нигда у живошу гласъ плача непрезирайше, но сожалишелно сузу съ печалногъ лица, оширише. — Срца, да вамъ нису нечувспвишелна, видешьи невинноспрадающьа брашта и пріяшеля. Кадъ сироша заосшавша деца за помошь, и плачевна удовица прибѣжища у вами пошражи, по могушспву имѣнія, и сила ваши, помошьи дапи, незакоснявайше. — Свакомъ невинномъ сиромаху, свакомъ болномъ спарцу, кои хлѣба, одѣла, или помошьи пошребуе, милосердспвуйше. И свакомъ кои оп' васъ нуждно шшо воспроси, ако вамъ е могушье, безъ закоснешія подайше, и никога на свешу невредьайше. Тада шьеше Богу

Сы-

Сынови, содружеспву пакъ чоловѣческомъ полезни члени, и добродѣшелни люди бышп. Внимайше ово, и моя поученія на ваше срце положише, и шако упамшише, да и вы вашимъ чадама, подобно поученіе даши можеше. А я кадъ будемъ у земли шруную, вы опоминяюшьи се на вашегъ сшарогъ Оща, певайше ову, кою самъ васъ ради сочиніо песмицу:

Совѣтъ Юношеспву.

Твое пролѣшіе Юносше любима!
„Текъ еданпушъ само цвеша,
„И шо у цвешуща лѣша;
У коима младишь свакій, радосшь има.

У пешнайсшомъ лѣшу, швогъ милогъ возраспа,
„Проницава и доброша,
„И къ свему охоша,
Ер' ош' оногъ часа, Юноша шы посша.

У шо време, многа волшебспвуешъ срца,
„Као у младомъ еще лѣшу
„Краснѣишемъ жизны цвешу,
Кадъ на шебе свако око, взоръ свой баца.

Юношеска твоя сладчаіша времена,
„Преизрядно процвепаю,
„А на скоро опадаю,
Као прекрасна майка, ружица румена.

Запо себе наслаждавай у радоспи,
„Све Науке примаюпьи,
„Добродѣпель чувспвуюшьи;
Да нежалишъ всуе у твоіой спароспи.

Запимъ обраписе Драголюбу и Зилошу и рекне: Гди годь будепе живили, любовь съ ближнымъ вашымъ да имапе. Свагди има миролюбывіи люди, обаче мало и е число. — Управъ онде гди бы любовь и единомисліе пребало да цвепа, вражда и несогласіе влада. Ево да вамъ кажемъ дѣцо моя, запіпо самъ я у ову пусшыню живипи дошао. Я самъ у Граду *Кютахіи* Парохомъ быо; немогупьи обаче неправде, и прегрѣшенія людска, коя су у крайнѣй мѣри превозишла, подносиши, принужденъ будемъ ньи осшавипи, и овде съ мои домочадцы, доселиписе. Всѣхъ первѣйшій врагъ свію зала, было е ньино несогласіе. Сваки е медьу ньима хопѣо началспвоваши, и повелипелѣмъ быши. Оногъ кога е вепьа часпь за судію избрала, едни признаши, и покориши се нису хопѣли, а другіи видепьи ньиово упорспво, мрзили су и,

и

и почели ихъ гонити. Изъ овогъ се родила медьу ньима вражда и злоба. Петаръ мрзетьи на Павла, а Симонъ ненавидетьи Палеолога, ніе хотѣо у Церковь на Богослуженіе дотьи. Ако бы и дошли, враждебно бы едно другого погледало, и као звѣрови еданъ на другога, гнѣвливо взоръ бацали. — Я као душепопецыштель, за искоренити то зло, почео самъ явно у Цркви увѣщаніями молити, да отъ тога престану; но видетьи да се отнюдъ исправити нису хотѣли, обличавао самъ ихъ, и хуліо ньиову звѣроподобну вражду, обаче всуе. — Мени су оніи сви еднако миліи и драгіи были, зато разлике медьу ньима творіо нисамъ. У отношенію съ ньима было самъ равнодушанъ, но ни то имъ ніе право было. Ако самъ говоріо съ Петромъ, Павелъ е завидіо, ако самъ посѣтіо Андреа, негодовао е Кірілъ, и тако су ме огорчили, да на конецъ ни едномъ ванъ дужности у кутьу, отлазіо нисамъ.

Ако се кои трудолюбіемъ своимъ обогатіо, многіи су му завидили, ако се на честъ или достоинство возвысіо, нѣкимъ е кость у грлу было. Невѣжа способніегъ отъ себе, и нравами украшеногъ мужа, мрзіо е. — Грабитель правдолюбыва ненавидіо, клеветникъ истине защитителя презырао. Отъ кудъ е отмащеніе воспослѣдовало. — Еданъ другогъ само ако му се прилика подала, досаду учинити, имѣнія и чести лишити, кодъ надлежателства оклеветати за главну дужность, почиташе. Многіи обаче по виду миролюбы-

 ви,

віи, и благи быти видьаху се; обаче пошаино другомъ яму копати, и о несретьи ближнѣга неусипно трудитисе, непрестанно настояваху. Ова и овымъ подобна, подносіо самъ тридесетъ година, но видетьи дасе оніи нигда обратити нетьею, оставіо самъ ихъ у грѣхопаданіама томиме, и овде спокоино, обдѣлаваютьи ову землю, съ моима живимъ, и благогъ Бога како за свое спасеніе: тако и за ньино обращеніе, молетьи.

Сутра данъ Драголюбъ, и Зилотъ, после примлѣногъ поученія цѣлую старцу десницу, и подьу далѣ. У полдне видетьи едну можда столѣтну Ліпу покрай пута, седну поредъ студенца (*бунара*) мало одморити се. Зилотъ узме стрелу и удалисе, ловетьи птыце. Драголюбъ самъ седетьи, опомене се свое любезне, кою на свомъ срцу носаше, и овако жалостнымъ гласомъ почне пѣвати:

Европу самъ оставіо, у Асію дошао,
И ту мою прелюбезну затворену нашао.
Но судбина жестоко е самномъ поступила;
Іошт' тогъ часа Любезницу, опетъ ми отела.
Благій Боже! кудъ да идемъ, ты ме садъ настави!
Да ю скоро опетъ надьемъ, стопе ми управи.
Недопусти да ми младость овако прецвеша —
Ни да жалость, ахъ! прекрати моя млада лѣта.

После

После малогъ одмора, подьу далѣ, и у разговору доспѣду у *Смірну* вторый данъ надьу прилику за *Афріку*. У Галіи той, на коіой путоваху, былое и Аравляна съ коима Драголюбъ о разными стварми говораше. Еданъ отъ знатніи Егѵптянаца такодье Аравлянинъ, понуди Драголюба съ нимъ *у Егѵпетъ* потьи, обѣщаваютьи му добру плоту, за нѣгову службу. Онъ тому соизволи, обаче са условіемъ, да га овай кадъ му воля буде далѣ потьи, отпусти, и тако у Егѵпетъ отиду, и у *Чжизану* остану. Зилотъ любетьи Драголюба умоли Аравлянина да и нѣга прими. Онъ исперва ніе хтео, но на молбу Драголюбову узме га къ себи. Драголюбъ бяше верховный надъ робови Надзиратель, нѣгова дужность у томъ се состояла, Робове чувати, ньима послове налагати, и разнымъ и обычаемъ Европейцевъ, обучавати. Господинъ за вѣрность, и охоту тако га е возлюбіо, да му е све што е чинити желіо, дозволіо.

Кадъ бы годь Зилотъ са Драголюбомъ ванъ Града съ робови изишао, найвыше бы се обое услаждавали, развалинами бывшегъ Престолногъ Града *Мемфіде* а сувише, высокозданими *Пірамідами* кое по ветьой части надъ гробовомъ Егѵпетски Кралѣва, воздвигнуте бяху.

Едногъ дна, кадъ е раніе него обычно изъ Града съ робови изишао, и свакомъ от' ньи посао наложіо, отиде Драголюбъ са Зилотомъ къ онымъ памяти-достойнымъ *Пірамі-*

рамідамъ. Зилошъ са спреломъ бяше опишао разгледаши оно, шпо іощь ніе видіо. А Драголюбъ седне поредъ едне чрезвычаино украшене, и злашными слови написане *Пірамідс*, и наслаждаваше се помишленіями, коя о своіой Любови чувспвоваше. — На еданпупъ звукъ прясенія оп' десне спране услуша, и абіе на ноге скочи, кадъ шамо погледи: види подъ Пірамідомъ яму на подобіе подрума. Шта е ово? рекне у себи, дай да и по извидимъ. Подъ *Пірамідомъ* бяше велика гробница, крѣпчайшими сводови сазыдана, враша шакодье оп' камена, обаче шанко изсечена, морала су чрезъ шолико сполѣтія шерешъ надъ собомъ држеши, провалиши се. А въ прочемъ зданіе здраво и крѣпко бяше. Пусши се унупра, и види два опъ белогъ Алавасперногъ камена, изсечена сандука, медьу ньима спояше чешвероуголни каменъ, на комъ канділо, Богъ зна каквомъ маперіомъ напунѣно, шихо горяше, донде: докъ чиспъ воздухъ до нѣга ніе доспигао, кои га е угасіо. За у видиши како оно гори, паліо е са свакимъ горешьимъ вещеспвомъ: сумпоромъ, свешьомъ, упалѣнимъ дрвешомъ, и памукомъ, обаче упалиши ніе могао. У той гробницы шакво е благоуханіе было, да е помисліо: да се у Раю находи. — Незнаюшьи шта е у сандуцыма, опклопи еданъ, у комъ целокупно человѣческо шѣло надье (мумія) опклонивши и другій, подобно и у нѣму види. — И садъ шопрвь опомене се, да му е воспишашель нѣговъ

о Егvпетскимъ балзамиратымъ тѣлесама говоріо, очемъ се садъ искуствомъ увѣріо. Да ми е могутье помисли у себи, батъ бы едно отъ ови тѣлеса самномъ у Сербію отнео, за показати: колико е велико іощь у древнымъ временама, человѣческо художество (Ars) было. — За тымъ изидье наполѣ съ намѣреніемъ и Зилоту ову памятидостойность показати. После неколико минута, ето ти му содруга Зилота, свимъ силама бегаютьа, и у наручію едну женску носетьа. Но шта онъ садъ, да му содругъ носи, види, и позна! свою сердцемъ и душомъ любиму Любицу! — Драголюбе! милый Содруже! викаше Зилотъ изъ далека *ево ти Любезне! радуйсе! ево ти ю опетъ судбина предае.* Драголюбъ къ нѣму притрчи, ноге подъ нимъ дрктаху от' радости. — Она падши му на прси плачевнымъ гласомъ взываше: Драголюбе! милый Драголюбе! избави ме, недай ми пасти, у руке беззакониковъ. Онъ немогутьи ни словца проговорити, притискиваше ю нѣжно, сузе радости на обятія нѣна проливаютьи. После неколико минута загрливши Зилота рекне: драгій брате! радуйсе, ево мое Любезне. Ахъ! мое сладке Любице!

Зилотъ. Какве Любице? еда іой е то име?

Драгол. Она е! ахъ! она е моя дражайша Любица.

Зилотъ. Чія е ктьи?

Дра-

Драгол. Она е кћи Ѳеодопа, бывшегъ нашегъ Пароха!

Зилопъ чуюшьи ше речи, полумршавъ на прси Любице, падне.

Драголюбъ се смуши, незнаюшьи шпа шье ова сцена значипи. Зилопе! милый Содруже! повраши се, зашпо си се шако промѣніо? — небойсе — ево ме кодъ шебе! — подледай ме —

Зилопъ повращивши се, пригрли Любицу говорешьи: мила Сесшро! шпа шы овде пражишъ?

Драгол. Каква сесшра? шпа шы говоришъ?

Зилотъ. Я самъ испогъ Священика Ѳеодопа, кой е кодъ васъ Парохомъ быо, прводродный сынъ, а ово ми е сесшра.

Любица чуюшьи ше речи, падне му око враша, и грлешьи обоицу веселимъ гласомъ говораше: слашкій Браше! благо мени, кадъ самъ шебе и могъ Любезника, очима видила! О! срешье оп' милогъ Бога! о благословена часа, у комъ се опешъ сасшасмо!

Драголюбъ боешьи се да и когодь ненападне, опведе и на безопасно месшо, у гробницу, шу имъ шпа се приключило преповеди. Пошомъ Зилопа упиша: гди е онъ ню нашао?

Зилотъ. Я проодаюшьи се, видимъ два човека, да едну женску напасшвую, еданъ ю прзаше за едну а другіи за другу руку, а свакій опъ ньи къ себи ю присвоипи хошяше. Я се шамо приближимъ, за извидипи шпа е

шо.

шо. Любица видешьи ме сшранна, призыва-ше ме у помошь. Христіаніне! Бога ради из-бави ме изъ руку овіи беззаконика! — Я абіе запнемъ стрелу, и едногъ устрелимъ, а дру-гогъ надвладамъ, и вежемъ. А да ме небы когодь оп' ньови оршака ухваніо, узмемъ Любицу на наручіе, и шшо брже мого, бѣга-ти почнемъ, као шшо си ме видіо.

Драгол. Садъ нетреба закосняваши, и-наче шье насъ опешъ судба преварипи. Из-рекши шо, ошиде у вершъ, и донесе мало е-ла, и Любицы мужеско одѣло. Зашымъ сви шрое на колена падну, и помоливши се Богу подьу, къ *средиземномъ мору.* приспѣвшимъ имъ шамо, надьу Галію, на коіой жишо за Цариградъ приугошовлѣно бяше, погодесе, и подьу. Оногъ дна предъ вече, Галіа кренесе, и онїи на крову седешьи, грлише и любише се.

Садъ ми преповедай швое сшраданіе рекне Драголюбъ къ Любицы, садъ смо безопасни, а имамо доволно времена разговараши се.

Любица. Я кадъ самъ видила, даше е оиацъ опъ кушье на сшрану послао, да бы шѣмъ предпріяше болѣ ко концу привео; и пре него бы ме силомъ да се съ онимъ лѣнив-цемъ вѣнчамъ принудили, напишемъ писмо, осшавимъ га шеби на прочишаніе, и побегнемъ. Да бы безопасніе пушовала обучемъ мужеско одѣло, и шако додьемъ у *Албанію.* Я ми-слимъ да е болѣ шшо самъ шако иосшупила, нежели да самъ се ономъ у руке, кога неми-луемъ, предала. Опъ шудъ бы многа зла

слѣд-

слѣдствія произишьи могла, или бы я нѣга отровала — или бы сама себи смрть задала.— У *Іаніну* Граду надьемъ прилику за полуостровъ *Морею*. Замолимъ Началника да ме поведе, обешьаваюшьи му по могушству плашу. Онъ пакъ не само да ме е безъ сваке плашe извезао, но и рукопомошь дао. — У *Корінѳу* Граду бавила самъ се седамъ дана, а опшудъ предьемъ у *Наупліо* знашанъ, и яко посешьенъ Градъ. Изъ *Наупліе* добіемъ прилику за *Кандію*. У овомъ Острову, у Граду истога имена, бавила самъ се шесшъ месецы. Една удовица врло богаша, прими ме за свое, пазешьи и любешьи ме као свою кшьерь. Ньой се покажемъ да самъ женско, исповедаюшьи мое злоключеніе. — Она се на скоро разболи, и умре, нѣни сродни шрешьегъ дна ме изъ дома исшераю. Тако опешъ принуждена будемъ мужеско преобушьи одѣло, и щасшіе далѣ искаши. Тогъ дна имаюшьи прилике, подьемъ у Острovь Архіпелагъ, и шу грозну судбу искусимъ. На мору насъ ухваше морскіи Пусшаіе, сшвари и еспапе у ладьи бывше у Цариградъ опшесу, и распродаду, а насъ у роб. сшво оширеду. Трешьи данъ предъ вече, подигне се силна буря, коя Ладьу разбіе, и насъ волнама преда. Я бѣдна како самъ у море пала, нашла самъ се на некимъ даскама, кое ми пошонуши недадоше. Таласи силни кои ме почши у облаке высоко бацаху, причинише да самъ съ даске спала, и у глубину доспела; но десница Божія, коя ме е можда шебе ради со-

сохранити хотѣла, послала ми рукопомоть т. е. еданъ от' ладье балванъ, на комъ іощь двоица ухватьени пливаху, на мене нанесе. Я немогутьи за балванъ ухватити се, счепамъ едногъ отъ страдаютьи за ногу, и тако пливахъ. Таласъ пакъ повторително насъ у висину бацы, но сретно, палисмо на еданъ комадъ ладье, кои насъ е на пристанище Острова *Архипелага* Греческогъ извео. Како смо се на суву нашли, буря престане, и време благопріятно настане. Боже мой помислимъ у себи, шта тьу? какве ли тьу іощь горести овогъ света подносити? — После неколико часова додье една Галія и заустави се ту. Корабленицы насъ вопрошаваху от' куда смо? но мы имъ отвѣта дати немогосмо потому: што и нисмо разумели, ербо су оніи изъ *Асіе* были. Оніи намъ даду знакъ да у Галію ступимо, кое мы радостно учинимо, а нарочно видетьи ихъ милосердне у поступку и обхожденію съ нама, почиталисмо и, и повиновали се имь, мореплаваніе наше до Асіе непрестанно е щастно было. Кадъ смо се у Градъ *Конію* извезли, обрадовали смо се, мислетьи: да тьею насъ отпустити, но іощь тогъ часа бѣсмо распродати. Мене купи еданъ Гркъ изъ *Мозула* Града, и поведе собомъ. Пуна радости што самъ Христіаніну у руке дошла, доволно немогохъ Богу благодарити. — Господарь и Господьа радо су ме имали; ербо самъ имъ покорна, и послушна была. Свако вече наслаждавала самъ се съ тобомъ, опоми-

няю-

няюшьи се наши сладкій часова, кое самъ спобомъ провела. — Моя Господьа еданпупъ ме заспане плакающьу, и женски говорешьу, и зашо ме принуждаваши почне: да іой причину плача мога, ошкрыемъ. Я видешьи добросердечіе нѣно, све іой исповедимъ, на кое се она весма обрадуе: шпо е у мени женску душу нашла. Моя несрешьа — или поне да рекнемъ велика срешьа, самномъ опешъ играши се почне. Мой Господарь залюбивши се у мене, едномъ къ мени додье, и на само ми свою любовь ошкрые, молешьи ме: да и я нѣму взаимну любовь покажемъ. Ово ми е ножъ у срце заболо, знающьи шша ме у будуще ожидава. Онъ ми блага, и све шпо само помислимъ, дашни обешьаваше. На конецъ и ово ми рече: дашье свою супругу опроваши, и мене узеши. — Ово ме іощь выше смуши, и шако ме уплаши; да самъ предъ нимъ на колена пала, и плакающьи да ошъ шога преспане, молила, придодаваюшьи да самъ пре гошова умреши нежели то учинишни. Видешьи онъ да ме ошнюдъ приволеши неможе, изведе ме у едну ванъ Града спару и почши порушену *кулу*, и зашвори, гди самъ съ мало хлѣба и воде живила, и у плачу шесшъ месецы провела. — Но ни шо ме ніе приволеши могло, я самъ непоколебима была. Свако юшро и вече шебе самъ споминяла, и пѣснь жалосшну пѣвала, коя е причинила: даси ме чуо, и избавіо.

Дра-

Драгол. А шта е после было? кадъ су те оніи изъ мои руку отели.

Любица. Разбойницы оніи отведу ме у *Газу* на границы Египетской Градъ, я жалостію и тугомъ обременѣна полумртва самъ лежала. Оніи видетьи да самъ болна и немотьна, одреше ми руке, и отиду, а мене лежетьу оставе. Кадъ самъ се разабрала, и ньи удалѣне видила, добіемъ доволно крѣпости, узмемъ едно мужеско одѣло, преобучемъ се, и побегнемъ на море, гди корабль надьемъ, у кои крадомъ удьемъ, и сакрыемъ се. Кадъ се Галіа кренула, я самъ се показала.

Пришедшй у Егѵпетъ, Началникъ човекъ милостывъ, мене отпусти, и я радостно далѣ подьемъ, и іощь два Аравляніна самномъ. Кадъ смо близу оніи Пірамида были, овіи се договоре да одѣло съ мене скину, и себи присвое, кое и учине. А кадъ виде да самъ женска, почеше ме свакій на свою страну вушьи, и свакій отъ ньи себи хотяше присвоити. Утомъ додье сладкій братъ мой *Зилотъ* кои едногъ отъ ньи устрели, а другогъ веже, и мене бѣдну избави, — иначе бы ту цѣло несретньомъ постала! — ? — „

Сви. Благодаримо ти благое Небо! кое си всемилостыво на насъ призрѣніе имало.

По томъ Драголюбъ и Зилотъ преповѣдаху своя страданія Любицы, коя и е грле-

тьи

шьи слушала, и многа сшраданія ньина чую-шьи, сузе соболѣзнованія проливала. На конецъ сви радосшну, коя слѣдуе, испеваю, песмицу.

Сва щасшія земногъ блага
Днесь придобысмо,
Прославляймо благогъ Бога!
Шшо се видисмо, —

Садъ некъ пою све ппичице
Съ нами радосшно,
Ер' намъ ніе наше сердце.
Выше жалосшно!

Сяино сунце, злашне звезде
Свѣшло сіяйше,
И све шварн овогъ свеша,
Гласно певайше.

Ер' Божесшво с' смиловало
На насъ нещасшне;
И опешъ намъ даровало,
Часе спокоине.

У великой радости и веселю пушуюшьи додьу у Цариградъ къ Зилотовомъ сприцу, кои и радосшно дочекавши, дванаисшъ дана, при себи задржи. А шринайспи кадъ е сваную данъ, пушешесшвіе у Отечесшво предузму. Моремъ, непресшанно срешно су пушовали, и помошьію вѣпрова у *Албанію* дошли. Драголюбъ боешьи се да му Ошацъ внезапнымъ пришесшвіемъ нѣговимъ, презѣлно радосшанъ, напрасномъ смерпію неумре, посла Зилошпа у *Сербію* да Ошцу обяви: да шье му сынъ живъ и здравъ у обяшія дошьи. Зилошъ седне на коня, и у *Нови-Пазарѣ* ошиде. Све у дому, а нарочно спарца у крайнѣй жалосши, заспане. — *Радуйте се!* вопіе онъ, *ваиъ е сынъ живъ, и скоро тье вамъ дотьи! обаче съ условіемъ: ако му ону за супругу узети дозволите, кою онъ люби.*“

Старац. О Боже! ели иєшина да е мой Драголюбъ живъ? молимъ ше сыне! право ми кажи, ели живъ? — и хошьели дошьи? —

Зилотъ. Ако му оно, шшо самъ вамъ пре казао допусшишпе, до неколико дана онъ е у *Новомъ-Пазару.*

Старацъ. Све, шшо годь хошье дозволишьу му, — само да ми додье, и да га мое очи іошь еданпушъ виде.

Зилотъ. Ушѣшише се спарино, ваше тье срце ушѣшено быши. Драголюбъ е здравъ и крѣпакъ. Садъ само приуготовляйше нужна за пiршесшво, онъ тье се овде са *Любицомъ*, вѣн-

вѣнчати. Сутра совокупите све сродне, и пріятелѣ ваше, и очекуйте насъ, до три дна мы тьемо овде быти. — Ово говоретьи опрости се са старцемъ, и отиде.

Тогъ дна распростре се гласъ по своmъ Граду да тьею обое дотьи, и свако съ нестерпѣніемъ ожидаваше, изгублѣне младенце видити. Третьегъ дна не само сродніи и пріятельи, но сви жительи Града на сретеніе имъ изидьу. Юноше, Драголюбови содрузи, на коньма са зеленымъ гранама, а дѣвице цветьемъ накитьене, вѣнце на даръ имъ принести готове, стояху. Отацъ Драголюбовъ, и Мати Любице, остали бяху у Двору, за дочекати свое наймиліе госте. —

Драголюбъ и Любица у найдрагоцѣніемъ одѣлу обучени, плакаху отъ радости, видетьи превелику свои соотечественника любовь. — Саставши се скупа, поздрави неразборими отъ свію Драголюбу и Любицы, подносими бяху. Овіи немогутьи имъ доволно благодарити сузе признателности на дарь имъ приношаху. Путъ коимъ идьаху, бяше цветьемъ и зеленомъ травомъ посутъ. Юноше съ Гранами предидутьи, коньи свои заиграваху, а дѣвице венце носетьи, пѣваху радостне песме.

Овимъ торжествомъ спроводими, додьу у Градъ. Ступивши у дворъ *Драгутіновъ* (*тако се зваше Драголюбовъ Отацъ*), Драголюбъ сидье съ коня, и Отцу у Обятія падне, а Любица матери на крыло. Тогъ магнове-

новенія друго се немогаше чути, развѣ ецанѣ, и плачь свію присуствующьи. — После неколико минута, кадъ е мало своме срцу отлагшао, падне предъ своймъ Родитељмъ на колена, и ово говораше:

Отче! согрѣшихъ на Небо, и предъ тобою! — Я самъ тебе увредіо, за кое нисамъ достоянъ от' тебе опрощенія искати. — Обаче овомъ преступленію немой мене толико, колико себе обвинити. — Я самъ твою велику Родителску любовь увредіо, — твоя благодѣянія отъ могъ рожденія ми указана, погазіо, и отеческу благонаклоность презрѣо. — Но ты извини мене нещастногъ младитьа, когъ е любовь у толико ослепила, да самъ сва твоя заборавіо. — Любовь къ нѣжномъ полу, превозышла е мѣру отеческе любови; зато самъ те био оставіо. — Извини ме Отче! извини твогъ бѣдногъ сына, кои е многа коя скоро србскій сынъ претрпити нетье, тягошно поднео! — Да ниси самномъ тако поступіо, — даси ми ову кою паче живота цѣнимъ, узети дозволіо, свега тога небы было. Поступкомъ тымъ мени си страшна страданія, а себи тугу, жалость, и огорчени причиніо животъ. — Но садъ сва бывша заборавмо! — (*любетьи му колѣна*), радуймо се и веселмо! ербо е данасъ данъ велике радости, — я имаюшьи у обяшіяма мою любезну, заборави шьу све люте претрплѣне страсти, — а ты Отче! припяжаваюшьи у

нѣдрама сына, весели се тако: као да нигда за њимъ плакао ниси! —

А вами, (*обративши се кѡ Народу*) почитаеміи сограждани, кои сте ме усердно дочекали, и кои сте мое срећье учасшницы, усерднѣйше благодаримъ. Я тьу се потрудити целогъ могъ живопа, мою вамъ благодарносшь показиваши; исполняваюшьи оно: шшо самъ као сынъ и сограђанинъ, момъ Отечеспву дужанъ. А да самъ Вамъ испинно за ову вашу любовь благодаранъ, ове мое топле низь лице падаюшье сузе, доволно сведоче. — Овай примѣръ пакъ, кои сте у мени имали нека вамъ за науку служи, како съ чадама у женипби, да поступаше, ако многіи опасни зала, и непогодни случаева, избешьи желише. — Само онда чадама узеши се возбранише, ако примѣшише дае кое опъ ньи злонравно, и неваляло, — а въ прочемъ имъ на вольи осшављше! —

Сушра данъ Драголюбъ и Любица примивши опъ *Драгутіна* благословъ, съ величайшимъ шоржесшвомъ у Церковь *С. Іоанна Крестителя* опиду, и по закону, вѣнчани буду. Веселѣ и пиршесшво шраяло е целый осамъ дана.

После године дана Любица показа Драголюбу драгоцѣнни плодъ, обрадуюшьи га сыномъ, комъ при крещенію *Владиславъ* име дано буде. — После рожденія младенчева, живіо е *Драгутінъ* іошь шри месеца, и преспавіо се

се са задоволнымъ духомъ, у осамдесетъ првомъ лѣту, свое старости.

Нѣговъ сынъ поступи своегъ Отца место; ер' га е самъ *Краль* првимъ вождомъ неименовао. Добродѣтелно живетьи, многе е Отечеству полезне принео плоде. Породіо е съ Любицомъ іощь два сына, и едну кћерь. И у седамдесет-петомъ лѣту, свога живота, преставіо се.

ПРИМѢЧАНІЕ!

Съ великимъ срдца негодованіемъ, Публикуму пошужити се пренужденъ есамъ, да су се нѣка лица, на кое самъ се молебнымъ ласканѣмъ, дами по могушству пренумеранте совокупе, апресирао, у толико заборавили: да ме ни одговора удостоили нису, коль ми паче дасу ми Пренумеранте послали! — Да самъ ихъ обаче посшпортомъ опяготіо, небы ми ни жао было, но свакому посш-фрай писмо експедираюпьи, ево овіи кои слѣдую любовно ми по возможносши имена послапи изволише:

А Д А.

(*отъ Прем. Г. Авраама Павловича Пар*).

Преподоби: Г. Дѵонисіи Спефановичь О. Ж. Монастыра Бодіана Игуменъ. — Честп. Г. Василіе Поповичь Парох — Чесш. Г. Авраамъ Паѵловичь за сына Іоанна. — Чесш. Іоаннъ Докичь Діаконъ и Учиш. Мохолски. — Г. Григоріи Гашпаровичь учиш. — Г. Александеръ Дудварски Дішпор. Комесаръ. — Г. Самуилъ Дудварски Сироп. Опацъ. — Г. Георгіи Поповичь живописецъ. — Георгіи Груичь Купецъ — Георгіи Маноиловичь Куп. — Іаковъ Іаковлѣвичь земледѣлацъ — Іаковъ Радинъ Сапожникъ — за сына Іоанна -— Чесп. Гдн. Спефанъ Гаичиновичь Парохъ Півнигки.

БАЯ.

Благор. Гднъ Петаръ Іовановичь Ц. К. Постмайстеръ — Благор. Г. Самуилъ Ненадовичь Сенаторъ — Благор. — Г. Стефанъ Чокоръ членъ Комун. — Г. Живко Пекаревичь учит. — Г. Гаврилъ Аѳанацковичь прг. — Г. Петаръ Денди прг. — Георгіе Арсеновичь зора прг. — Харітонъ Крстаничь прг. — Родолюбивый Гн. Александеръ Аѳанацковичь Совокупитель.

11.

БЕЧКЕРЕКЪ ВЕЛ.

отъ Стеф. Поповича и Данила Никифоровича. —

Печесш. Гдн: Лазарь Поповичь Прошопресв. и Конс. членъ. — Чесш. Г. Іоаннъ Сумеоновичь Пар. — Чесш. Г. Георгіи Николичь Пар. и Кап. — Чесш. Г. Петаръ Цвепковичь Парох — Чесш. Г. Стоиша Христичь Капел. — Чесш. Г. Емануилъ Бакаловичь Діак. и учиш. — Благор. Гдн. Димитріи Трифунацъ ош Банфе, Бировъ Кікінд. Дішпр. и С. Вармеће Торонш. Ассесоръ — Благор. Іоаннъ Тріфунацъ С. Торонш. Варм. Први Фішк. за сына Георгіа — Благор. Гдн. Срешко Михаиловичь многи Фамиліа искусный Фішкалъ — Благор. Г. Ѳеофілъ Секуличь више Фам. Фішкалъ — Благор. Гд. Прокопіи Гайчиловичь Фішк. и ревносшни Србинъ — Бл. Стефанъ Вуковичь Адвокапъ.

кашъ. — Бл. Гдн. Іоаннъ Іоанновичь Адвокашъ — Благор. Гдн. Евспашіе Михаиловичь Бировъ — Благор. Гднъ Георгіи Богоевичь емер. Бировъ садашни Сенаторъ — Благор. Гднъ Георгіи Савичъ емер. Сенаторъ, и С. Вармедье Торонпал. Інченіеуръ — Благор. Г. Павелъ Савичь Сенашор. — Гди. Аронъ Пеичь Сенашор. — Благор. Г. Савва Вуковичь Геометра — Г. Георгіи Споиковичь Геометра — Высокуч. Г. Александер Веселиновичь Юріста — Г. Димишріи Димипріевичь закл. варошк. Канц. — Г. Малешъ Крестичь Тргов — Господічна Любица Крестичь Книж. любителница — Господичи. Анна и Маріа Мусичь книга любителница — Г. Димипріи Жигичь шргов. — Г. Тімошпей Савичь шр. — Сімеонъ Марковичь Трг. — Павелъ Павловичь Тр. — Іоаннъ П. Бубаловичь — Крста Бошнякъ — Ніколай Лазичь — Ігняшъ Вуковъ — Теодоръ Ристичь — Савва Чокерлянъ Тргговцы — Теодоръ Шаинъ Шпекул. — Іоанъ Велисавлѣвичь — Господична Олімпіада Купусаровичь — Персида Куруцки — Катаріна Поповичь — Катаріна Савичь — Маршіца Ристичь — Спефанъ Споянчевичь Тр. — Сімеонъ Теодоровичь Тр. и Комунип. членъ. — Теодоръ Жикиновичь — Георгіи Поповичь Моleръ — Вукъ Воиновичь — Алекса Бачкаличь — Гдчна Катаріна Іанковичь — Лазаръ Исаковичь — Теодоръ Савичь — Конспанпінъ Крompичь — Іоаннъ Кудичь Молеръ — Димипріе Георгіевичь Молер — Іоаннъ Тапавіца шр. — Бели-

заръ

заръ Іефшичь — Спефанъ Споичь Брадорѣзанель — Григоріе Милешичь Ћурчіа — Савва Голубовъ — и Сімеонъ Табаковичь Ћурчіе — Ісакъ Димишріевичь Абажіа — Димишріи Црнянски Канц. — Надзираш: — Сімеонъ Іанкаидацъ Коларъ — Пешаръ Дуяковичь за Сестру Персиду — Гаврилъ Адамовичь шр. и Ком. Член. — Пешаръ Димишріевичь шр. — Пешрь Влаховичь ревносшни Србинъ шр. — Михаилъ Янковичь за унуку Юліану — Пешрь Поповичь лебцелдеръ — Кіриљъ Рисшичь шрг. и Ком. членъ. — Высоуч. Гднъ Михаилъ Апанасіевичь лаш Школ. Проф. — Сімеонъ Поповичъ Клирикъ. Моисило Енецковъ Кроячь. —

71.

БЕЛА ЦРКВА

Отъ Г. Сімеона Журжа Клир.

Пречесш. Г. Веніаминъ Милошевичь Прошопр. и Конс. Членъ — Пречесш. Г. Іоаннъ Поповичь изъ Смолніца у Сербіи Прошопр. — Гдн. Евшиміи Варзи шр. и Сенашоръ — Господична Юліана Ракичевичь — Господична Маріа и Анна Мишровичь — Г. Іосифъ Неделковичь шрг. — Высокуч. Г. Іоаннъ Туцакевичь учиш. — Іоаннъ Поповичь — Рахила Поповичь учен. — Георгіи Перволовичь. — Ѳома Радуловнчь — Іоаннъ Савичь — Андреа Авpамовичь шрговцы — Госп. Софроніи Радошевичь Спражамешшеръ — Александеръ Спефановичь шрг. — Георгіи Николичь ученикъ —

Ті-

Тімотей Цацулъ Сунтаксісша — Николай Іованчичь ученикъ — Г. Живко Радоиковичь Комп. — Вікеншіе Іовановичь соларе Пракш. — Арсенъ Якшичь Малеръ. — Іосіфъ Крсшичь изъ Алибунара шр. — Андрея Вулпе шр. Калф. — Георгіи Барбуловичь шр. Калф. — Іоашъ Демеперъ Пирра шр. Калф. — Аксеншіе Живковичь Георгъ Иличь — Косша Іоанновичь Кроячи — Георгіи Вулишичь Сапунжіа — Георгіи Радуловичь — Сімеонъ Савичь — Лазаръ Живковичь — Василіи Михайловичь, Ћурчіе — Іанко Лепедашъ Кроячь — Вікеншіе Пушникъ Ћурч. Калф. — Милованъ Топалевичь Бирташъ и Табакъ — Георгіи Поповичь Шпекул. — Паншелей Марковичь Чизмашъ. — Димишріи Козакъ Чизмашъ — Ігняшъ Николичь из Мишровіце — Іоаннъ Милошевичь изъ Карловца обое Чизмашки Калф. —

59.

ОКОЛНА МЬСТА.

Высокопреп. Г. Исаіи Груичь О. Ж. М. Злашице Игуманъ и Консіспоріе Членъ — Пр. Ніфоръ Манчулъ Намѣсшникъ — Ч. Іоаниъ Доанновичь Пар. Іасеновачки — Чесш. Г. Савва Коичь Пар. Врачавгайскій — Чесш. Г. Савва Іасеновски Пар. Избишки — Ч. Г. Вікеншіи Малешичь Пар. Іасеновачки — Ч. Михаиль Ракичь Пар. Дупляйски — Ч. Арсеніи Спояновичь Пар. Парпянски — Ч. Тріфонъ Давідовичь Пар. Загаички — Ч. Г. Машей Поповичь

вичь Пар. Ульмански — Г. Василіи Іаношевъ учит. Іасеновачки — Г. Іоаннъ Косшич уч. Червено-Црквански — Г. Димишріи Вуичь учит. Каипасовачки — Г. Арсеній Ракичь учит. Дупляйски — Г. Махаилъ Бранковичь смер. учитель — Иліа Давідовичь и Сынъ Его Ђурчіа Загаички — Александеръ Давідовичь учен. — Савва Арашковъ учит. Загаички —

18.

Б У Д И М Ъ.

(*Послани одъ Г. Ѳоме Пантазића*)

Пречесп. Г. Емануилъ Малешевичь Протопр. Будиск. и Консист: ассессор. — Чесп: Г. Іоаннъ Випковичь Парохъ и Консист: ассессор. — Чест. Г. Аѳанасій Гоичъ Діаконъ, и Консист: канцел. — Бл. Г. Никола Темешвари Секретаръ кодъ Конзил. — Бл. Г. Павелъ Трифунацъ одъ Банфе конциписта кодъ Кр. Комор. — Бл. Г. Іоанъ Беричь Депут. фунд. Школ. Актуар. Бл. Г. Павелъ Недоклянскій Деп. фунд. Шк. Кассаперцеп. — Бл. Г. Пешаръ Аси-Марковичъ Сл. Вихар. Вармеђ. ассессор. — Бл. Г. Симеонъ Ігняповичь Адвок. — Г. Самуилъ Марковичъ членъ комуништа. — Г. Димишріе Савичь шрг. Г. Ѳома Пантазићъ шрг. са супр. Сокомъ, и кћ. Любицомъ. — Гжа. Наѳалія Велецки любит. чшен. — Гжа. Елена Карпузъ любит. чшен.

13.

ВУКОВАРЪ

Отъ Чест. Г. Георгіа Бановича Діакона.

Высокоучен: Г. Атанасіи Бирра фишкалъ — Высокоуч. Г. Павелъ Іоанновичь юріста — Благораз: Госпоже — Анна Спаичь — Маріа Михайловичь — Персида Михаиловичь — Анна Бановичь — Г. Димитріи Поповичь — Георгіи Бирра — Василіи Марковичь — Павелъ Паничь — Теодоръ Теодоровичь, шрговцы — Павелъ Спойшичь спакларъ и шуторъ школски — Теодоръ Дуждовичь спакларъ — Іоаннъ Лазаревичь — Атанасіе Падновичь — Михаилъ Падновичь казанджіе — Гергіи Брусичь сапожникъ — Алекса Поповичь шабакъ — Петръ Іоанновичь — Петръ Іанковичь — Георгіи Петровичь — Николай Георгіевичь — Ефтиміи Поповичь — Іоаннъ Митровичь — Георгіи Адамовичь ученицы —

25.

ДАЛЬ

Николай Живковичь А. Е. М. сл. Доміниума шпанъ.

ЗЕМУНЪ

Отъ Г. Димитріа Николича трговца.

Слав. Серб. Бібліотека — Благор. Г. Игнятъ Василіевичь Ц. К. восшочни езыка толмачь — Благ. Г. Марко Крестичь сенаторъ — Г. Стефанъ Радичевичь діурніста — Г. Петаръ Споя-

Спояновичь зем. ком. магазінаръ — Благораз. Г. Василіи Іовановичь учит. — Пепаръ Теодосіевичь естествениіце слышап — Трговцы Г. Апанасіи Петровичь — Г. Панпа Спефановичь — Анпоніи Теодоровичь — За кпьерь Персіду — Григоріи Живановичь изъ Обрежа — Григоріи Веселиновичь — Теодоръ Ѳомичь — Урошъ Лазаревичь — Константінъ Міх. Іановичь — Георгіи Мартіновичь — Георгіи Д. Соларъ — Моисило М. Лазаревичь — Іоаннъ Андреа Паппане — Лука Іовановичь — Димитріи Іанковичь шрг. калф.

22.

Примѣч. Кою самъ годь кнугу опворіо, усвакой самъ напао дае Земунъ свагда многа знаменипа места числомъ пренумеранповъ, превосходіо — а пу могу заключити дасу и Жипельи просвѣщенія ревнипельи, и дае Г. Совокупипель неупрудимъ, и горепьи книжесипва лебдипель — о! кад' бы Богъ дао да сви овако мисле — и сви Сербльи овако ревновали, заисипа бы книжесипво наше скорымъ временомъ на вр'у свое цѣли было — запо, понеже да нѣколико ревнолюбиви совокупипеля имамъ, смѣло казапи могу да се многіи градови, и велике варопи, (оп' кои ни имена овде нема) на слѣдуюпьи лица велику Ревноспь, угледапи могу. пт. е. на Г. Димипріа Николича шрговца Земунскогъ — Георгіа Бановича Діак. Вуковарскогъ — и Пе-

пра

тра Седларевича Осѣчкогъ — буди имъ на свагда и опъ мене, и опъ правомисляцыхъ шопла благодарносшь! — „

И Р И Г Ъ

Отъ Прег. Г. Кирілла Неофітовича Пароха.

Прва, впора и шрешьа училищна класса 3 кн. — Бл. Г. Георгіи Николаевичь учиш. 3. кл. Г. Філіпъ Николичь уч. вшор. кл. — Гн. Димишріи Сечански пар. Голубиначки — Г. Козма Папуличь Лебцердеръ — Павелъ Кошупичь Сабовски калфа — Стефанъ Неофіповичь Опрокъ Милошъ Радоичичь ученикъ — Димишріи Васичь опр. — Конспанпінъ Тапіміровичь учен — Александеръ Мірковичъ из Мішровіце сапунжінски калфа —

13.

Л О Г О Ш Ъ.

отъ Благор. Гдн. Іоанна Поповича Фішкала.

Благородна Господа Іоаннъ Шупляиски оп Валябоулъ Ассесоръ — Васили Миланковичь оп Вісагъ Ассесоръ — Георгіи оп Папхази велик. Фішкалъ Крашовске Вамедье — Емануилъ Миланковичь опъ Жабаръ — Іоаннъ Поповичь выши Фамиліа Фішкалъ 2 кн.

6

МЕЛЕНЦЫ.

Пречесш. Гдн. Іоаннъ Іоанновичь Протопресвѵш. В. Кікінд. и Консісторіе членъ — Преч. Г. Павелъ Бибичь Нам. и Конс. членъ — Чесш. Г. Марко Іоанновичь Пар. и совершени Юрісш. и Юрапъ — Сімеонъ Субичь шрг. — Іоаннъ Петровичь шр. — Григоріи Іоанновичь Ђурчіа — Живоинъ Поповичь шрг. — Благородна Господична Маріа Тріфунацъ отъ Бапве.

8

МИТРОВИЦА

(*Послани одъ Г. Станое Станковича*)

Пречесшн. Г. Андрей Радовановичъ Протопр. Чесш. Конзисш. и Слав. Комиш. Сремск. Таб. Судеиск. Присѣдашель. — Чесш. Г. Ѳеофанъ Іовановичъ Парохъ. — Чесш. Г. Гаврилъ Ѳеодоровичъ Пар. Шашиначки. — Чесш. Г. Георгіи Обрадовичъ Пар. Грабовачки — Чесш. Г. Алекса Косшичъ Пар. Чалманскій. — Чесш. Г. Іаковъ Моловичъ Администр. Павловачкій. — Чесш. Г. Іоаннъ Максимовичъ Діаконъ Мишров. — Г. Ѳома Возаревићъ Расшел. Иберрейшеръ. — Г. Димишріе Поповичъ шрг. — Михаилъ Радовановичъ Машемаш. Слушаш. — Сл. Библиошека Срб. Мишровачка.

11.

НОВА ГРАДИШКА

Отъ Г. Атанасіа Раилича трговца.

Blag. G. Gavrill Relkovits Kapetan iz Svinyara — Gosp. Leopold Sator Oberleutn. — G. Marko Svortsevich

vich Capral iz Svinyara ово су Р. Каполіцы — Господич. Анна от' Шумарски — Г. Маріа Раиличь — Госпож. Ангеліна Мандровичь — Г. Аѳанасій Чеча шр. — Г. Василіи Теодоровичъ Staabs=Schreiber. — Г. Апанасіе Неделковичь из Земуна за свогъ Писара Спанка Субошича — Г. Ніколай Ніколичь шрг. калф — Г. Спанко Міланковичь Ковачь за браша Арона — Спірідонъ Вугдраговичь Берберски Карф.

12

НОВИ САДЪ

Отъ Бл. Г. Михаила Николича Адвоката

Высокоуч. Гдн. Іоаннъ Хаджичь Докторъ обои права, Адвокашъ, и Факулшеша Юріди-ческаго Сочленъ, и ревносшію горешьи Србинъ, и Списашель, 2 кн. — Высокоуч. Гдн. Гавріилъ Ползовичь Адвокашъ — Высок. Г. Павелъ от' Іоанновичь Адвок. — Выеокоуч. Г. Савва Шиличь Адвок. — Высокоуч. Г. Аѳанасіи Ѳеодоровичь Адвокашъ Профессоръ, Докш. Філософіе, и Філософ. Факулш. Сочлен. — Пр. Г. Серафімъ от' Міросавлѣвичь Епски. Капел. — Преч. Г. Іоаннъ Косшичь Парохъ — Высокоуч. Г. Петрь Іоанновичь Докш. Філос. Проф. и Сл. Кр. Табул. закл. Ношар. — Госпож. Екашаріна Наспасъ Іанковичь — Высок. Г. Іоаннъ Гадешъ Юріспа — Высокоуч. Гдн. Михаилъ Ни. количь Адвок. и ревн. Србинъ.

12

НОВИ

НОВИ СЛАНКАМЕНЪ

Одъ Г. Іоана Давидовича.

Честт. Г. Лука Іоановичь Админ. и Каших. за Гжу. Супр. Екатерину, и чада Любомира, и Еву. — Бл, Г. Кирилъ Шеашовићъ Ц. К. Капитш. Лаишн. Сл. Петровар. Рег. у Бешки за унука Димитрія и питомку Босилку. — Бл. Г. Стойко Поповичъ Ц. К. Оберлайшн. испе Рег. у Н. Карловци. — Благораз. Гчна. Іуліана Спанковичъ Любишельица чшен. Г. Никифоръ Влаховичъ Ц. К. Фиреръ. — Г. Симеонъ Галовићъ шрг. у Карлов. — Г. Никифоръ Роксићъ шрг. за Синове Александра Іоана, и Димитрія. — Г. Іоанъ Давидовићъ шрг.

8.

ОСЂКЪ

Отъ Чест. Г. Петра Седларевича Діак.

Благородна Господа: Іоаннъ Іоанновичь Сенашоръ — Василіи Николичь Сенашоръ — Василіи Ашанасіевичь Мед. Докш. и Фізікусъ — Василіи Маргарешъ Адвокашъ. — Петръ Вировацъ Адвок. — Павелъ Маргарешъ Адвок. — Сшефанъ Неделковичь Адвок. — Іоаннъ Живановичь Адвок. — Благораз. Г. Іоаннъ Іанковичь учиш. 3 кн. — Бл. Г. Маріа оп' Юрковичь — Бл. Г. Екашаріна Іоанновичь рожд оп' Хаджичь — Г. Аншоніи Таичевичь шр. — Г. Максимъ Іоаниовичь шрг. — Евшимиі Тадичь шр. — Г. Іоаннъ Вукашиновичь за кшьерь Елі-

саве-

савешу — Г. Георгіи Милашъ шрг. — Г. Іоаннъ Сімеоновичь шрг. — Ѳома Моска шр. — Г. Петръ Пасковичь шрг. — Максимъ Бозда шр. — Г. Іоаннъ Васичь Юноша — Господична Милица Шевичь — Госпож. Сарра Крагуевичь — Г. Василіи Іоанновичь Абаж — Г. Василіи Пекичь Аба. — Г. Иліа Ягазовичь Абаж. — Г. Тімошей Продановичь Абаж. — Г. Нікіфоръ Павловичь Сапунж. — Павелъ Радановичь учен. — Іоаннъ Папхази учен.

30

Овымъ Ревнителѣмъ благодаримъ.

НОВИ ВЕЧЕЙ

Г. Александеръ Димишріевичь шр. — Г. Георгіи Вуковичь шрг. — Г. Живанъ Недельковичь Арендаторъ. — Госпож. Елена Папичь рожд. Георгіевичь — Г. Іоаннъ Теодоровичь Комісіонеръ — Іефшими Теодоровичь ученик — Г. Ѳома Тапавица учиш. — Г. Александеръ Кімпановичь Сапунж. — Теодеръ Живковичь Сапунж.

9

ПАНЧЕВО

Отъ Преподобнѣйшегъ Гдна Ѳеодосіа Черняньски Игумна Воиловачкогъ.

Чесп. Г. Арсеніи Предраговичь Пар. Ковінски — Чесп. Г. Арсенъ Пощичь Пар. Брестовачки — Преп. Г. Августінъ Ранисавлѣвичь Намѣсп.

мѣсш. Воиловачк. — Пр. Г. Мелетій Стояновичь закл. Спарецъ — Пр. Г. Моисей Янковичь Еклісіархъ — Благор. Гдн. Давідъ Раичь С. Регіменше Панчев. Сл. Школа Дірекшоръ 5 кн. — Бл. Г. Іоаннъ Іагодичь от' Крняче куп. Панчев. — Г. Іоаннъ Іоанновичь куп. Овчански — Гдн. Стефанъ Живановичь Стражам. — Г. Ігнятъ Бараевацъ шрг. Спарчевачки — Сімеонъ Црнянски Руф. Турч. Калф. — Димишріи Црнянски Нѣм. Школ. Учен. — Г. Стефанъ Новакъ Марковичь шрг. Ковінски —

17

ПЕРЛЕЗЪ

Г. Максимъ Евгеновичь Ц. К. Декр. Салц-Фершлайсеръ — Г. Іоаннъ Димишріевичь шрг. изъ Ечке — Г. Тома Димишріевичь шрг. изъ Томашевца — Г. Андріа Курякъ шрг.

4

РУМА

Благор. Гдн. Тріфонъ от' Младеновичь С. Срем. Коміш. закл. Віце-Ношаръ и Адвок. — Высокоуч. Гдн. Георгіи Конпичь Адвок. — Г. Григоріи Воиновичь шрг. — Г. Теодоръ Димишріевичь шрг. — Г. Іоаннъ Васичь шрг. — Господична Софіа Машичь — Г. Іоаннъ Палешашевичь Кроячь — Г. Пешаръ Лакичь Абажіа — Г. Михаилъ Михаиловичь чизм. — Теодоръ Мануиловичь шрг. Калф. — Сімеонъ Філіповичь ученик. — Васили Крестичь учен.

12

ФРАНЋВО

Отъ Чест. Г. Д. Ћаковца Капел.

Честп. Г. Александеръ Іоанновичь Парохъ— Высокоуч. Гдн. Стефанъ Чокерлянъ С. Дішпр. Кікінд: Ношаріи 2 кн:— Г: Іоаннъ Гавриловичь Клирік. — Благораз. Гжа. Іуліанна Кекезъ рожд. Чокерлянъ — Благор. Гжа Юліанна Недичь рожд. отъ Ієней — Г. Марко Влашкалінъ Касіръ — Г. Георгіи Раиковичь Туторъ — Г. Димитріи Сервінацъ шрг. — Александеръ Бранковичь — Сімеонъ Петровичь Крочь — Г. Іоаннъ Раиковичь коморашъ.

12

ПЕШТА.

Честп. Г. Георгій Марко Пар. и Конзиш. ассесоръ. — Бл. Г. Михаилъ Вишковићь Таб. Адв. и Чанадс. варм. Ассесоръ. — Бл. Г. Ѳеодоръ Павловичь Адв. — Бл. Г. Іоанъ Іаковлѣвичъ Іур. изъ Карловаца. — Високоуч. Г. Антоніе Неделковичъ и Іоаннъ Мойчъ Слушателъи Медицине. — Високоуч. Г. Іосифъ Николичъ слушат. прав. 2. год. у Пожуну. — Г-Георгій Станковичъ шрг. — Г. Нилола Стояновићъ шрг. — Г. Іосиф Миловукъ шрг. за Сина Милана, и Душана, 3. — Г. Димитрій Ненадовичъ шрг. — Г. Максимъ Радивоевичъ. — Г. Іоаннъ Демепровичъ шрг. — Г. Гаврилъ Бозиповацъ шрг. — Г. Георгій Кузмановичъ избр. Гр. шрг. — Г. Пепаръ Раичъ шрг. —

Гжа

Гжа. Макрена Миловукъ. — Гжа. Іуліана Радивоевичъ рожд. Виашовичъ. — Высокоуч. Г. Аксентіи Поповичъ Лог. Слишатель. — Г. Петаръ Паунковичъ любитель чтенія. —

23

ТЕМИШВАРЪ

Отъ Гдн. Пантел. Д. Тірола Списателя.

Пречест. Г. Іоаннъ Васичь Нáрохъ и Администс. Протопр. Темишварск. — Честп. Г. Тімотей Иличь Капел. и Капіх. — Благор. Гдн. Георгіи Георгіевичь Бировъ — Бл. Г. Іоаннъ Бакичь Капетанъ — Бл. Г. Данилъ Петровичь Сенат. — Бл. Г. Иліа Груичь Віце-Нотаръ — Гдн. Тімотей Петровичь Закл. Акцес. и Архів. — Г. Василіи Пантазичь кодъ Холц-Амта писаръ — Г. Ааронъ Арсеновичь Інсур. Оберлаит. — Высокоуч. Гдн. Атанасіи Звекичь Адвок. — Благ. Г. Іоаннъ Спояновичь сл. спаилука Ферићхаза́ Полномощникъ — Г. Авраамъ Дузи Ц. К. Поспмаистеръ — Г. Василіи Бранковичь Буковачкій Нотаръ — Г. Георгіи Хаджи Ѳома Пешаковъ, Видинацъ, Житель Краіовски, Наука Любитель — ГГ. Трговцы: — Аркадіе Пеичь — Николай Недельковичь — Георгіи Кажиміръ — Михаилъ Шевичь чл. Маш Серб. — Теодоръ Нягулъ Чл. Ком. — Димитріи Шишманъ — Іоаннъ Іанковичь — Павелъ Павловичь — Лазаръ Башушъ трг. Калф. род. изъ Земуна — Софроніи Груичь Ћурчіа — Павелъ Спаичь Чизмаръ — Василіи Спаноевичь бер-

берберъ— Софроніи Николичь Сакошани тр.— Гдн. Димитріи Тіролъ 5 кн.— Благор. Гжа Ефросинія отъ Папхази, спаиница Кикешъ— Благ. Гжа Екатеріна от' Вуковичь рожд. Панајотъ спаиница Берексова— Благ. Гдн. Милошъ Каракашевичь Salz=Wägmeister— Монастыръ Бездинъ 2 кн.— Благор. и Высокоуч. Гднъ Димитріи Кузмановичь выше фам. Фішк. и Ч. Кон. тойже.

38

ТИТЕЛЪ.

(*Послани одъ Г. Живка Крестича*)

Бл. Г. Михаилъ Давидовичъ Лайтн. Шайк. Благор. Г. Борашевъ Лайтн. Шаик. — Бл. Г. Стефанъ Милошевичъ Грундбухфиреръ. Г. Петаръ Радукинъ фуриръ — Г. Іаковъ Тапавица фелдвебель — Г. Георгій Іанковичъ трг. — Г. Марко Іанковичъ трг. — Димитрие Николичъ кроячъ. — Г. Павелъ Натошевичъ трг. изъ Сланкамена. — Гжа. Марія Крестичъ

10.

СОМБОРЪ

Преч. Гднъ Павелъ Аѳанацковичь Пар. и Катіх. препар. Інштітута— Чест. Г. Арсеніи Миловановичь Діаконъ и Учит.— Г. Димитріи Мороквашичь Учит.

3

Примѣч. Г. Совокупитель ми явля, да бы већье число Пренумеранпа у Сомбору было, обаче узрокъ прилаже; да люди шамошни говоре да оно у Книги нема, шпое у Обявленію написано: „смешно предразсужденіе.“

ЧЕРЕВИЋЪ

(*Посл. одъ Лазара Христофоровича*)

Чесш. Г. Адамъ Милупиновичъ админ. Парохіе Баношшарске. — Г. Гаврилъ Нешковичъ шрг. — Г. Пешаръ Косшичъ шрг. — Г. Теодоръ Герчки. — Георгій и Исаакъ Варакъ. — Г. Іоанвь Живковичъ. — Г. Лазаръ Хрисшофоровичъ шрг.

Пачишаемый Публикумъ нека ме у овой сшруцы извини, и опросши, шшо е моя книга маня него шшо самъ я мисліо испала, обаче нека сваки безприсшрасшно разсуди и увиди, да е она съ нови и сишни щампана слови, кое е величину нѣну умалило.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р 13 Сро III 231.1

